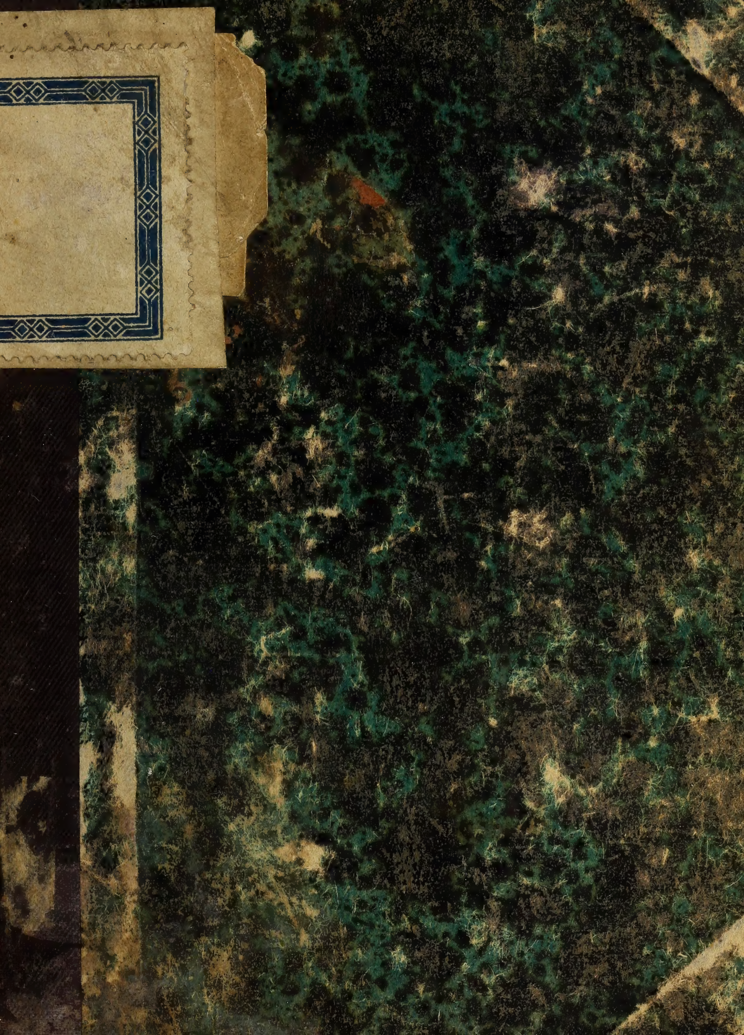
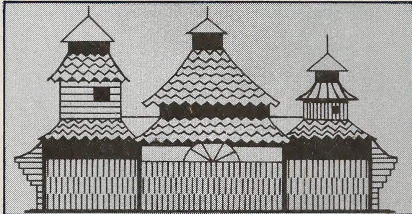

Собственност
Самообразовательного к
Унгварских Богослов

НАРОДНОЕ

ЧТЕНІЕ

Выпускъ II.

ИВАНЪ.

Повѣсть изъ народной жизни.

Издаетъ:

КИРИЛЪ Л. САБОВЪ.

Ужгородъ 1869.

ИВАНЪ.

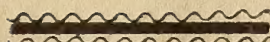
Повѣсть изъ народной жизни.

Составилъ

А. КРАЛИЦКІЙ.

(послѣ „Uli der Knecht" Готтгельфа.)

Печатня Вдовы Карла Iегера.

I.

АНДРЕЙ ХОЗЯИНЪ И ЕГО СЛУГА.

Черная какъ уголь ночь покрывала матушку землю, иначе гробный вуалъ. Въ одинъ крестьянскій, сельскій дворъ просимъ вступити читателя. Дворъ довольно пространный, на переднемъ планѣ котораго опрятный сельскій домикъ стоитъ. Въ самой задней избѣ этого домика слышны изъ одного кута слѣдующія слова:

— „Эй, мужу! слышишь-ли?"

— „Ну что за бѣда" былъ отвѣтъ изъ другаго угла избы, кажется мущины, сопровождаемый храпомъ и зѣваніемъ.

— „Вставай же, пять часовъ отбило, пора скотъ кормити. Иванъ во вторый часъ по полуночи какъ-то по бѣдѣ привлекся домой, а еще въ какомъ положенію!... Такъ грянулъ собой тутъ подъ самымъ окномъ, что мнѣ дивно, какъ ты не могъ пробудитися?"

— „Авось проспался и пришелъ къ себѣ доселѣ.“

— „Ну, полно мужу; лучше вставай! — вѣдь самъ же ты говоривалъ не разъ и не два, что не всякаго дурня впустилъ бы въ хлѣвъ съ свѣтломъ“; — отразила ему заботливая супруга.

— „Ухъ, ужъ это сущая правда, что дѣло плохо идетъ съ нынѣшнею челядью;“ — сталъ ворчати хозяинъ, зажигая свѣчу и обувая сапоги.— „Одна бѣда, что едва достанется; другая — что нестарчишь платити, — а все таки самъ принужденъ все кончити. Напослѣдокъ человѣкъ еще и непосмѣетъ казатися хозяиномъ въ своемъ домѣ; вѣчно долженъ уѣдатися, если желаетъ какой-нибудь порядокъ въ домѣ держати. Сварися, либо терпи...“

— „Да ты и не можешь на все сквозь пальцы позирати,“ — подстрекивала его дальше женщина. „Что много — то много, и прошлой недѣли дважды былъ пьянъ; ктому выбираетъ свой оброкъ всегда на передъ. Если будешь проглодывати все безъ замѣчанія, — этотъ подлецъ, подумаетъ, что дѣла его хорошо ведутся, и спортится со дня на день еще горше. Впрочемъ и совѣсть внушаетъ человѣку заботитися и нравственностью его. Хо-

зяинъ, все таки хозяинъ въ своемъ домѣ, пусть что будетъ говорити свѣтъ, мы тѣмъ не станемъ утруднятися. Хозяинъ въ своей хатѣ — голова, такъ если будетъ презирати распустность челяди, то долженъ будетъ отвѣчати предъ Богомъ и людьми. Для того говорю тебѣ, что какъ скоро отзавтракаемъ, то вычисти же ему хорошо зубы,“ додала заботливая хозяйка съ натискомъ.

Андрей хозяинъ терпѣливо и преспокойно выслушалъ бесѣду жены до конца. Онъ былъ человѣкъ кротокъ, миролюбивъ и хладнокровенъ; нелюбилъ ссоры, да нетерпѣлъ такого шума въ своемъ дворѣ, который бы и сосѣды могли услышати. Домикъ его какбы любая часовня стоялъ въ тѣни вышневаго сада; отсюда въ сосѣдскій дворъ не было инаго голоса слышно, развѣ бочанія рогатой его скотины. Съ женою жилъ мирно, въ любви и согласіи, челядь никогда не бранилъ въ слухъ, но въ духѣ кротости и ласковыми словами; а бывало кто ужъ чрезъ-чуръ провинился, когда чаша терпѣнія переполнилася, такого хорошо наставилъ въ четырехъ глазахъ. — Но и то дѣлалъ спокойнымъ тономъ, по отцевски; невыкрикивалъ, но представилъ пошлость преступленія, исчислилъ всѣ могущія отъ сего произойти злыя послѣдствія,

и внушалъ оставити заблаговременно грѣховную стезю: а это все — такъ обдуманно, хладнокровно, что этого никто изъ челяди не зналъ, ибо послѣ наставленія миновала ужь всякая горечь да волненіе съ твари хозяина. — Такій способъ вразумленія порядочно имѣлъ свой успѣхъ, — ибо дѣялось то наединѣ, по отцевски и съ не досадою... Вотъ какое вліяніе имѣетъ на развращенное сердце самоообладательный и смирный характеръ, — человѣкъ и невообразилъ бы.

Какъ скоро хозяинъ и слуга встрѣтились въ хлѣвѣ, то необмѣнялись и словомъ: хозяинъ занимался своимъ дѣломъ, а слуга лише о х а л ъ. Изъ хаты стали звати къ завтраку, — хозяинъ подошелъ къ колодезу и умылъ руки. Иванъ уныло влачился около конюшни, стыдился войдти въ избу, да и тяжко бы былъ пошелъ, еслибъ бы была его сама хозяйка непригласила поименно.

Иванъ сидѣлъ у завтрака понуривъ голову. Онъ стыдался синихъ пятенъ подъ льбомъ и красной (червеной) какъ рожа твари. Но позднее раскаяніе — неидетъ впрокъ. Лучше стыдаться дотолѣ, доколѣ несовершили преступленіе; лучше прежде обдумати дѣло — какъ послѣ краснѣти въ виду содѣяннаго преступленія. Надъ трапезой непозволялися

никакіе намеки на счетъ Ивановыхъ „штемплей,“ даже и обѣ, впрочемъ своевольныя, служанки, несмѣли улыбатися, ибо хозяинъ да хозяйка кушали въ молчаніи и держались серьёзно. Послѣ кушанья, служанки стали посуды выносити въ кухню, Иванъ ставъ со своего мѣста и покрывъ голову шляпой, убирался вонъ изъ комнаты.

— „Поди-ка сюда мой любезный Иванъ, имѣю съ тобой короткую бесѣду,“ сказалъ хозяинъ и ввелъ своего слугу въ преднюю комнату, гдѣ хозяинъ усѣлся возлѣ стола, а слуга осталъ стояти при дверяхъ. Бѣдакъ, такъ выглядалъ какъ невинная овца.

Иванъ былъ парень красивъ, здоровъ, силенъ и едва числившій 20 годовъ отъ роду; но въ чертахъ его проглядывала какая-то угрюмость, невсказывающая на мягкое сердце и кроткую душу. Понурый взглядъ дѣлалъ его нѣсколькими годами старѣе.“

— „Иванку! — такъ началъ хозяинъ — это такъ дальше не можетъ идти; что много — то много; ночьныя твои кутежничанья да дерзости неистерпимы. Я свой скотъ не могу на такого человѣка поручити, который непрерывно подхмѣленъ. Свѣчу нельзя такому человѣку дати въ руки, ко

торый и то не памятаетъ: по воздуху ли, либо по землѣ ходитъ; ктому ты куришь трубку, а то не тайна что много домовъ отъ трубки превратилось въ пепелъ. Я поняти не могу — что ты задумалъ? для чего не вступишь въ себя? и непомыслишь къ чему поведетъ таковая жизнь...

— „Я еще никого неподпалилъ, — да и работу свою исправно кончу: если пью, что кому до того, пью на свои деньги,“ — отвѣтилъ съ досадою слуга.

— „Это правда мой Иванъ, что свое пропиваешь; но видишь, все таки ты мой челядникъ, и если это такъ будетъ ходитися съ дня на день, люди наконецъ скажутъ: „а вотъ это слуга Андрея, ну позволяетъ же ему хозяинъ его погибати... ну каково сердце у этого хозяина?... Правда, что хату мою еще незажегъ, но можетъ и то случитися, никто не знаетъ все впередъ. Какъ могъ бы ты покойно спати запаливъ надъ нами домъ, а я, жена и дѣти погорѣли бы въ огнѣ? — Что касается твоего труда, — онъ сынъ мой, вѣруй не много стоитъ. Днемъ спишь между скотомъ, такъ что не видишь, не слышишь, да не чувствуешь; притащився домой около полуночи, вызираешь какъ страшило. И теперь какъ выглядываешь?

что жалко становится позрѣти на твои синяки. — Знаю, что снова былъ у той безчестной и у ней провелъ ночь.“

— „И то неправда, ибо я у никакой безчестницы не былъ, да и не нуждаюсь въ любовницахъ. Если же вы недовольны моими поступками, то выплатите мою надлежину, и я хоть сейчасъ оставлю домъ вашъ. — Нынѣшнимъ хозяевамъ и Богъ непостарчилъ бы довольно работати, все одно — хоть и урвешься. Плата все меньша и меньша, пища и хуже и скупѣе, наконецъ придется ловити хрущи да мыши, если захочется мяса ѣсти...“

— „Иванъ, загради себѣ ротъ, — такъ не будемъ говорити. Проспися прежде, тогда иначе будешь мыслити и говорити. Вѣруй сынъ мой! отъ сердца, жалѣю тебя, изъ тебя могъ бы хорошій человѣкъ статися, да я и думалъ сперву, что поправишься; но отъ коли сталъ пьянствовати! человѣкъ едва скажетъ слово, верхъ всегда твой. Ахъ Иванъ! Иванъ! приведутъ тебя еще въ пагубу тѣ развратницы!“

— „Ну, и какія развратницы?“

— „Думаешь что я не знаю, что ты волочишься къ Пелагеѣ Кудрявцевой? и весь свой

заробокъ на нее то накладаешь? — отвѣтилъ Андрей хозяинъ. „Въ двухъ уѣздахъ несыщешь равной ей въ подлости. Хата ей подобна голубятнику, одинъ внутрь — другій вонъ; предъ всякимъ она лжетъ, что лише его любитъ самого; а потому если станется что-то, не на твою ли шею навяжетъ свою безчесть? — и что станешь въ этомъ случаѣ дѣлати съ ребенкомъ, когда и на собственную гортань нестарчишь? Эй Иванъ, Иванъ! говорятъ тебѣ: опамятайся, — развратной, пьянственной жизни злой конецъ! Теперь иди съ Богомъ! но если нераскаешься, иди себѣ куда хочешь, я болѣе тебя нетерплю. Вотъ тебѣ восьмидневный срокъ для разсужденія.“

— „Не надо мнѣ и восьмъ дней, — хоть сейчасъ исплатите чѣмъ одолжены,“ — ворчалъ Иванъ выходя изъ хаты, но хозяинъ „невосхотѣ разумѣти.“

Когда Андрей хозяинъ вышелъ вонъ, первымъ вопросомъ супруги было: „ну скажи-ка что говорилъ ему, а онъ что отвѣтовалъ?

„Теперь нельзя еще убѣдити его, скоро разгорячивается, лучше было завтра брати его „подъ грабки“ когда вытрезвился изъ подхмѣля, когда не будетъ шрегомъ. Восьмидневный срокъ на-

значилъ ему къ размышленію, увидимъ какъ тогда нагадается.“

Иванъ сердито, съ надутою тварью, оставилъ комнату своего хозяина, негодуя на безправное съ нимъ обхожденіе. Въ хлѣвѣ помѣтывалъ упряжью, копалъ въ все что попалось подъ ноги, бранилъ, лаялъ страшно скотину, такъ, что на головѣ хозяина дыбомъ волосы вставали; но хозяинъ все терпѣло сносилъ, а лишь иногда ублагательно подмѣтилъ: „ну, ну Иванъ!“ Сталъ носитися и на прочей челяди, думая, что зачѣмъ прочіе не были выбранены, то ужъ всѣ стоятъ на сторонѣ хозяина, слѣдовательно противу него враждуютъ. Всякій выступался ему изъ дороги, такъ и не было до кого увадитися.

Помалу вышумѣлъ ему изъ головы паленчаный газъ, вытрезвился; но всѣ составы тѣла стались какъ бы задеревянѣли, неначе отрубанная вѣтвь дерева, а то не лишь тѣло страдало, но и духъ унывалъ да болѣлъ..... Надъ чѣмъ прежде любилъ засмѣятися — теперь надъ тѣмъ горевалъ. Болѣло у него и душа и сердце....

Пока шумѣло въ головѣ, дотолѣ гнѣвался, ругалъ на хозяина, но какъ скоро протрезвился, то самъ себѣ сталъ дѣлати упреки. Ужъ больше

не роптал на газду, обличившаго его изъ-за пьянства, но гнѣвался самъ на себя, упознавши себя провинившимся. Пришли ему на память оныя 10 ици (кварты) вина, которыя прошлаго вечера, съ разными свѣтовыми волоцюгами, пропилъ; — за которыя 14 дней придется ему кроваво потитися. Проклиналъ корчмаря, столь щедро дававшаго. Пришла ему на память и — Пелагея Кудрявцевая, и то, что говорилъ объ ней его хозяинъ; въ сознаніи и виду всего этого — холодный потъ покотился ему по челѣ.

— „Да хозяинъ правъ — началъ раздумывати, — что эта Пелагея не только меня самого любитъ; да вѣдь я ужъ дважды засталъ у ней чужихъ мужчинъ. Можно что они имѣли у ней свое дѣло, — да и Пелагея говорила, что была по дѣламъ. — Авось Пелагея права!... Разумѣется что у ней нѣтъ намѣренія меня обольстити... А впрочемъ кто знаетъ? Ахъ какъ лукавыя всѣ дѣвушки! Однако не хорошо отъ нея, что съ Федоромъ Лукашинымъ затворенною её нашелъ въ избѣ. Такъ, я покину ее, не пойду къ ней никогда, пусть останетъ себѣ, — не буду вѣровати больше“... Такъ раздумывалъ Иванъ; — а тутъ вдругъ по той сторонѣ частокола (плота) показался ликъ какой-то

дѣвушки, увидѣвъ которую Иванъ поспѣшно скочилъ въ хлѣвъ. — „Да ужъ правда, хоть бы и хотѣлъ её посватити, нельзя, ибо нѣтъ при душѣ и сломанннаго шелюха; ктому задолженъ еще и у портнаго; нѣтъ бѣлья, — всего только двѣ цѣлыя, а четыре изношенныя сорочки. Старчилъ бы только на себя и свои долги заработывати, а не еще иго брати на плечи." Такъ рѣшилъ нашъ герой и увидѣвъ что Пелагея ушла (ибо она была), ялся за свою работу. Бездяченъ, недоволенъ былъ и съ собой и съ всѣмъ человѣчествомъ, даже съ всѣмъ міромъ; — къ никому не озвался съ ласковымъ словомъ, а лишь ворчалъ какъ надутая лягушка (жаба). Увѣрялъ самъ себя, что хозяйка нарочно варитъ безвкусныя ѣдла; хозяинъ неправо обременяетъ его трудною работой, — и мстился немилосердно, надъ кѣмъ? надъ скотиною...

Если теперь хватило бы у него денегъ, да не побоялся встрѣтити на улицѣ Пелагею, — то ужъ непремѣнно пошелъ бы прямо въ корчму, дабы тамъ заліяти тоску жидовскими помоями, — но доколѣ нѣтъ денегъ, то сиди дома. Если кто вопроситъ: „почему такъ скоро угасла любовь Ивана къ Пелагеѣ?" тому мы отвѣтимъ, что Иванъ никогда её нелюбилъ. Онъ къ тѣмъ молодцамъ над-

дежалъ, которые изъ чванства заранѣе начинаютъ волочитися за дѣвками; которые опрометью и не обдумавъ послѣдствія бросаются въ ровъ грѣховныхъ сластей; которые, на подобіе мухи облетываютъ зажженную свѣчу, и сами себѣ осмаливаютъ крыла; — но какъ скоро кто-нибудь укажетъ имъ на плачевныя послѣдствія безнравственной жизни, и сами упознаютъ весь вредъ ея, то они вскорѣ опамятываются!

Андрей хозяинъ и его супруга ничуть незаботилися Ивановымъ ворчаніемъ да гнѣвомъ. Притворялися будто видѣти — не видятъ, слышати — неслышатъ: хотя иначе внимательно слѣдили за всѣми его поступками.

— Этотъ молодецъ — сказала Ева, супруга Андрея — очень разгнѣванъ, можно ты его чрезъчуръ выбранилъ?

— „Нѣтъ, солодкая! но Ивану стало совѣстно, гнѣвится самъ не себя — а мстится надъ другими. Еще разъ вычищу ему зубы, а то въ слѣдующее воскресенье.“

— „Небуди столь жестокимъ относительно его. Иванъ непослѣднiй еще деньщикъ, а впрочемъ кто знаетъ, получимъ-ли и такого?“ ублагивала супруга мужа, который лишь казался разгнѣваннымъ.

II.

ОДНО ПРЕКРАСНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ НА СЕЛѢ.

Чисто, безоблачно и восхитительно засѣяло багряное утро изъ субботы на воскресеніе, какбы этотъ Господскій день въ золотую утварь хотѣлъ облечися. Темно-зеленая трава колысалась подъ тяжестью оживляющей росы, а луга изливали благовонный паръ по всей окрестности. Пернатныя животныя, иначе небесный хоръ ангеловъ пѣли Творцу славословіе. Не лишь человѣкъ, но и вся природа сего дня праздновала.

Андрей хозяинъ, вернувся изъ заутрени, которую какъ истинно-русскій, православный христіанинъ, никогда непроминулъ; что больше ставалъ еще на клиросъ и вмѣстѣ съ пѣвчимъ возсылалъ хваленіе небесному Отцу, — теперь по скончаніи утренняго славословія, изъ церкви прямо отправился на свои нивы. Сердце его было религіозными чувствами преполнено. Такъ спѣша спорыми шагами по плодоносным своимъ ролямъ, угобзающимся богатымъ урожаемъ, сердце начало трепетати, и онъ инстинктивно бросивъ на землю широко-крысую шляпу и дымящуюся трубку, палъ на колѣна, смѣрился предъ Великимъ Творцемъ и

послалъ Ему во воню утренняго славословія — вотъ какую, импровизованную молитву:

„Отче мой небесный! всякое животное, всякая трава Тебя одного восхваляетъ, какъ своего Создателя..... Можно-ли, чтобы я видя сіе, неподвигся къ твоему хваленію? и оставался нѣмымъ? Нѣтъ! Хвалю Тя, благословлю Тя, кланяюся Тебѣ: великія ради милости Твоея... Буди имя Твое благословенно отъ нынѣ до вѣка! Я, жена, дѣти, Тебѣ хотимъ служити, — неотрини насъ отъ лица Твоего. Бѣдны мы всѣ, но сердце наше полно благодаренія къ безпримѣрному милосердію Твоему!“

Такъ молился благочестивый селянинъ, но когда пришелъ ему въ голову Иванъ, его деньщикъ, котораго Богъ одарилъ силою и здоровьемъ, но на Котораго онъ забылъ и Его дары злоупотребляетъ, — сердце сжалось у него отъ тоски; долго раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ бы его навернути къ Богу? — Этотъ доброй хозяинъ дорожилъ своею душей, для того на сердцѣ его было и спасеніе ближняго.

Вотъ, какій человѣкъ былъ нащъ Андрей хозяинъ, заслуживающій чтобы шляпу предъ нимъ сняти, — ибо не каждый господарь такъ думаетъ; а то одна изъ головныхъ причинъ безнравственно-

сти нынѣшняго вѣка и душевной порчи нѣкоторой челяди.

Разговоривая такъ въ молитвѣ съ Богомъ, Андрей позабылъ, что дома ожидаютъ его съ завтракомъ.

— „Скажи-ка съ кѣмъ проболталъ время?“ спросила его жена, когда преступилъ порогъ... Ужъ завтракъ давно готовъ, но за тобою всегда надо ожидати;“ — додала какбы негодуя Ева.

— „Разговоривалъ съ Богомъ, любезная!“ отвѣтилъ серіозно хозяинъ, отъ котораго отвѣта у Евы показались на глазахъ — слезы.

Послѣ завтрака хозяинъ прервалъ молчаніе вопросомъ: „ну, а къ св. обѣднѣ въ церковь кто изъ васъ пойдетъ?“

— „Я сама хочу идти, для того пріодѣлась заблаговременно,“ — отвѣтила домовладычица.

— „Матушка! и мы идемъ,“ — кричали даже малютки. Но Иванъ и обѣ служанки молчали, какъ рыба въ водѣ, а на запросъ Андрея: „а вы неидете? стали всѣ трое извинятися. Хозяинъ разсердился.

— „Ужъ это прескверное дѣло, что волочитися по ногамъ, бѣгати въ корчму, у васъ достаетъ времени, а въ церковь нѣтъ. До полудня хоть-

и нетрогайся съ мѣста, а ужъ послѣ полудня — хотьбы выстрѣлилъ изъ пушки, — такъ что едва дождется человѣкъ вашего возвращенія;“ — сказалъ хозяинъ сердясь. „Это нехорошо отъ васъ, что только плоти угождаете, а на душевную пользу и невнимаете. Повѣрьте мнѣ, что хозяинъ къ такому челяднику и довѣрія не можетъ имѣти, который къ Богу студеный, ибо кто Богу невѣренъ, какъ можетъ быти къ человѣкамъ вѣренъ?“

— „Такъ и непопусти, чтобъ осталися дома,“ замѣтила супруга.

— „А такъ если всѣ пойдемъ въ церковь, то кто останется варить обѣдъ?“ возразила одна изъ служанокъ.

— „Обѣдъ наваритъ моя Лизинка“ — сказалъ хозяинъ указавъ на двѣнадцать лѣтнюю дѣвушку, дочь свою. „Пусть свыкнется съ трудомъ заранѣе; скорше научится, если человѣкъ всю заботу ей самой предоставитъ.“ — „А ты Иванъ тоже останешься дома вмѣстѣ съ мной. Богъ проститъ намъ это замедленіе, — пойдемъ въ церковь въ слѣдующее воскресенье. Днесь отелится корова, и я нелюбилъ бы, чтобъ въ ту пору никто не былъ дома.“

Хозяйка сейчасъ замѣтила: изъ-за какой причины хочетъ остатися съ Иваномъ дома хозяинъ, такъ и не прекословила, а велѣла сейчасъ одѣватися служанкамъ и вмѣстѣ съ ней отправитися въ церковь.

Служанки повиновалися и разомъ съ Евою отъишли въ церковь. Между тѣмъ когда всѣ отправились въ домъ Божій, а лишь трое душъ осталось дома, — нечаянно прибыли гости: это былъ мельникъ и мельничиха изъ сосѣдняго села, послѣдняя была родною сестрою Андрея, а первый шуриномъ.

Челядь возвратилась изъ храму, — началась пирушка; хотя не во время прибыли гости, а были радушно пріяты и угощены.

Послѣ отшествія гостей въ самъ вечеръ, Андрей хозяинъ подошелъ къ хлѣву, давъ на знамость слугѣ, что наступающую ночь вмѣстѣ будутъ сторожити, такъ какъ корова непремѣнно отелится. Напрасно утверждалъ Иванъ, что сосѣдскій слуга прирекъ къ нему придти, они успѣютъ и сами доглянути корову, пусть хозяинъ нетревожится: но и Андрей въ свою очередь близорукій не былъ; и онъ проникъ сквозь сито, — такъ должно было статися по его волѣ.

III.

НАСТАВЛЕНІЕ ПРИ СВѢТѢ ЛУНЫ.

Ночь была прекрасна, холодъ весны съ теплотою лѣта сліялися въ одно, въ прозрачной ночной атмосферѣ. Звѣзды какъ небесныя лампады ясно сверкали въ непостижимой, синьей дали. Луна, какъ небесная царица, въ всей своей полнотѣ сіяла на небѣ.

Вездѣ распространялося молчаніе, какъ бы вся природа вымерла, — а только отдаленный грохотъ, запоздавшагося воза, нарушалъ ночную тишину.

Хозяинъ и слуга завѣсили въ хлѣвѣ зажженную лампаду, сами же усѣлись на приспѣ хлѣва, запалили на трубку и стали вникати въ синюю престрань небесъ.

— „Ну, на чемъ же остановился ты, братъ мой?“ прервалъ молчаніе самъ Андрей хозяинъ, когда ужъ довольно напозиралися въ ясную тварь полной луны.

— „Ужъ хоть бы пошелъ — хоть бы лишился у васъ,“ — отвѣтилъ Иванъ, но не сурово какъ прежде. „Но если хотите хозяинъ! то могу и остатися“ — додалъ слегка.

— „Хорошо, молодой пріятель! вѣдь же я не прогоняю тебя; но знаешь, — оно то все таки непорядно идетъ, что когда я въ своемъ домѣ скажу слово, то верхъ всегда твой, затѣмъ всю недѣлю ворчишь, вызирая такъ будто весь округъ хотѣлъ проглотити бы.“

— „Таже я невиноватъ, что Богъ посѣтилъ мя столь гнѣвною тварью. А тому если и яростно позираю, то это неотносится до васъ, хозяинъ! — сказалъ Иванъ. Видите, — додалъ по хвили, — я сирота вѣчный, а то еще слуга, я неимѣю никого на свѣту на бѣломъ. А такъ лишь для того, чтобъ неустанно робити неначе скотина? а если изъ горя иногда и выпью лишнюю чарку, то ужъ хоть убей? Видите хозяинъ! это-то болитъ меня.“

— „Самъ ты сынъ! причиняешь болѣзнь эту себѣ, — отвѣтилъ хозяинъ. Который молодой человѣкъ запутается въ сѣти особъ легкаго поведенія, таковый самъ собственными руками копаетъ могилу власному же счастью. Знаю я, что всякій тѣмъ льститъ себѣ, что въ бѣду попадется не онъ, а другій; и если разъ два обойдетъ, ее третьяго раза непремѣнно увязнетъ въ болото. — Пока его непостигло еще злополучіе, дотолѣ только смѣется

изъ всякаго совѣта и предостереженія; но какъ скоро поскользнулся, иныхъ обвиняетъ, почему не задержали его предъ пропастью. Вѣдь же нельзя никого за волосы воздерживати. Неправда-ли Иванъ? сказалъ хозяинъ взглянувъ пристально слугѣ въ глаза, — ты ужъ сталъ понимати, что правду я сказалъ предъ пару днями, такъ какъ всю недѣлю обходилъ Пелагею? Видишь сынокъ! это-то обстоятельство было причиною твоего цѣлонедѣльнаго гнѣва, — хотя ты безъ того могъ и обойдтися я даже говорю тебѣ, чтобъ то больше разъ не было, ибо я нелюблю видѣти въ своемъ домѣ угрюмую личину.“

— „Ну и чтожь нехорошаго выконалъ?“

— „Эй но, ужъ развѣ можешь доказати, что, молъ, пьянство богоугодное дѣло? что дружество съ Пелагіей непротивно десяти Божьимъ заповѣдямъ?“

— „Суть люди еще горше меня!“

— „Можно что суть; но одинъ плохой человѣкъ не сдѣлаетъ другаго лучшимъ; и если другій большій пьяница, негодяй, развратникъ и подлецъ, то прото ты нелучшій, одинъ воронъ — другій ястребъ, одинъ девятьнадцать — а другій безъ одного двадцать.

— „Такъ ужъ и невольно человѣку никогда повеселитися, развлечися?“

— „Ахъ, Иванъ! вотъ разсуди самъ: развлеченіе-ли это, когда человѣкъ въ слѣдствіе его, цѣлую седмицу принужденъ дутися, упорничати и безвдячнымъ показыватися? какаяжъ то забава, которая въ силѣ всю жизнь огорчити? черта стоитъ, братецъ, такая забава! Невозбраняю, чтобъ честно незабавлялся, но буди разборчивъ въ родѣ забавы, ибо люди и по тому умѣютъ познавати человѣка, какую онъ забаву и услажденіе любитъ.“

— „Легко вамъ хозяину совѣтовати, у васъ есть хорошій домъ, скотина, добрая супруга, изрядные дѣти... Вы имѣете чему радоватися, да и я самъ, будучи вами, и непоглянулъ бы на Пелагею Кудрявцевую, — вонючую корчму Шандли. Но такъ.... чтожъ я? бѣдный слуга, у котораго нѣтъ ничего, о которомъ никто незаботится, отецъ-мати рано вымерли, сестры суть, но и не позираютъ на меня. Чему и жіетъ такій человѣкъ на свѣтѣ? буде занедужаєтъ — черви его съѣдятъ... померетъ, вынесутъ на кладбище неначе животное... никто непролієтъ надъ нимъ слезу.... Ахъ, почему непогибъ будучи еще ребенкомъ!“ додалъ Иванъ,—

и дюжій, крѣпкій, жестоковыйный юноша расплакался какъ грудный младенецъ.

Хозяину понутру было это раскаяніе, этотъ плачь; всякая слеза, скатившаяся съ глазъ „блуднаго сына“ этого, казалась ему небрушеннымъ алмазомъ.

— Не унывай сынъ мой! еще ты не на только окаяненъ, какъ думаешь; — сталъ Ивана утѣшати его хозяинъ. „Прежде всего лишись выступной, развратной жизни — и я бьюсь объ закладъ, что изъ тебя будетъ еще человѣкъ. Видишь, многимъ людямъ допомогъ уже Господь Богъ, — у Котораго и столько не было сколько у тебя, когда родился въ Виѳлеемскихъ ясляхъ.— Много было людей еще бѣднѣе тебя!...“

— „Родитися бѣдному, а потому отразу сбогатѣти, — это счастіе не каждому дано.“

— Ребяческая бесѣда! какъ можешь и желати чтобъ былъ счастливъ, когда весь твой доходъ либо пропиваешь, либо на блудницы израсходуешь. — Я еще невидѣлъ такую копѣйку, которая выброшена разъ изъ кармана — назадъ бы сулилася. Это ужъ сама найбольшая ошибка, что хочешь на силу увѣритися, что ты убогъ, такимъ

долженъ быти и оставатися. — Вѣруй въ противное, а вѣра твоя неотщетится."

— „Ну, это ужъ никакъ непонимаю, какимъ образомъ сбогатѣти бы могъ? Вѣдь жалованье мое едва довлѣетъ на платье, ктому суть у меня еще и долги чтоже остается теперь про черный день?"

— „Боже ты мой! развѣ нестыдно столь молодому парню, поединокому, признатися, что молъ у него и долги суть? Такимъ образомъ завтра ты можешь пойдти съ котомкой. Нѣтъ, Иванъ! это долѣе ужъ не можетъ такъ вестися! — еще есть время, а говорю что жаль бы тебя было."

— „Ужъ я все то говорю, что, кто родился бѣдакомъ не будетъ тотъ никогда графомъ!"

— „Еслибъ ты Иванъ ходилъ въ церковь, тамъ бы могъ научитися отъ священника, какъ можно сбогатѣти."

— „Ну и какъ можно? что говорилъ священникъ?"

„Всякій человѣкъ одаренъ Богомъ двумя большими капиталами, значительныя отсотки приносящими; одинъ изъ этихъ капиталовъ — это способность; а другій время. Пользуясь ними благоразумно — осягнути можно такъ настоящее какъ

будушее блаженство. Если у кого нѣтъ той почвы, на которой здобность свою могъ бы развинути, а время благоразумно, полезно и цѣлисоотвѣтно употребити: тотъ пусть ссудитъ взаимъ свою здобность и время за извѣстныя отсотки такому человѣку, у кого много работы, но мало способности и времени: а это называетъ службой. Жаль! но такъ стоятъ дѣла въ настоящее время, что многіе служивцы настоящимъ горемъ почитаютъ службу, а хозяина — неиначе какъ врага и притѣснителя: изъ сей точки зрѣнія полезнымъ считаютъ чѣмъ менѣе работати, чѣмъ больше времени въ праздности провести, проспати да проболтати, ктому къ хозяину невѣрными быти: грѣхъ это на всякій случай, ибо тѣмъ они обманываютъ человѣка, которому взаимъ дали свою способность и время. Но какъ всякое вѣроломство само себя наказываетъ, и эта невѣрность имѣетъ свои плачевные результаты: ибо кто несприяетъ своему искреннему, тотъ и самъ себѣ невѣренъ. Что дѣлаемъ часто, то незамѣтно примемъ въ обыкновеніе, чего едва можно стрястися. Если который-нибудь челядникъ неустанно ктому стремитъ, чтобы чѣмъ менѣе работати, постоянно ворчитъ, роптаетъ когда хозяинъ что-нибудь приказываетъ — на столько

привыкнетъ къ такимъ безпорядкамъ, что на конецъ и самъ себѣ плохо работаетъ. Если такій лѣнтяй оженится, — станется лѣнивцемъ, негодяемъ, недовольнымъ, а наконецъ нищенствующимъ. Такъ онъ всѣ злыя слѣдствія этого подлаго обычая: както нищету и неудовольствіе, потащитъ съ собою даже до гробя, а отъ гроба къ судилищу Божію. — Оглянись только вокругъ себя, сколько увидишь людей, влачащихъ жалкую жизнь свою съ ущербомъ товарищества и живущихъ какбы въ поруганіе Провидѣнія, таковые люди суть живымъ примѣромъ тому, что невѣрство отмщаетъ само себя. Кто навыкнетъ трудолюбію, онъ снискалъ себѣ заслуги у человѣчества; которая заслуга пусть побуждаетъ насъ къ дѣятельности даже до гроба, и поощряетъ, чтобъ всякое слово и дѣло было въ славу нашего имени. Эта слава, это имя, отворитъ либо затворитъ предъ нами сердца согражданъ нашихъ; сдѣлаетъ почитаемыми, либо презрѣнными. Пусть какъ ни будетъ кто мелкій, есть у него свое имя да честь, по которой мѣряютъ насъ люди. Хорошая слава паритъ на орлиныхъ крылахъ, снискиваетъ пріятелей да друзьевъ цѣнность нашу убольшиваетъ, имѣніе споритъ, а наконецъ Царствіе Божіе намъ пріобрѣтаетъ."

— „Вотъ такъ говоритъ нашъ священникъ; — для того знай братъ мой! кто вступитъ въ службу, пусть непозираетъ её рабствомъ, а хозяина палачемъ; но первую какъ время науки, а послѣдняго какъ отъ Бога назначеннаго опѣкуна, учителя: ибо что былобъ изъ тѣхъ, у которыхъ только силы и времени достаетъ, еслибъ люди недали имъ занятіе и возмездіе?“

— „Такъ можно, что попъ и правду имѣетъ, да и вы хозяинъ! — отвѣтилъ Иванъ уклончиво; но неужели нельзя ни разу бѣдному человѣку погуляти?

— „Братъ! я ужъ сказалъ все что сказати имѣлъ. Теперь ужъ знаешь какимъ образо̂мъ можно изъ нищеты выкарабкатися и статися богачемъ. Вѣруй этому, — и съ временемъ будешь счастливъ и доволенъ; но только такъ, если этому крѣпко вѣровати будешь.“ — И тѣмъ заключилъ Андрей хозяинъ ночное наставленіе.

IV.

ПЕРВАЯ ПОБѢДА.

Въ слѣдующія будни вся челядь занята была полевыми работами. Андрей хозяинъ будучи вмѣстѣ и сельскимъ старшиною, заботясь и общин-

ными интерессами, едва имѣлъ и на часинку досуга приглянутись за челядью и съ Иваномъ пару словами обмѣнятися.

Бывало прійдетъ къ вечеру домой, супруга не можетъ довольно нахвалитися Ивана, какъ прилѣжно работалъ онъ весь день, во сколько бывалъ кротокъ, нѣменъ; скоро хотѣла что-то приказати,— оно ужъ и сдѣлано... Андрей хозяинъ отъ сердца радовался таковому повороту дѣлъ и со дня на день оказывалъ слугѣ больше довѣренности и благорасположенія.

Да подлинно, ничто непадетъ такъ горько домовладыкѣ, какъ когда вечеромъ утружденъ возвратится домой, тутъ обрящетъ вывернуто все вгору ногами; хозяйка не можетъ довольно нажаловатися; работа и вполовину нескончена; а что и скончено — это лишь такъ, что скорѣе пусть осталося бы было. — Дѣйствительно не роскошь слышати жену до полуночи жаловатися на прислугу, что служанки отповѣдаютъ, ворчатъ, что слуги лѣнтяи, и — что если еще разъ подобное искуситъ, пойдетъ себѣ свѣтомъ... Больно падаетъ хозяину, когда вечеромъ приближаясь къ дому, слухъ его поражаетъ изъ внутри выходящая кутерма, шумъ и свада, — и все это должно его сильно

огорчати: между тѣмъ, когда онъ желалъ бы себѣ, переступая порогъ скромной своей комнаты, встрѣтитися съ лицами веселыми, довольными; — вмѣсто того онъ встрѣчаетъ сваду, непокой и безпорядокъ.

Нашъ Иванъ въ слѣдствіе послѣдняго наставленія при свѣтѣ луны, совсѣмъ инымъ человѣкомъ стался; въ жилахъ его новая кровь кружила.— и самъ даже не зналъ отчего и почему? Онъ вѣроятно разбиралъ слова хозяина — и убѣдился что хозяинъ правъ. Утѣшала его ужъ та самая мысль, что онъ не для того створенъ, чтобъ вѣчно оставался жалкимъ, презрѣннымъ слугой, — но можетъ быти еще свой хозяинъ, самостоятельный человѣкъ. Упозналъ далѣе и то, что этого доспѣти нельзя кутежничествомъ, но работою и трудомъ. Дивнымъ казалась ему рѣчь хозяина, что чѣмъ вѣрнѣе слуга къ хозяину, тѣмъ больше барышей снискаетъ, и кто къ другому благосклоненъ — себѣ благосклоненъ. Распамятался на прожитыс примѣры тѣхъ несчастныхъ слугъ, которые дослужились собственнаго хозяйства и прожили остальное время въ мирѣ и удовольствіи.

Лишь одно не входило ему въ голову, что онъ когда-то дожіетъ денегъ, станетъ зажиточнымъ;

это казалось ему недостижимымъ. Все жалованіе состоитъ изъ 40 зол., 2 паръ бѣлья, 1 шуба, 2 паръ сапогъ, — и это все-на все. Теперь если все счислишь: большую часть изъ платежа ужъ выбралъ, 20 золотами задолженъ; какимъ же образомъ можно кое-что на бокъ отложити? Доселѣ и жалованья еще мало было, а теперь и долгъ плати... и на бокъ отложи... это невозможно! — 20 зол. нужно на долги, 20 зол. на верхнье платье, — это 40 простыхъ зол. — затѣмъ шляпа, шапка, пара бѣлья, — это 10 зол.; останется только 50 простыхъ зол.; теперь на водку еженедѣльно 25 крейцаровъ, такъ ежемѣсячно 1 гульденъ; а табакъ? а музыка? — останется нулла.

Сталъ считати съизнова, — никакъ невыходитъ; на бокъ нельзя и копѣйки отложити, = ибо изъ водки никакъ нехотѣлъ спустити.

Одного послѣполудня косилъ нашъ Иванъ команицу для коровъ; при этомъ занятіи облокотившись на косу считалъ въ умѣ свои приходо-расходные счеты. „Нельзя, никакъ нельзя! невыходитъ; легко хозяину совѣтовати, ибо самъ непробовалъ...; а ужъ тутъ отразу вдарилъ ему въ слухъ чужой голось: „А ты косишь?“ Иванъ прочнувшись изъ задумчивости обернулся назадъ.

Предъ ними стала Пелагея Кудрявцева, и какбы змѣй укусилъ его съ страхомъ поглянулъ на дѣвку. — „Я думала что ты недуженъ, что непоглянешь къ мнѣ, всюды подсѣдала, но никакъ непосчастилось видѣти тя. Полно, я немогла долѣе выдержати, вишь, и ѣсти не могла; но ужъ только теперь, увидѣвъ тя здоровымъ, пришла къ себѣ. Эй, Иванъ, Иванъ! скажи почему небылъ у меня ужъ почти отъ двухъ недѣль? этому причиной не такъ — ли кто иной... Цѣлыя ночи просиживала безсонно, ожидала тебя, бывало постучается кто на дворѣ — я ужъ бѣгла къ дверямъ, ко окну,— но все понапрасну! Признайся почему неприходилъ?“ — сказала Пелагея, подбоченивъ толстыми руками бока.

Неначе бы громъ разразился возлѣ Ивана, какъ былъ напуганъ. Хорошо ему извѣстна была Пелагея, вѣдалъ что виноватъ съ ней, — какимъ образомъ сказати бы ей теперь что ужъ больше непосѣтитъ ее.

— „Вопрошаюсь: почему неприходилъ ужъ отъ двухъ недѣль? ге?“

Иванъ что-то пробормоталъ подъ носомъ, о какой-то недужной лошади, тѣлной коровѣ, — но Пелагея ему перебила: „Нѣтъ у меня досуга

тутъ стобой препиратися, — но буду тя ожидати къ вечеру, понялъ? днесь вечеръ.“

— Не могу навѣрно обѣщати. Хозяинъ поѣздилъ съ коньми въ городъ, надо его ожидати; и наколи накормлю, пооброкую, напою лошади, будетъ ужъ такъ поздно, что на столь короткое время и недостойно трудитися...“

— „Эй, гей! неужели бы урвался? Ну если бы и самъ хотѣлъ, умѣлъ бы надобыти времени.— Это все изворотливыя выдумки, ибо какъ вижу за что-то нагнѣвался, либо наговорили ти голову. — О, знаю я хорошо, что пряники Федѣ Палагуцы отлучаютъ тя отъ меня. Погоди-но люба Федья! почешешься и тамъ, гдѣ несвербитъ, какъ скоро возьму тя подъ свой языкъ. А потому ты! нестыдишь ся ли за эдакою плюгавкою волочитися, пестраката — какъ прокаженна, красна — какъ загорѣлая труба, низенька — какъ тридневный теленокъ. — Знаю я къ ней ты ходишь, къ этому сельскому колодцу... Стыдися лотеръ! Для того-ли любила тя доселѣ, чтобъ теперь въ несчасть и оставилъ мя? Укажу я тебѣ гдѣ клинцы куютъ. — И зато мусишь придти, разумѣлъ? ну, только останись...!“

— „Нельзя, кажу.“

*

— „Нельзя? И это ты говоришь? неужели и такъ ты самъ со мной поступити хочешь, какъ прочіе негодяи? Развѣ ужъ позабыли что обѣтовали?

— „Я необѣтовалъ ничего.

— „Нѣтъ? необѣтовалъ? А это кто говорилъ, что еслибы кого взялъ, то это лишь меня?

— „Не памятаю, или можно былъ выпивши.

— „Непамятаешь? ты злодѣй! не памятаешь? но растворю я у тебя память, повѣса!

— „Пелагея, загради себѣ уста, честно ти говорю!

— „Ого-го, еще угрожаешь? авось бы и ударилъ? Ану-ка спробуй! — сказала Пелагея, подставляя ему безстыдно то одну, то другую щеку. — Уже несдурѣла-ли съ такимъ пьяницей еще въ бесѣду пуститися? И на смѣтью найду такого парня какъ ты... Ну и какій же ты мнѣ молодецъ, коли у тебя и трехъ крейцаровъ нѣтъ въ карманѣ? коли ты все бѣлье покралъ отъ своей хозяйки, чтобъ нею платала твои цурьи. — Я Пелагея, которую легини называютъ ружою всего села, чтобъ съ тобою, волоцюгой, на одномъ загонѣ морковь полола? Я, за которою чуть не умираютъ хозяйскіе сыновья? Еще нѣли, братъ,

дурныя губы, пусть что будетъ тебѣ говорити Анна Матяшъ. А потому я ще не такого могу получити, и то на каждый палецъ; — даже и въ послѣдней нуждѣ непритиснусь на тебя;“ — плюнула Пелагея въ додатокъ предъ ноги Ивана, который столъ какъ остолбенѣлый. — „Позирайся его, еще Федья Палагуца ей Богу“ попамятаетъ меня Пелагею; пусть не буду спасена, если ненаучу ей на mores, — какъ переловливати любовника. — Ану, приди ка солодкій! убѣждаю тя лагоднымъ способомъ; — слыши: еще разъ вопрошаюсь, придешь-ли?... я тебя люблю, неначе свою душу... но если не придешь — то знай: съ кѣмъ началъ себѣ... довольно, я ужъ тебя больше незову, неблагодарный!

— „Не пойду, — пунктумъ!“ — сказалъ лишенный терпѣнія Иванъ, гнѣвно. „Не иду, а останусь дома, жалѣю что и доселѣ волочился за этакими нечестными особами! Теперь убирайся съ Богомъ, — довольно было и того.“

Только теперь разразилася Пелагея громами Боже! что она не наклала на бѣднаго Ивана; ганьбила, проклинала всѣхъ мущинъ; досаждала сама себѣ за легковѣріе, что повѣрила на слово этакому оборванцу... — „Ну видишь Иванъ! я

лишь тебя одного люблю — шептала съ плачемъ, — и никого никогда какъ тебя, своего голубчика; и въ воду готова была за тебя скочити, а теперь какъ ужасно терзаешь мое сердечко.“

Ивана не тронули ни слезы ея, бросилъ косу на плечи и пустился домой, оставивъ давную посестру на косницѣ.

Можно подумати насколько радовался нашъ Иванъ, чго столь легко удалось разорвати цѣпь рабства. „Пропади себѣ!... сталъ онъ напѣвати пѣсенку.

Спустя нѣсколько дней, Иванъ съ хозяиномъ везли домой дрова. Путь ихъ велъ возлѣ заѣзднаго дома; а такъ какъ они, неначе и лошади утрудилися, то отдыхъ былъ нуженъ. Хозяинъ позвалъ слугу въ питейную, гдѣ усѣлись за столъ повелѣвъ предложити корчмарю добраго вина. Нашъ Иванъ недалъ много понукиватися. Вино развязало ему языкъ и онъ на возвратномъ пути разсказалъ свои похожденія съ Пелагіей, и случившееся между ними пререканіе. — „Хозяинъ! такъ чувствуюсь теперь, какъ бы камень упалъ съ сердца!“

— „Хорошій ты молодецъ, сынъ мой! из-

рядно сдѣлалъ, оттеперь навѣрно могу сказати, что будетъ изъ тебя человѣкъ..."

— „Видите, хозяинъ! все таки мудра это голова нашъ священникъ; много раздумывалъ я надъ его словами; много въ тѣхъ словахъ правды, — но однакожь считати не умѣетъ совсѣмъ удачно. Я едва не сошелъ съ ума рмзбирая, какимъ бы обризомъ могъ что-то на бокъ отложити изъ своего жалованья: но если выймемъ ничто отъ ничего — останется ничь; снова ничь — и ничь, это опять ничь."

— „Ну разскажи мнѣ подробнѣе о твоихъ счетахъ;" — сказалъ Андрей, — и Иванъ подробно предложилъ ему свои счеты. — „Что зачислилъ на одежду, — это пусть будетъ такъ, ибо честное одѣяніе необходимо порядочному человѣку; но на счетъ табака много зачислилъ, да и лучше былобъ если бы отзвычаился отъ трубки. — Наконецъ что зачислилъ на счетъ забавы, — это я непріялъ бы въ твоихъ счетахъ. — Ну, ну, недивися на меня такъ, какъ теленокъ на новыя ворота! Если только разъ вникнешь въ кабакъ, то ужъ не въ состояніи больше преодолѣти себя; а такъ тринедѣльное жалованіе пойдетъ въ карманъ Берки, — и остался тамъ, гдѣ бывалъ до-

елѣ. Видишь, я никогда не посѣщаю корчму, и это дѣлаю не только я, но и многіе.— Представляю ти одинъ примѣръ. Однажды возвращались мы изъ Мукачевской ярмарки еще зяранѣе. Эго было около 3-го часа послѣ полудня. На пути догналъ я какого-то человѣка, тоже особнякомъ возвращавшагося изъ торга. Онъ изъявилъ свое удивленіе надъ скорымъ моимъ поворотомъ. „Не люблю просиживати время въ кабакѣ, ибо это стоитъ денегъ“ — сказалъ я. „Да и я того правила держусь“ — отвѣчалъ онъ и продолжалъ: Началъ я съ ничего, кормилъ за больше годовъ отца да мать, но славити Господа, есть ужъ теперь у меня своя хата, виноградникъ, двѣ коровы; а это все лишь тому благодарю, что никогда не ходилъ въ корчму и не далъ за попойку ни копѣйки. Теперь я счастливъ, — и если пріобрѣту одинъ крайцарь, больше радъ тому какъ тотъ, кто десять промарнилъ. Скупымъ держатъ меня, не взирая на то, что многіе хозяева скорѣе притиснутся на меня, чѣмъ я на другихъ...“ додалъ мой сопутникъ. Затѣмъ непроминулъ еще научити меня такимъ хозяйственнымъ свѣдѣніямъ, коимъ въ великой мѣрѣ обязанъ нынѣшнимъ своимъ благополучіемъ. Такъ мысли и ты братъ! посмотри хорошенько на копейку прежде

нежели ее выкинулъ изъ рукъ. — тогда и ты будешь счастливъ! Жалуешься, что много платья дерешь...; да право, ночью горше, рвутся сапоги, чѣмъ днемъ: ибо ночью, въ потемкахъ не льзя обойдти ровъ, камень; — такимъ образомь оставайся дома, а неволочися по ночамъ, ибо оставаяся себя, ростетъ доброе имя, честь и хорошіе нравы, — которые убольшиваютъ и жалованье твое, какъ я это сказалъ ужъ прежде.“

Между такими собесѣдованіями приспѣли они домой, — Иванъ глубоко раздумывати неперересталъ надъ слышаннымъ, слова бо хозяина глубоко врѣзались ему въ память.

V.

САТАНА СѢЕТЪ ПЛЕВЕЛЫ МЕЖДУ ПШЕНИЦУ.

Нѣсколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ. Иванъ умѣлъ воздержатися что и не поглянулъ въ корчму; вмѣсто того порядочно бывалъ въ церкви. Радовала душу его ужъ та одна мысль, что вѣдь и онъ человѣкъ, створенъ для спасенія души. Работа ужъ не казалась ему столь утомляющею, ибо неиспортивъ свое здоровье и силы гульяньемъ въ праздникъ либо воскресенье, не былъ чрезъ недѣлю столь вялымъ да унылымъ Андрѣй хозя-

инъ отъ души радовался этакомо обороту дѣлъ и оставался постоянно благосклоннымъ къ слугѣ.

Таковая перемѣна въ Андрѣевомъ слугѣ воз-будила вниманіе или пожалуй удивленіе — не только у сослужинцевъ, но и у сосѣдовъ. Между челядью обыкновенно такъ бываетъ, какъ бывало иногда между сыновьями патріарха Якова. — Если замѣтятъ что одинъ — другій челядникъ вѣрнѣе, трудолюбивѣе ихъ, а потому зато хозяинъ его больше любитъ, — то такого не перестаютъ гонити, хулити, бранити, пока невыѣдятъ его изъ дома: ибо боятся чтобъ хозяинъ не сдѣлавъ между ими сравненія, — въ которомъ случаѣ вся пошлость ихъ выйдетъ вверхъ, да еще станетъ требовати отъ нихъ большаго прилѣжанія.

Такъ сталося и съ Иваномъ. Подсмѣиватися начали надъ нимъ его сослуживцы, прозывати разными именами, какъ лизуномъ, лестцемъ и пр., — и многажды онъ чтобъ избѣжати ихъ насмѣшекъ, присѣлъ съ ними оставивъ работу; — такъ проболтали они больше часовъ, вмѣсто того чтобы робили. — Всегда за такую праздность Иванъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти, какое то непокойствіе! Ужъ сама та мысль непокоила его, что хозяинъ такъ благорасположенъ къ нему, — а одна-

кожъ злоупотребляетъ его доброту. Никакъ не могъ позабыти слова его: „кто для другаго благосклоненъ — себѣ благосклоненъ.“

Однажды бывъ въ церкви слышалъ отъ священника, что Богъ запретилъ первымъ людямъ ѣсти отъ древа жизни, но сатана въ образѣ змѣя увѣрилъ ихъ, что Богъ будто изъ егоистическаго, расчета сдѣлалъ это запрещеніе, что они если преступятъ эту заповѣдь, большую корысть снискаютъ. Прародители увѣрили словамъ сатаны, за что поплатилися изгнаніемъ изъ рая, — котораго наказанія послѣдствія и мы чувствуемъ. — Услышавъ эти слова, казалось нашему Ивану, будто въ его душѣ два духа борются, одинъ побуждаетъ къ добру, а другій къ злу! а такъ какъ онъ невладѣлъ еще довольною нравственною силой, колебался между добромъ и зломъ.

Оборотъ въ его поведенію сталъ замѣтенъ и предъ сосѣдами; — а нѣкоторые злые люди вмѣсто того чтобъ похвалити Ивана за его честность — стали прозывать его дурнемъ; что въ угожденіе инаго готовъ урватися.

У Андрея хозяина былъ сосѣдъ Игнатій Зеленко, враждебно расположенъ къ нему, хотя этому повода Андрей никогда не далъ. Этотъ Зеленко,

весьма умѣлъ на сердце говорити служебному люду, разумѣется въ превратномъ смыслѣ; — а потому будучи человѣкомъ коравымъ, пьяницей, нелюбилъ ни порядочнаго Андрея, ни другаго честнаго сосѣда своего. Онъ хорошо умѣлъ челядь своихъ сосѣдовъ къ себѣ прельщати, а своей всю живу честь непостижимымъ способомъ эксплуатировати (kizsákmányolni). Этотъ человѣкъ никогда необличилъ свою челядь, что больше хвалилъ; — и когда похваливая заставилъ ихъ потиться въ работѣ, — за плечами — смѣялся надъ ними, какъ надъ безумцами. Онъ не любилъ когда челядь его внѣ дома проказничала: зато позволялъ въ своемъ дому на всякія безчинства; попустилъ, чтобъ служанка съ слугой жили вмѣстѣ какъ мужъ и жена; жалованіе ихъ выдавалъ предъ срокомъ, — челядь начала задолжуватися у него, — и этотъ долгъ былъ веревкой, за которую водилъ ихъ за носъ. Этому человѣку клиномъ было въ головѣ трудолюбіе и бережливость Андрея хозяина, а паче всего усердіе и пріязность къ хозяину Ивана, и сталъ шутити надъ нимъ, когда по воскресеньямъ видѣлъ его дома сидящимъ: „Неужели попомъ хочешь быти братецъ? или можно великій грѣхъ у тебя на сердцѣ? и хочешь отмолити его!...“

Странное дѣло, что многажды молодой человѣкъ тѣмъ именно срамится, чѣмъ величатися, или пожалуй дорожати бы ему. На примѣръ стыднымъ кажется ему, когда говорятъ ему, а вотъ ты не такъ хорошъ собой, не красивъ, не богатъ, какъ другіе; но не стыдится когда въ глазахъ иныхъ есть кутежникомъ, волоцюгой, и тѣмъ либо тѣмъ.

Подсмѣиваніе Зеленки, правда, оскорбляло Ивана, но не могло къ тому привести чтобъ посѣщателемъ кабаковъ стался. — Игнатій Зеленко обернулъ подстрекательство съ иной стороны:

— „Повѣрь мнѣ, братъ! что много землей обошелъ бывъ солдатомъ, но такого дурня какъ ты, никогда и нигдѣ не видалъ. — Что прочіе слуги въ селѣ въ сравненіи съ тобой? Они недостойны развязати ремень сапогъ твоихъ. Ахъ! когдабъ ты у меня служилъ, умѣлбы какъ обходитися стобою. Жаль тебя что у такого негодяя служишь, неумѣющаго цѣнити тобою. — Наконецъ урвешься еще въ ярмѣ. Хозяинъ твой цѣлые дни просиживаетъ въ сельскомъ домѣ, а на твоихъ плечахъ все бремя дома. А потому какое же у тебя жалованіе? одной служанкѣ довлѣлобъ! Ну, что станется съ твоимъ хозяиномъ тогда когда ты

покинешь его! и доселѣ только ты былъ душей дома, хотя довольно плохо кормятъ тебя....“

Такіе и подобные наушничества повергли Ивана въ раздумье, — началъ голову вверхъ! вѣдь на немъ же оснуется все благополучіе хозяина; а особенно непокоило его любопытство: что, молъ, станется съ хозяиномъ если онъ оставитъ его; воображалъ себѣ ужъ оное время, когда хозяинъ съ хозяйкой съ сложенными руками, слезно умоляютъ его, Ивана, чтобы ихъ не оставлялъ, ибо они безъ него и существовати не въ состояніи.

Такъ овладѣло имъ самоувѣреніе и онъ много сталъ полагати на себя. Да впрочемъ иногда и сами образованнѣйшіе люди нечужды этого порока, и такъ кто станетъ въ зло вмѣняти это одному слугѣ, что несбросилъ коварнаго черва, ползавшаго ему по ущамъ. — Ежедневное порядочное занятіе почиталъ неправымъ угнетеніемъ; благорасположеніе хозяина потворствомъ; со дня на день сталъ угрюмѣе, недовольнѣе; роптал ежечасно, а лукавый сосѣдъ съ злобною радостью приглядывался дѣйствію яда, брошеннаго имъ въ умъ слуги.

VI.

И НЕ ВВЕДИ НАСЪ ВЪ ИСКУШЕНІЕ!

(Молитва Господня).

Иванъ не мога устояти littérature козням дьявольскимъ,

одного вечера улизнулъ въ — корчму, когда поспѣшилъ за нимъ и коварный сосѣдъ, присмотривавшій за каждымъ шагомъ жертвы своей. Игнатій Зеленко поклонившись еврею-кабачнику, занялъ мѣсто возлѣ Ивана.

— „Хорошо сдѣлалъ пріятель! что на часинку вырвался изъ этото мытарства, — погуляти и замочитися немножко.“

Иванъ велѣлъ Беркѣ дати себѣ полмѣры водки и вмѣсто отвѣта сказалъ лестобрату: „пожалуйте, напейтеся.“

— „Вскорѣ минется коль оба примемся за нее, Иванъ!

— „Если выпьемъ, то наліетъ Берко другую; сказалъ слуга.“

— „Наліетъ, наліетъ, если есть у васъ денегъ, — отвѣтилъ Берко; — но такому человѣку, котораго разъ въ четверть года пригонитъ къ мнѣ жаждущая гортань, — необыкъ на вѣру давати...“

— „Эхъ Берко! не будьте чрезъ-чуръ точнымъ, ужъ за Ивана заплатитъ и его хозяинъ;“ — возразилъ Зеленко.

— „На хозяина его я неполагаюся, эй богу нѣтъ.....
это чхеловѣкъ мгерзавецъ, считай-крупа, не далъ бы и кхопѣйки за Ивана. Ужъ если бы Иванъ у другаго служилъ, то хотьбы и въ весь годъ заимствовалъ ему.“ додалъ важно. — „А такъ напримѣръ если бы Иванъ у меня служилъ?“ вопросилъ жида Зеленко, который какъ подозрѣвати можно, сговорился съ евреемъ, чтобъ бѣднаго слугу уловити въ сѣть. — „Еслибы у васъ служилъ, то и денегъ бы ему ссудилъ; что больше если Ивану нужно теперь два три гульдена, то на ваше слово, панъ Игнатъ, хоть и теперь могу ему дати; — отвѣтилъ сынъ Исраиля, лукаво моргнувъ глазми на клеврета.

— „Слышишь братъ, говори дотолѣ, пока на иное ненадумался.

Иванъ не былъ еще на столько твердъ, чтобъ сейчасъ противопоставитися искушенію, — и сейчасъ попросилъ у Берка взаимъ 10 золотыхъ валюты; А Берко хутко хватилъ за бумагу, чернило и въ мигъ написалъ обязательное письмо со

стороны Ивана, на которое Иванъ начерталъ дюжій крестъ, а Игнатъ корамизовалъ.

Еврей сплатилъ деньги, Иванъ вложилъ въ карманъ и ужъ больше незналъ человѣка на всемъ свѣтѣ честнѣе какъ лестобратъ, а лукавѣе чѣмъ его хозяинъ.

Но вскорѣ высунулся гвоздъ изъ мѣшка, къ сроку Берко вмѣсто десять простыхъ золотыхъ (4 гульд.) сталъ требовати 10 гульденовъ, — Зеленко заприсягъ что эй богу! столько Ивану еврей отсчиталъ, десять а не четыре гульдена.

Чуть сердце непукло у Ивана когда 10 гульденовъ отразу приходилось положити Беркѣ; но позднѣе радовался этому явному воровству, — ибо это было для него урокомъ, что дескать не всякому человѣку вѣруй!.....

Снова обновилъ обѣтъ, что впредь будетъ бережливѣе и незаглянетъ больше въ корчму.

Такъ минула и осень; длинные дни замѣнялись длинными ночьми, коихъ не проспишь. Иванъ, особенно по воскресеньямъ и долгимъ зимнымъ вечерамъ пусть несдурилъ со скуки. — Ужъ сталъ было раздумывати, куда бы отправитися на вечерни, чтобы хоть по крайней мѣрѣ на орихѣ забави авосьбы вечера скорше промчалися.

Плохо это дѣется въ больше нашихъ сельскихъ хатахъ, что гдѣ численная челядь, тамъ нѣтъ собой для нея избы, въ которой она могла бы проводити длинные вечера зимой и послѣполуденную добу по воскресеньямъ. Служанки помѣстятся разомъ съ семействомъ хозяина въ общей комнатѣ, вмѣстѣ съ хозяйкой прядуть кужель, шіютъ и пр., — но мужскую челядь, едва отъѣла, сейчасъ гонятъ въ „стайню,“ ибо какъ говорятъ смердитъ отъ нихъ табачною золой (bagó) что несносно ихъ органамъ нюханія. И такъ жалкій слуга заточенъ въ хлѣвъ между скоты, гдѣ въ кромѣшней тьмѣ если нехочетъ дремати и въ бездѣйствіи какбы наявѣ снити, то принужденъ удалятися въ кабакъ, либо „прядки“. Пусть себѣ подумаетъ всякій, что долженъ въ такомъ случаѣ бѣдный слуга дѣлати, — когда нѣтъ у него чрезъ всю зиму притулка, гдѣ бы могъ коечто читати? у котораго въ весь годъ нѣтъ оказіи заглянути хоть въ мѣсяцословъ! и котораго постоянное убѣжище хлѣвъ, а содруги скотина?

Подумаемъ только хорошенько! Слуга тоже человѣкъ; позволительно ли хозяину, этому опѣкуну челяди, допустити, чтобъ слуга его сошелъ на степень скотины?

А это неминуемо станется, — ибо у кого недостаетъ благородиой душевной пищи, тотъ принужденъ прибѣгати къ порочнымъ плотскимъ сладострастіямъ. Этакіе люди, выключенные изъ человѣческаго товарищества, принуждены искати какое-нибудь общество. Изъ какихъ же стоитъ это искаемое общество? изъ такихъ же подобострастныхъ человѣкъ, которыхъ тоже вытѣснили изъ семейнаго кружка. Въ этакихъ-то трущобахъ (lebuj) отбываются найбезстыднѣйшія, скандалезныя пѣсни, — разговоры и собесѣдованія, которыя всего болѣе развращаютъ нравы, чѣмъ пъянствованіе. — Всякъ, кто воскресенье читаетъ днемъ успокоенія отъ трудовъ, ужаснулъ быся, еслибы предъ нимъ промчали всѣ тѣ сцены, которыя этого дня ночью за кулисами отбываются. Вся эта нравственная порча часто оттуда происходитъ, ибо служебный классъ въ досужее время нерасполагаетъ особнымъ затишьемъ, гдѣбы наслаждался благороднѣйшимъ занятіемъ. — Да мы привыкли жаловатися на пошлость челяди и ей нравственный упадокъ; — называемъ ее: глупою, злобною, неловкою и безчестною сволочью! Спрашиваю: что сдѣлали для ея воспитанія, исправленія? — Членами своей семьи позираете ли ее? Нѣтъ, выгоните въ хлѣвъ, — зная что

*

кто съ скотомъ живетъ и самъ скотиной станется....

То само бывало и у Андрѣя хозяина. Иванъ чувствовалъ это довольно чутко! Любилъ бы былъ воскресенскіе вечера дома пробыти, но чѣмъ же ему занятися? Время довольно долгое, не наче у цыганина повинный день.

Въ одное воскресенье послѣ вечерни Иванъ стоялъ подъ стрѣхою хаты, раздумывая какбы прогнати скуку. Одна нога ужъ направлена была въ путь къ корчмѣ; между тѣмъ надишолъ на него хозяинъ. — Ну, Иванъ! чей прикованъ ты къ приспу, что стоишь какъ закопанъ?“ ословилъ его вконецъ.

— „Хозяинъ! тянетъ меня что-то и внутръ и вонъ; два желанія борются, и ни одно не небдолѣваетъ другимъ: о, еслибъ кто избавилъ меня изъ этого недоумѣнья!“

Андрей усмѣхнулся такой выходкѣ и любопытно спрашивалъ о причинѣ.

— „Больно скученъ, господарь мой! Любилъ бы куданибудь отправлятися для развлеченія, но незнаю только одно мѣсто, но изъ коего рѣдко человѣкъ возвращается умнымъ; любилъ бы и дома остатися, но ради Бога! чѣмъ займусь? развѣ вѣкъ

просиживай въ стаинѣ? вѣдь насижусь въ ней довольно въ всю недѣлю; таскатися по дворѣ? вѣдь студено . . . скажите хозяинъ! молю васъ что дѣлати?"

— „Якій же ты блазенъ Иванъ! — отвѣтилъ ему хозяинъ. Иди въ заднюю избу, тамъ ни вѣхоръ не дуетъ, а довольно тепло, возьми въ руки кое какую книгу, хоть прошлогодичный календарь и читай; небойся неукуситъ тя въ руку."

— „Знаю я что сидѣлось бы тамъ выгодно, ужъ однажды и пробовалъ, но позирали на мя такъ сискоса неначе на прокаженнаго.

— „Гмъ чудная вещь; ужъ если я позволю, любилъ бы знати кому ты втягость?

— „Да хорошо бы" . . . . отвѣтилъ слуга и несмѣло пустился въ заднюю избу, гдѣ какъ чужинецъ сдержано засѣлъ возлѣ стола.

— „Ну, Иванъ вотъ тебѣ русскія книги; выбирай, котора понравится, ту и читай; вотъ здѣсь мѣсяцословъ, а тутъ „Добродѣтель превышаетъ богатство;" вотъ а здѣсь „Всемирная Исторія" общества св. Василія, — читай сколько душѣ угодно; — сталъ посилковати его человѣколюбивый хозяинъ.

И Иванъ ялся горячо чтенія.

— „Эге, гдѣ усѣлся; видишь его, право тамъ гдѣ я чесатися намѣряла; — замѣтила одна изъ служанокъ, а нашъ слуга робко отсунулся къ другому концу стола.

— „Ну, позирай его, теперь ужъ тамъ разложился, гдѣ я гадала помолитися изъ „хлѣба души"; подхватила друга служница.

Неутерпѣлъ нашъ Иванъ дальше а разразился грозно:

„У меня такое право посидѣти въ комнатѣ, какъ и у васъ; мнѣ позволилъ это самъ хозяинъ. Потому я думаю что на столѣ приличнѣе быти книгѣ, чѣмъ гребенью; разумѣли?

— „Этого доселѣ небывало въ обычаѣ, и мы ей богу небудемъ нюхати твой сальной кожухъ и запачканы штаны, — смердящія навозомъ. Довольно того, — что принуждены съ тобой вмѣстѣ ѣсти."

— „Го, го, экая деликатность! — Отвѣтилъ Иванъ съ иронієй.

Между этою баталієй вошла въ избу хозайка Ева, — но и она, услышавъ на чемъ стоитъ кутерьма, будучи тоже женщиной, стала по сторонѣ служанокъ.

— „Честная хозяйка выслушайте въ свою очередь да и меня; повѣрьте, я и ногу невложилъ бы былъ въ комнату, еслибы хозяинъ непобудилъ меня къ этому; и если я такій теренъ въ вашемъ глазу, то могу съ богомъ и убратися; ну оставайтесь въ здоровьи!“ — сказалъ Иванъ пустившись вонъ. —

— „Ну останись Иванъ, останись; — подхватила Ева, услышавъ что слугѣ хозяинъ позволилъ засѣсти въ общую комнату. — Но видишь, я не могу только то снести, когда слышу что ссоритеся.“

Свада утихла, но Иванъ такъ чувствовалъ себя, какъ бы былъ сидѣлъ на бодякахъ выслушай ожидалъ удобнаго случая чтобъ улизнути изъ этого непозволительнаго раю.

На дворѣ срѣтился съ хозяиномъ, а этотъ сейчасъ вопросился, какъ провелъ время въ общей комнатѣ?

— „Право сказавъ, я и недумалъ любезный хозяинъ! что съ книгами такъ пріятно можно провести время.

Но къ сожалѣнію долженъ признатися, — что многимъ былъ терномъ въ глазахъ; отвѣтилъ слуга.

— Лишь невыгнали изъ избы?

— Правда, надѣлѣ и невыгнали; но дали поразумѣти, чтобъ больше неутруднялъ ихъ своимъ присутствіемъ.“

Андрей хозяинъ несказалъ больше ни слова, но послѣ недолгаго промежутка недовольно вошелъ въ комнату.

— „Ужъ солодкій мужу! прошу непрогнѣвайся, — предварила его супруга, я имѣю что-то на сердцѣ. — Чудуюся какъ могло придти тебѣ на мысль — позволити слугѣ, чтобы засѣлъ вмѣстѣ съ нами въ общей комнатѣ?

Ужъ этого, прости, я не позволяю, — ибо что сказали бы гости, — нечаянно къ намъ прибывшіе?“

Андрей хозяинъ до конца выслухалъ достойную свою супругу, а потому заговорилъ:

„Любезная подруга! теперь я буду говорити, а ты слушай, но и негнѣвись. Видишь, — Ивана я нашелъ стоящаго подъ стѣной; раздумывалъ онъ, сарака, надъ тѣмъ, что ему предприняти противо скуки? куда идти? а я разжалившись надъ нимъ посадилъ его въ комнату. Солодкая Ева! сама подумай: развѣ это не грѣхъ, когда бѣдному челяднику никогда нельзя взяти книги въ руку? —

Ходитъ онъ „бѣдакъ“ за юныхъ лѣтъ въ школу сельскую, научится читати и писати, — но долженъ конечно все забыти неупражняяся въ ничемъ. Видишь, со временемъ онъ оженится, у него найдутся дѣти, — но онъ забывъ все, небудетъ въ состоянiи ихъ чемунибудь научити! — — Разсуди хорошенько, если челядникъ не будетъ дома имѣти занятiя, принужденъ будетъ искати безнравственныхъ товариществъ; — а солодкая; я ужъ большекратъ слышалъ отъ тебя, — что нелюбишь когда Иванъ придетъ пьянъ домой . . . Не лучше было послати его въ комнату, чѣмъ допустити чтобы повлекся въ корчемницу?“

— Ну, ну, не держи такую проповѣдь, какъ въ монастырѣ Краснобродскомъ въ вел. пятницу! — довольно того, что нетерплю новые обычаи, — перебила ему достойная Ева. „И гость не можетъ довѣренно поговорити, когда челядь неустанно за пятами.“

— „По воскресеньямъ вели нагрѣти первую комнату и тамъ принимай любыхъ гостей; это для нихъ и почтительнѣе.“

— Да хорошо бы; но что скажутъ люди, — новые обычаи станетъ заводити?

— „Матушка! говорю вамъ, — озвался Андрей хозяинъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ, — вы незатворитс никогда клеветныя уста. Злые люди укусятъ человѣка, коли хотятъ, невзирая и на ваши понятія объ звычаяхъ; — съ ними всего лучше такъ поступати какъ съ собакой, т. е. небоятись ихъ.“

— „Подумай мужу ужъ хоть на дѣти свои, сколько злаго могутъ научитися отъ челяди.“ —

— „Еще больше научатся въ хлѣвѣ, ибо дѣти и тамъ её сыщутъ; но въ комнатѣ покрайней мѣрѣ на глазахъ будутъ.“

Хозяйка еще больше доводовъ противоставляла новозаводимой реформѣ, но хозяина въ рѣшеніи немогла поколебати; — и хотя надувалась, хмурилась сперву увидя слугъ сѣдати за книгу и постребляти лавки, но послѣ свыклась съ нововведеніемъ, что больще — полюбила его . . .

Свыклась и челядь. Читали, писали, считали, многажды въ голось, чтобъ всѣ слухали. Бѣдные, опроверженные существа помалу начали приходити въ самосознаніе, стали оцѣняти себя и различіе дѣлати между человѣкомъ и — полгодичнымъ теленкомъ. Какъ послѣ долгаго недуга отрясшійся человѣкъ, когда возвратится ему аппетитъ къ ѣдлу,

едва старчатъ его насытити: такъ и они жаждя умственной пищи, — охотно брались за полезныя книжонки — радостно шли въ церковь, а многажды и о томъ умѣли дома разсказывати, — о чемъ именно держалась того дня проповѣдь священника. —

— „Видите дѣти мои! — говоривалъ имъ Андрей хозяинъ, — только теперь стали вы истинными христіянами, и повѣрьте мнѣ, что счастливѣе одинъ христіанинъ-слуга, чѣмъ одинъ поганинъ, царь, который и то еще незнаетъ: для чего жіетъ? между тѣмъ когда вамъ хорошо извѣстно, что ожидаетъ васъ нескончаемое царство Божіе, которое онъ уготовалъ почитателямъ своимъ!“

Этакія бесѣды производили на душу челяди глубокое впечатлѣніе, а воскресенскіе подвечера такъ быстро промчали, что настававшіе сумерки едва вѣрилися челядью.

VII.

У КОГО ДЕНЬГИ — У ТОГО И ДРУЗЬЯ.

Прошла зима а Иванъ и одной копейки неизрасходовалъ, да и самъ удивлялся тому что такъ медленно дерется у него платье. Въ кабакѣ небылъ — только разъ, да и тогда хозяинъ по-

слалъ его, который и самъ вслѣдъ за нимъ пришелъ. Иванъ выпилъ только одну галбу или іцю вина, а хозаинъ приказалъ еще одинъ полштофъ; — съ тѣмъ они убрались домой, а нашему герою удивительнымъ, что на сей часъ какъ могъ онъ трезвенно возвратиться изъ корчемницы.

На пути разговоривая по — трезвенному съ эвоимъ хозяиномъ, казалось ему, что ужъ теперь когда нересталъ пьянствовати онъ о аршинъ ужъ большій, — что со временемъ и онъ можетъ быти „газдой." — Въ наступившую ночь сновидѣнія обольщали Ивана пространнымъ дворомъ, за который платилъ онъ — золотомъ! . . Чуть не урвался подъ тяжестью червонцовъ; — послѣ разговорювалъ съ прекрасною дѣвушкой, которая пообѣщалась быти его супругой и хозяйкой на новомъ хозяйствѣ и пр. . . . Послѣ молодая дѣвушка утекла отъ него, а явилась вмѣсто ней ея мать — вѣдьма съ метлою, прескверная какъ самъ былъ . . . . Она начала бити нашего Ивана по грудямъ, который завопѣлъ отъ боли: „не бей, не бей проклятая ! . . . . —

— „Что вамъ Иванъ? уже болѣе часа разшибаетесь собой! . . " возбудилъ его лежавшій возглѣ него пастухъ гусей, Андрейко.

Иванъ прочнулся отъ силнаго трясенія мальчика, былъ весь въ потѣ. неначе выходя изъ парной купѣли.

— „Вишь сынокъ, это вѣдьма давила меня въ снѣ! . .“ сказалъ Иванъ мальчику.

— Хе, хе, хе! — смѣялся мальчикъ — и вы дѣйствительно иѣруете что вѣдьмы (boszorká-nyok) существуютъ? я, славити господа, невѣрую, — Иванъ долго немогъ забыти на этотъ сонъ, и нѣкогда выводилъ изъ него, что все таки его ожидаетъ богатство въ будущности; — иного же раза, что пожалуй, придется померти ему подъ заборомъ.

Но однакожъ онъ усильно работалъ и убаюкивался надеждою, что будутъ и изъ него люди. Стыдался давнѣйшаго своего поведенія. — —

На новый годъ хозяинъ заплатилъ ему 30 гуль. а 5 гульд. подаровалъ за вѣрную службу. Рука дрожала у него когда эти деньги бралъ, ибо доселѣ никогда еще небыло у него 35 гульденовъ собственности; — и когда хозяинъ похвалилъ его и напомянулъ дабы и впредь тѣмъ же путемъ честности шелъ, что такимъ образомъ можетъ дожиться своего хозяйства, — мимоволько слезы покотились ему съ очей.

— „Ну, что одѣлаешь теперь съ деньгами? „вопросилъ его Андрей хозяинъ.

— „Требую полушубокъ и двѣ пары бѣлизны . . . Прочее передаваю вамъ, хозяинъ; — отдайте въ удобное мѣсто:

— „Хорошо! братъ мой! остальное положу я въ щадницу; изъ этого заведенія выдадутъ тебѣ книжочку,“

Ева хозяйка, подслухивая весь этотъ разговоръ изъ коморы, немогла воздержатися, чтобъ невыбѣгла въ комнату и несказала: „Андрей, мужъ мой! вѣрь мнѣ, что я никогда и непомыслила чтобъ нашъ Иванъ такъ сталъ думати,“ — и утерла слезу съ глазъ. А вотъ я ему выкроила изъ собственноручно вытканнаго льнянаго полотна на сорочку, — которую ушьетъ ему моя Лизинка. — Вотъ и мой подарокъ, только честно справуйся на будуще, Иванъ!“ —

— „Благодарю васъ хозяйка! но я и незаслужилъ столько благодѣяній! . . .“

— „Но коли я отъ всего сердца дарю тебѣ.“—

— „Слишкомъ вамъ обязанъ вторая моя матушка! сдѣлайте милость и купите сами для меня на рубашки, ибо знаете, я не разумѣюсь въ дѣлѣ покупки, и меня легко обманятъ.“ —

— „Охотно сынокъ мой! не только куплю для тебя, но и велю ушити. — Видишь я и изъ собственнаго полотна выкроилабъ тебѣ, но челяди неохотно люблю продавати что нибудь. Это дѣло разнощиковъ, шафраниковъ и другихъ, которые тыютъ на жарѣ челяди сваливъ имъ на шею всякую дрань; — додала достойная Ева. „Еслибъ я тебѣ продала полотна тобъ всѣ востали на меня: лавочникъ, портной, швейня и другіе, которые сосаютъ кровь бѣдныхъ служащихъ. Они кричали бы въ все горло: какая безжалостна эта Ева! — такъ дорого сбыти съ рукъ этотъ холстъ! такъ облупити своего вѣрнаго поденщика!. . .“ Другій бы говорилъ: „продала ибо сама эту дрань употребити немогла . . .“Третій: ухъ, Боже мой! какъ рѣдкое, — и палцемъ насквозь пробьешь.“ — Четвертый: „Это ужъ конечно нехорошо отъ одной хозяйки, такъ сдирати прислугу и выданное жалованье вспятъ выманывати . . .“ Видишь Иванъ! эдакія клеветы любила бы я обойдти, для того куплю для тебя сама отъ другаго кого нибудь сильное и прочное.“

У кого деньги кажутся быти, того какъ горнецъ съ медомъ облетываютъ мухи да овады, незнающіе сами выдѣлывати медъ. — Одинъ вопро-

силъ отъ Ивани взаимъ лишь гульденикъ, ибо де-скатъ позабылъ деньги дома; другій требовалъ только не множко, лишь пару крайцеровъ на табакъ, пока получитъ свою платежь; служанка вымоливала рдяны два только бумажки, такъ какъ подъ рукою хотѣла бы шелковый платокъ купити, который сто-итъ и между сродными 10 золотыхъ, и что она — не хочетъ объ этомъ непокоити хозяйку; са-пожникъ просилъ 5 гульд. поручаясь честію, къ Пасхѣ безъ убытка возвратитъ. — Даже и одинъ торговецъ съ скотомъ докучалъ ему, пріобѣщавъ подѣлитися въ прибывали. — Иванъ ужъ не въ шутку чувствовался богачемъ.

— Дуракъ бы я былъ — мудровалъ онъ — еслибъ свои денежки оставивъ даромъ лежати въ сундукѣ, или рисковалъ ихъ на возможную поги-бель въ сберегательной кассѣ, между тѣмъ когда теперь могу заработати ими нѣсколько золотыхъ. — Торговецъ обѣщавъ горы — долины, и такъ Иванъ отдалъ заимообразно ему свою капанину, убаюки-ваясь тою мыслію, что хотя денегъ нѣтъ уже, но суть должники. Натуральна вещь, что хозяину не-говорилъ и полъ слова, боясь чтобъ въ надеждѣ вы-годныхъ барышей онъ самъ незаимствовалъ ему. И подлинно любилъ, почиталъ хозяина, но неимѣлъ

къ нему полнаго довѣрія, а его большее несчастье для служащаго класса.

Кое-что подозрѣвалъ ужъ хозяинъ, но неговорилъ ничего, думая, пусть учиться Иванъ на собственномъ обманѣ и сего раза, какъ на Игнатѣ Зеленко.

Насталъ свѣтлый день Пасхи: сапожникъ тѣмъ извинялъ себя, что накупилъ много кожей, а должники его еще молъ неплатили, но на Тройцынъ день, такъ ему Боже, заплатитъ съ лихвою. Приспѣли и Покровы, но возвращеніе все таки непослѣдовало. — Торговецъ сошелъ на банкрутство, одну часть скота заяли мадярскіе разбойники на низовяхъ р. Тисы, а другую часть потерялъ безцѣнною продажею, много и погибло у него отъ падучей болѣзни: такъ конечно нечѣмъ ему платити долгъ. —

Иванъ сталъ скубстися за волосы; ни капитала, ни лихвы — — — Буде станетъ просити, еще сварятся съ нимъ.

— Ну изъ спины невырѣжу тебѣ,— изъ подъ землѣ и невозьму, нѣтъ и нѣтъ откуда ;— еслибъ было, и то не далъ бы упрашивати себя ; сталъ несчастнымъ и конецъ дѣлу ; — ну какъ притиснулся на

тѣхъ дяныхъ нѣреновъ! сколько гульдь — такъ отправляли Ивана.

— Ужъ это, просто безсовѣстность, кровавымъ потомъ снисканнаго имѣнія лишити человѣка! — воздыхалъ Иванъ. — Если бы деньги былъ проѣлъ, то была бы какая нибудь изъ того польза: но такъ, денежки пропали забезцѣнъ. Ужъ теперь яснымъ стало предомною все! вотъ что знаменалъ сонъ . . . .

Хозяину и неснилося что сталося съ Иваномъ; и неѣлъ и непилъ съ такимъ аппетитомъ какъ прежде, ад и работа нешла столь быстро какъ предъ тѣмъ. Хозяинъ невытерпѣлъ, а попросился слуги вину его задумчивости. Иванъ крутилъ-вертѣлъ, стыдясь сказати правду.

— Ну, братъ, неговоришь — такъ не говоришь, насиловати тя небуду, — сказалъ хозяинъ и уже убирался отъ Ивана уйти; но — сей отразу сознался, что прошлогодичный заработокъ пошелъ къ ч . . . , никогда неувидитъ працу свою.

— Объ этомъ подумати было заранѣе. Я неохотно вмѣшиваюсь въ чужія дѣла если небуду воззванъ къ тому. Сожалѣю надъ тобою искренній

мой! надо было развѣдатися, кто таковъ сапожникъ и торговецъ съ скотомъ, и только тогда заимствовати! но радовался богатый лихвѣ.

— Вы правъ, хозяинъ мой! но что ужъ теперь дѣлати? прошу васъ посовѣтуйте, какимъ образомъ могъ бы свое обратно получити. . . .

Андрей хозяинъ въ недоумѣніи качалъ головою, однако будучи добродушнымъ, принялъ на себя всѣ клопоты отысканія бѣдной працы своего поденщика; — что удалось ему выше надежды.

Когда то уговориваніемъ, то грозбой вынудилъ Ивановы деньги и ему отдалъ, Иванъ умолялъ его: „Хозяинъ!" вложите, — куда хочете, — только мнѣ неотдавайте; — меня опять оболстятъ, или украдутъ, можно и мыши съѣдятъ.

— Ну такъ я вложу твою сумму въ сберегательну кассу, откуда порядочно будешь получати свои отсотки. Видишь, можно къ этой суммѣ, еще додавати.

А что всего лучше есть то, что когда захощешь, можешь деньги взяти себѣ съ лихвой они непогинутъ. — Памятаешь ли что я говорилъ;

тобѣ объ добромъ имени? а теперь додаю еще, что ничь такъ неубольшиваетъ доброе имя челядника, какъ когда говорятъ про него: „а вишь у него суть денешки въ щадницѣ!“

— Ну, былъ же я дуракомъ, что неслушалъ васъ, хозяинъ! нескорбилъ и несуетился бы столько! — но есть пословица, что: Полякъ, де учится на собственной потерѣ . . . А потому и вы, — хозяинъ такъ непотолковали мнѣ тогда, какъ теперь.

— Вѣдь же ты не ребенокъ; — и если желаешь, чтобъ обходился съ тобой какъ дѣтиной, то почему недовѣряешь мнѣ? и непросишь во всемъ совѣта, какъ отъ отца?

Иванъ упозналъ свой промахъ и попросилъ человѣколюбиваго господаря вложити его „капанину“ въ сберегательную кассу. — Правда не много этихъ денегъ-додалъ, — но больше отъ ничего! . . .

VIII.

НА НАШЕМЪ ИВАНѢ БЬЮТСЯ ДѢВКИ.

Иванъ во всемъ такъ поступовалъ, какъ совѣтовалъ ему хозяинъ его. Со дня-на день становился болѣе бережливымъ, трудолюбивымъ, — у-

множая тѣмъ образомъ свою житейскую философію, разсудительность и холодную обстановку. Сама уже наружность его вcase казывала на огромную перемѣну въ душѣ его.

Держался прямо, ходилъ поважно, такъ, что уже изъ-дали замѣтно на немъ было, что вишь Иванъ не на-шутку дорожитъ собою. Подойдя ближе и увидя его прилично, чуть не по-щегольски одѣтаго, всякій сразу судилъ бы, что то не слуга, а хозяйскій баловень-сынокъ. Каждый охотно съ нимъ разговаривалъ и его совѣта просилъ, на что онъ давалъ умныя и честныя порады, такъ что уже въ пословицу вошло: „Это и Иванъ Залѣсной говоритъ.“

Да нашъ Иванъ уже теперь хорошенько понялъ, что онъ не оное презрѣнное, на ничтожество средукованное существо, которое подъ именемъ „слуга“ приходитъ; а личность, снискавшая себѣ въ товариществѣ человѣческомъ имя. — Съ иной точки зрѣнія сталъ поглядывати на жизнь теперь, когда уже кое-что и у него есть, чѣмъ прежде, когда долгами былъ обремененъ, а въ мошенкѣ не было ничего.

Подобно оному полевому цвѣтку, вокругъ котораго снуются пчелы, такъ облетывали и нашего

Ивана со всѣхъ боковъ — дѣвки, хлопочущія втягнути его въ свои сѣти.

У Андрея хозяина было двухъ служанокъ. Одна была понура, дудривая, едва высказавшая въ годъ два-три словечка; была безобразна, плюгава, — но за то работна, и на смерть любяща молодыхъ юношей. Другая была щеголевата кокетка, болтлива, неначе сорока, которая только волосы приглаживала, щеки разкрашивала да глазками жмурила. Не любила работати, а только наряжатися; любила хорошо поѣсти, но не была бережливой, — и недала-бы одного молодца за всѣ Даріевы сокровища, ибо любила вѣрити, что въ одномъ юношѣ все счастіе и царствіе небесное обрѣсти возможетъ! Она не ворчала, не нахмуривалась, а ухаживала за легинями какъ облестная кошка. —

„Ну, только могла бы выйдти за мужъ чѣмъ скорѣе, не служилабъ больше и Понтійскому, а какъ своя хозяйка ѣла бы что захотѣлось бы, а легалабъ когда нравилось-бы!"

Обѣ эти дѣвки бросили глаза на Ивана, обѣ полюбили его. Одна думала такъ: вотъ сколько могла бы нажити съ этакимъ человѣкомъ?; — а другая мудрствовала: „вотъ какъ счастлива была

бы съ такимъ бережливымъ мужемъ!“ . . и обѣ распростерли на него сѣти.

Первая называлась Агафіей, а вторая Евфрозиніей. Женскій инстинктъ далъ обѣимъ поразумѣти, что они соперницы на счетъ Ивана, и обѣ намагались перемочи одна другую.

Евфрозинія ласкалась около Ивана, угодничала ему, всегда лишь около него притиралась, съ нимъ только любила вмѣстѣ робити въ полѣ. Съ глазъ ея пылалъ страстный огонь, а на языкѣ едва удерживалось сознаніе любви. — „Если когда нибудь получу мужа — говаривала — такъ будемъ обое счастливы, какъ Адамъ и Ева въ раѣ. Жизнь лишь разъ дается человѣку, ни дурень онъ былъ бы несдѣлати жену и себя блаженными“. . .

Въ свою очередь Агафія порицала, бранила всѣхъ такихъ мужчинъ, которые при выборѣ жены позираютъ только на тварь; „такъ на пр. если у меня и нѣтъ вымащенныхъ волосовъ — но есть денежки, и эй Богу была бы въ состояніи и двѣ коровы привести въ приданое. Да я и нечванюсь тѣмъ, чтобъ неговорили будто желаю на когонибудь навязатися. Еслибъ того хотѣла, уже давно моглабъ была выйдти за мужа, — но ей Богу нѣ, иду, еще несдурѣла, — чтобъ билъ? . . .“

Евфросинія всячески шутила и высмѣвала свою подругу по званію: „вотъ позирайте, добрые люди! Гафа на силу — на гвалтъ шла бы за мужъ, — но жаль, что непопадется ничто на ея удицу! Ночью харчитъ какъ сова и пр.“

Такъ враждовали между собою двѣ соперницы, сварясь ежеминутно; а это все только изъ-за Ивана. И одна и друга любила бы была втянути его въ свои тенета, наконецъ стали и битися на немъ! . . . И одна и друга любила бы была его уловити; Андрей хозяинъ увидя всю эту войну напомянулъ своего слугу, — а этотъ разсудивъ хорошенько обстоятельства дѣла, нравы и характеръ обѣихъ служанокъ, презрѣлъ ихъ и съ хладнокровіемъ навсегда отдалилъ отъ себя.

IX.

ИВАНЪ НА ЯРМАРКѢ КОРОВУ ПРОДАЛЪ — И ЧУТЬ ЖЕНУ НЕКУПИЛЪ.

Въ сосѣднемъ городку наступала ярмарка, Ивану предстояло повести на продажь корову.

— Сынъ мой! — осЛовилъ его хозяинъ, — цѣна коровы 48 гульденовъ, если получишь за нее больше, то это твоя прибыль; но однако сперва-

не клади чрезъ чуръ высокую цѣну, чтобъ не привелъ корову назадъ домой.

Иванъ тронулся съ коровою въ путь; на дорогѣ лишь о томъ и думалъ: какъ бы ее цѣнити, чтобъ и ему досталось барышей — и корову непринуждался вести назадъ. Онъ хотѣлъ было на этомъ заработку сбогатѣти. Еще и неостановился на торговищи, а уже два мясника застали ему на дорогу вопрошаясь: „чья эта худая коровище? и сколько стоитъ?"

— Моя; а цѣна ея 60 гульденовъ!

— Шестьдесятъ? ну братъ! уже не шутя, ты едва ли столько получишь, ибо жира на ней столько, что разу сапоги помастити.

— Непродастся корова — поведу ее домой; еще не притисся на ея цѣну; — отвѣтилъ Иванъ и велъ корову дальше.

— Во сколько эта корова, землякъ? стали спрашивати прочіе торговцы.

— Шестьдесятъ бумажекъ послѣдняя цѣна.

— Вѣдь правда, что корова хороша, но все-таки 60 зол. незаслужитъ; — додалъ кто-то изъ толпы.

— Сѣно теперь дешево, — замѣтилъ другій, — такъ и скотъ подешевѣетъ. А тутъ на яр-

маркѣ столько рогатаго скота, что и въ половину поженутъ назадъ домой.

Тогда и я свою корову повелу обратно домой, — отвѣтилъ Иванъ равнодушно.

Но купцы неотступали отъ нашего Ивана: одинъ охуждалъ корову, а другій цѣну считалъ высокою, но ни одинъ неотвязался рѣшительно, а лишь такъ изъ дали приглядывались, — ибо надо узнати, что корова была хороша собой. Иванъ скоро позналъ свою выгоду и неупущалъ изъ 60 гульд. ни копейки.

— За что дашь корову сынъ мой? вопросился одинъ толстой мясникъ.

— За 64 золотыхъ.

— Но дашь и за 60, нетакъ-ли? если сей часъ уплачу?

Иванъ согласился и ударили по рукамъ.

Теперь въ веселомъ настроеніи духа возвращался Иванъ домой, напѣвая стиха пѣсенку; чему и нерадовался-бы, когда такъ легкимъ способомъ казна его приспорилась 12 гульденами! — По дорогѣ настигъ дѣвушку, погонявшую два поросенька изъ торга, которыя разбѣгались на всѣ бока, къ немалому клопоту дѣвушки.

Дѣвушка была красива, высокаго стройнаго росту.

— Дай Боже здоровья, сестра! поздравилъ её нашъ Иванъ

— Дай Боже! отвѣтила она привѣтливо.

— Нейдутъ порядно поросята, правда-ли?

— Да нехотятъ идти, а разбѣгаются, одно на сью а другое на ту сторону; уже такъ утрапилась, что едва влеку ноги.

Ну будемъ же вдвое погоняти, авось успѣемъ, — сказалъ Иванъ и погонялъ буйныхъ поросенятъ вмѣстѣ съ дѣвушкою.

— Гдѣ вы живете душенька? вопросилъ ее Иванъ когда уже шли вмѣстѣ бокъ о бокъ.

— Въ деревнѣ Бодруджалѣ, отвѣтила дѣвица. Матушка моя занимается промысломъ утучненія свиней, да и богато получаетъ она изъ того барышей, и разумѣется въ дѣлѣ, какъ никто другій. — Затѣмъ не только кормленіемъ безрогихъ она занимается, но родится у нея еще богато льна да пеньки, какъ у никого въ деревнѣ. Около „водокщей“ (водосвятія—богоявленія) столько у насъ прядива, какъ у инаго навозу на дворѣ. А, моя матушка очень умная хозяйка. — Всѣ мы дочери

ея, а есть насъ три, имѣемъ уже свои кроваты, перины, подушки и все все; затѣмъ нашими плахтами, утиральниками непостыдилась бы и любая поповская барышня; — ибо наша матушка обыкновенно говариваетъ: „посмотри-ка матушку, а такъ бери ея дѣвушку!" Правда, батюшка сердится, почему у насъ столько прядива и холста; — что, молъ, ему много льну надо сѣяти; а вѣдь же онъ и неубогъ: есть у него прекрасные лошади, четыре волы, шесть коровъ, а молока — неначе воды! а Богъ вѣдаетъ сколько еще овецъ. — Ахъ, Боже мой! и неумѣла бы высказати сколько денегъ получаетъ онъ ежегодно за кукурузу, пшеницу: навѣрно больше двѣсти золотыхъ. Но люди говорятъ, что получше у никого нееродится пшеница, чѣмъ у моего батюшки, за то продаетъ онъ ее дороже. А свои земли не далъ бы батюшка и за все сельское имущество, — ибо онѣ и лучше и плодороднѣе..." такъ болтала красная дѣвушка что ажъ потъ катился съ лба, а Иванъ слушалъ съ немалымъ удивленіемъ.

— „Какъ звутъ васъ душенька? вопросился сопутникъ, когда сопутница на минуту замолкла.

— „Марьей; отвѣчала она. Вѣдь сама же

матушка говариваетъ, что еслибъ у нея и сотью дочерей народилось, то ни одну непокрестила бы барскимъ, диковиннымъ именемъ, — ибо въ селѣ найлучше звучатъ имена: Настя, Марья, Авдотя и пр. —

Между тѣмъ приспѣли они къ одной полевой гостинницѣ, гдѣ предстояло имъ отдохнути. — „Ахъ если бы тутъ нашелся какой-то хлѣвъ — додала Марья — куда могла бы нагнати поросенятъ, то невредило бы немножко отдохнути. А потомъ купила бы и вамъ штофъ вина; ну какже зовутъ и васъ?“

— „Иваномъ Залѣснымъ.“

— „За вашъ трудъ Иванъ, непрезрите моимъ даромъ...“

— „Ну чему презиралъ бы; только вы не будете ли стыдитися съ слугой завести пирушку?

— Полно, полно Иванъ! не шутите, вѣдь же вы не слуга; — а хотьбы и былъ, мой батюшка утверждаетъ, что больше стоитъ трудолюбивый челядникъ, чѣмъ десять хозяйскихъ лѣнтяевъ-сыновъ.

Хлѣвъ нашелся, и штофъ вина неминулъ. —

„А вотъ видите Инанъ! Эго вино возбудило въ мнѣ охоту поѣсти кое-что, не будете ли и вы кушати, если велю дати жаркаго?"

— Чему бы нѣтъ, вѣдь время уже къ вечеру а вы такъ радушно даете гостину.

Марья велѣла дати мяса, — сѣли вдвое, и съѣли ужипъ. А когда уже убирались въ дальнѣйшій путь, Марья запросилась гостинника: чѣмъ должна?

— Сорока крайцеровъ.

Иванъ и Марья посягли въ карманы по деньги; первый вынулъ полну горсть мѣдныхъ денегъ, а Марья только одну десять-крайцаровую бумажку. „Ну насейчасъ нѣтъ у меня дробныхъ; а отецъ такъ и сердится — додала — когда размѣняемъ гульденъ, ибо, говоритъ, дробныя деньги скорѣе израсходуются. Прошу васъ Иванъ, заплатите-ка и за меня, какъ скоро приду домой, пошлю вамъ изъ своихъ карманныхъ, ибо есть у меня карманныхъ денёгъ больше, чѣмъ у любой барышни. Да и недивно что есть: ибо матушка если продастъ свиню, а батюшка кукурузу, то всегда и мнѣ удѣлятъ изъ этого...."

Много, очень много говорила еще болтливая дѣвушка, превознося все подъ небеса; наконец

приспѣли наши путешественники къ разпутію, гдѣ должни были разстатися. Марья сердечно поблагодарила Ивана за его прислугу и попросила, чтобъ въ будущее воскресенье посѣтилъ ихъ, тогда она возвратитъ ему долгъ.

У Ивана голова кружила, ибо должно признати, что дѣвушка была собой недурна, какая новсюда встрѣчается. Правда, была только крестянкой, но отецъ ея владѣлъ цѣлымъ телекомъ, и имѣлъ прекрасный скотъ, а денегъ, денегъ . . . было неначе половы; — и пусть кто что скажетъ . . . дѣвушка была прекрасна, здорова, богата, . . . а къ тому еще и не чуждается нашего слуги Ивана, какъ это осязательно могъ вывести онъ изъ собственной ей бесѣды. — Все это возволновало умъ его, и то на столько, что едва несворотилъ съ праваго пути, — ведущаго къ дому, и очнулся на дѣлѣ только тогда, когда домашній щенокъ, дунчій, подбѣгъ въ встрѣчу ему.

Лаяніе собаки выбило ему изъ головы прекрасную Марью, и пригадало на умъярмарковый барышъ.

— „Ну братъ! — вижу что возвратился безъ коровы, — такъ скажи теперь, какъ удалась торговля?“ — вопросилъ хозяинъ Ивана, когда сей во-

шелъ въ заднюю избу. „Садись сынъ мой и рѣжь хлѣба! а ты матушка налей ему вина . . . знаю что утомился . . .“ додалъ хозяинъ сострадательно.

Иванъ усѣлся, вѣрно разсказалъ все и высчиталъ хозяину полученную цѣну; но хозяинъ воз. вратилъ ему всю его прибыль, незадержавъ и копейки себѣ. Оставшись наединѣ Иванъословилъ хозяина: „хозяинъ мой! имѣю къ вамъ слово, если изволите выслушати . . . .“

— „Чему бы нѣтъ? говори Братъ!“

— „На возвратномъ пути поровнялся съ дѣвушкою изъ деревни *, называется Марьей, наговорила мнѣ столько, что голова и теперь еще кружится; да и если схотѣлъ бы сватати ся на ней, думаю что не отказала бы. Кажется дѣвица працовита, хороша изъ ней хозяйка была бы . . . . Дала поразумѣти, что и родители неуказали бы, куда двери! Дайте хозяинъ совѣтъ, — что дѣлати.“

— „Такъ нравится ли тебѣ Марья?“

— „Разумѣется что нравится.“

— „Ну, такъ забуди на неё, ибо она не для тебя.“

„Хорошо знаю и ей родителей. — въ хижѣ у нихъ смѣтье по колѣна. Домостроенiемъ правитъ

кое-какъ хозяйка; но три ея дочери столько збѣглы въ хозяйственныхъ дѣлахъ, насколько ты въ инженерствѣ, неумѣютъ и щей сварити. Въ неприсутствіи хозяина варитъ каждое для себя особо, а можно навѣрное сказати, что ни безрогая несъѣла бы ихъ варенья. — Игла имъ никогда и въ рукахъ небывала .... Въ домѣ всякій то дѣлаетъ, что ему захочется, и все у нихъ идетъ къ паденію и разстройству, какъ въ такомъ домѣ, гдѣ нѣтъ порядка — У Марьи дѣйствительно ловкій язычекъ, пусть чванится своимъ богатствомъ, мнѣ братъ хорошо извѣстно, что больше у нихъ долговъ, чѣмъ имущества. — Что Марья охотно пойдетъ за тебя, это легкое дѣло. — Оженишься у нихъ — будетъ изъ тебя, зять, слуга безъ платежа. Будешь трудитися, работати, а они всѣ будутъ въ лѣности жити, — ибо весь домъ празднолюбцы. — Марья, если по шею некупается въ маслѣ молокѣ, — вѣчно болтати, ворчати будетъ; неисполнишь всѣ ея желанія, выдумки, вѣчно будетъ бросати тебѣ въ глаза, что, дескать, она могла была бы выйдти замужъ за барина, иль пожалуй за хозяйскаго сына, а не за деньщика. — — Вотъ мой совѣтъ любезный Иванъ! твоя воля, дѣлай какъ хочешь; просилъ совѣта, а я неотказалъ его. — Дѣлай теперь какъ самъ хочешь“.....

Иванъ съ благоговѣніемъ выслушалъ бесѣду хозяина своего, ибо былъ увѣренъ, что лишь добраго можетъ онъ желати ему. Забылъ на вѣки на болтливую Марью, у которой только языкъ, а больше ничего.

— „Благодарю васъ хозяинъ! за умный совѣтъ, что растворили мнѣ глаза, иначе я пошатнулся бы былъ. Вижу, — что лучше слушатися разумныхъ людей, — чѣмъ пуститися на распутія.“ —

— „Хорошее дѣло, слушатися разумнѣйшихъ, это правда; но говорю тебѣ, чтобъ слышанное отъ меня невыносилъ за ворота. Разумѣлъ-ли? Покойной ночи!“

— „Разумѣлъ, здравствуйте! а на счетъ какихъ-то сплетней не безпокойтесь; что слышалъ, это у меня, — какъ въ кладбищѣ, — похоронено....“

X.

НОВЫЯ ЖЕЛАНІЯ ИВАНА.

Страсть женитьбы у Ивана помалу утихомирилась, и изъ него стался опять бывшій трудолюбивый, прилѣжный девьщикъ. — Скотъ, порученный

его присмотру являлся напитанно, чисто, опрятно. — Къ тому пахалъ, сѣялъ хозяину, неначе самъ себѣ. Андрей хозяинъ не могъ довольно нахвалитися. — Я, — говорилъ онъ однажды въ волостномъ дому, — покойно могу выдти изъ дому будучи убѣжденъ, что вѣрный мой Иванъ дома все за меня исполнитъ, такъ какъ бы и самъ дома былъ. Такъ могу все на него спустити, какъ на собственнаго сына.“

— Легко вамъ говорити, коли слугѣ платите сотками, но намъ нужденнымъ надо обходитися челядью, которая подешевѣе, — отвѣтилъ одинъ изъ старшинъ.

— Безтолково судите, другъ мой, возразилъ Андрей хозяинъ, — дешевая прислуга драгоцѣннѣе. — — Но слушатели нехотѣли вѣрити, хотя правда была по сторонѣ Андрея . . . Извѣстно дѣло, что чѣмъ честнѣе заплатите плату челяди, она тѣмъ прилѣжнѣе и вѣрнѣе окажется, чтобъ непотеряти выгоднаго мѣста.

Андрей хозяинъ гордился своимъ слугой и вскорѣ усугубилъ вдвое жалованье его; а Иванъ кромѣ того, что одѣвался какъ хозяйскій сынъ, еще и въ сберегательной кассѣ имѣлъ около 120 гульд. — Многажды аппетитъ къ ѣлу тогда при-

ходитъ, когда ѣсти начнемъ; такъ имѣется дѣло и съ бережливостью: многіе люди какъ скоро начнутъ прилагати крейцаръ къ крейцару, сразу любили бы статися богатыми — набобами; — такій былъ и нашъ Иванъ. Какъ скоро почувствовалъ, что у него обзавелись денежки, то и дѣло — недовольствовалъ получаемымъ платежемъ и возжелалъ другаго мѣста, гдѣ больше платили бы. Это свое желаніе онъ объявилъ и своему хозяину. А Андрей хозяинъ не причислялся къ людямъ — егоистамъ, который вымагалъ бы на Ивану, что дескатъ, братецъ, я сдѣлалъ изъ тебя человѣка, такъ служишь мнѣ до смерти. Нѣтъ, онъ какъ скоро понялъ стремленіе Ивана, тутже разобралъ дѣло, что жалованье ему либо убольшити, либо просто отпустити; а Иванъ въ свою очередь имѣя полное довѣріе къ своему не такъ хозяину, какъ скорѣе къ человѣколюбивому человѣку, не могъ непризнатися, что молъ лежитъ ему на сердцѣ.

— „Хозяинъ! у меня обзавелись кое-какія денежки, дайте совѣтъ: покупити, что ли, какую пахатную землю, либо взяти въ арендное пользованіе?“

— Естественнымъ дѣломъ считаю, что ты въ вѣки у меня остаться не можешь; молодъ ты бра-

тецъ и желаешь возпользоваться своею же молодостью; да и требованіе большаго жалованья неудивляетъ меня, ибо всякій изъ насъ любитъ большую долю счастья, — но того не могу поняти, какимъ образомъ ты, умный юноша, съ 120 гульд. намѣряешь сдѣлати карьеру, купити наорекъ земли, либо арендовати? Эта сумма денегъ какъ бы ничто. —

Если всѣ деньги вложишь на покупку поземельныхъ участковъ, то неостанется средствъ для дальшаго хозяйства, — а вишь, хозяинъ безъ денегъ то, что вѣчный должникъ. Который хозяинъ притиснется на деньги, то продаетъ и послѣднее; — а продаетъ лишь тогда, когда другіе требуютъ. Стало быти покупатель какимнибудь способомъ подмѣтитъ твое принужденіе: то хотя добромъ поминай, за безцѣнъ купуетъ. — — Для того совѣтую тебѣ сынъ мой! погоди еще немножко, — — и если нежелаешь у меня надальше остати, такъ сънщи себѣ лучшаго мѣста, я и послѣ буду забочатися о твоей судьбѣ.“

Такъ откровенно и простосердечно разговоривали между собою слуга и хозяинъ, и эта откровенность ни одному непадала въ тяготу.

Настало время осенное; деревья угинались

подъ тяжестью овощей. Андрей хозяинъ только что возвратился съ поля, закурилъ на трубку, чтобъ предъ ужиномъ пропустити изъ губы нѣсколько клубовъ дыму, и усѣлся подъ стрѣхою на широкой лавицѣ, — какъ тутъ же подоспѣла къ нему достойная его жена, низпускаясь съ чердака, съ важнымъ видомъ приложивъ указательный перстъ къ лбу: — Эй-гей! Какій изъ него сдѣлался баринъ! . . позирайте его! . . . а мнѣ чуть необорвутся руки отъ тяжелой работы. Богъ уродилъ намъ овощей, овощь гніетъ, а мы все такъ легко важимъ . . . . . "

— То и дѣло, что размышляю на-серіо что, молъ, дѣлати намъ съ сливами, дабы внивочь необратились, — отвѣтилъ Андрей хозяинъ. Думаю, хорошо былобъ, если ты завтра отправилась бы въ городъ и побалакала тамъ съ площадными перекупками на счетъ этихъ сливъ . . . .

— Вишь его, мудрецъ! а развѣ мое дѣло волочиться по городамъ, покуда въ домѣ пойдетъ вгору ногами, — отвѣтила достойная Ева. — Обѣ наши служанки къ ничему негодятся, вывернутъ хату горѣ дномъ . . . Декатъ поумнѣе былобъ, если ты самъ отправился бы въ городъ, досуга у тебя молъ есть; — впрочемъ забота это ужь мужчины

постаратися, — какимъ образомъ надобыти денегъ! — —

— Матушка! повѣрьте мнѣ, я это охотно сдѣлалъ бы, но назавтра мнѣ непремѣнно появитися въ волостномъ домѣ, какъ старшинѣ; у насъ обзавелись разные дѣлышка .... и только самъ Богъ вѣдаетъ сколько у меня работы!

— Ого, братецъ! какій же вы чепурный съ вашимъ волостнымъ домомъ; развѣ не первое наше собственное дѣло, что ли?

— Матушка, ты неговоришь впрокъ! собственныя интересса должны подчинятися общимъ; и что касается общественности, это все выше лучныхъ разсчетовъ; но прото, если возможно; то таки и пойду.

— Нѣсколько яицъ было бы у меня, да и масла, пожалуй понеси въ одномъ кошникѣ и продай!

— Ужь извини, солодкая! это не мужчины дѣло, съ подобными вещами сама носись; и сказавъ это отправился къ волостному старшинѣ, чтобъ завтрѣшнее отсутствіе свое заявилъ.

— Иванъ! сказалъ хозяинъ надъ ужиномъ, — завтра поѣдемъ въ городъ, такъ очисти отъ грязи брички и упрягъ, ибо по опрятности этихъ сна-

рядовъ упознается хозяинъ. Немогу стерпѣти такого хозяина, у котораго на колесахъ еще прошлогодичная грязь. Какій у кого дворъ, хозяйственныя орудія — такая и душа.

Слугѣ не надо было приказанное повторяти. Къ утру повозка, — заложенная въ пару лошадей, — сверкала какъ зеркало. Андрей хозяинъ усѣлся въ неё и высказавъ домашнимъ свое „прошайте!" покатились вѣтрами по сыпанной доротѣ. —

Прійдя въ городъ, — съ церковныхъ башней по латинскому обычаю точно тогда раздался звонъ городскихъ колоколовъ къ „Ave"! Андрей хозяинъ зашелъ пообѣдати „къ двумъ зайцамъ".

Тутъ какъ-то случайно сошелся нашъ Андрей хозяинъ съ старенькимъ Федоромъ Софроніевичемъ, кресятниномъ изъ поблизкой деревни, который раскрылъ весь свой недугъ предъ нимъ. У этого человѣка недоставало порядочной челяди. Андрей посовѣтовалъ ему за порядочное жалованье наняти Ивана, хотя больно приходилось ему разстатися съ нимъ. Старикъ согласился, обрадовался и — наши знакомые ударились по рукамъ.

XI.

ИВАНЪ ДОСТАЛСЯ ДРУГОМУ ХОЗЯИНУ.

Федоръ Софроніевичь, вслѣдствіе предварительнаго соглашенія другаго дня прикатилъ къ нашему хозяину. Хозяинъ вышелъ ему на встрѣчу вмѣстѣ съ своею женою. Гость слѣзъ съ воза и отдалъ лошади въ попечительство Ивана.

— Слуга этотъ Иванъ, что ли? попросилъ старенькій Федоръ.

— Да — съ! — отвѣтилъ нашъ хозяинъ.

А этотъ коротенькій отвѣтъ вдарилъ клина въ голову достойной Евы хозяйки. Она тотчасъ подмѣтила куда водятся раки и — серьезно призадумалась. Но въ присутствіи чужаго человѣка несказала ничего, а отъ мужа выпрашиваться нестало времени.

— Хозяйка! что скажете на счетъ вашего слуги? мужъ вашъ всепохвально отзывается о немъ . . . . сказалъ старикъ, когда остались на единѣ съ хозяйкою.

— То, что изъ того ничего небудетъ! . . . отвѣтила она съ сердцёмъ. — Иванъ очень порядочный поденьщикъ, какого мы едва ли когда отъищемъ.

— Братецъ! — сказалъ старикъ вошедшему тогда въ комнату хозяину, — какъ кажется твоя жена коротко поразумѣлась съ твоимъ Иваномъ Страхъ, какъ ратоборствуетъ изъ- за него; — додалъ шутя.

— Га! дядушка, она права . . . . такого слуги еще у насъ небывало; да едва-ли когда и будетъ. — — Но Иванъ этой любви вполнѣ заслужилъ.

Ужь ради Бога? что ты задумалъ Андрей … сказала хозяйка, когда послѣ вечерняго ужина остались супруги наединѣ, — гдѣ и куда подѣлся вашъ разсудокъ?

— Ну — ну — ну, негнѣвись солодкая! не будь столь тѣсносердна. Если Ивану въ виду лучшее счастье показывается, чѣмъ оно могъ отъискати онъ у насъ, то солодкая, — пусть ему: съ Богомъ! — мы не можемъ ему препятствовати.

Хозяйка замолчала. — Позвали Ивана.

А Иванъ нашъ немогъ довольно надивоватися, что, молъ, почему его столь позднoю порою непокоятъ.

Андрей хозяинъ налилъ рюмку вина и поднесъ её слугѣ, и велѣлъ ему садитися.

Теперь сталъ ему хозяинъ серьезно толковати, что, дескать, онъ самъ вручалъ его старенькому Федору въ слуги, у котораго вишь и платежъ и пропитаніе будетъ по- лучше, — и закончилъ словами: — „скажи какого ты самъ мнѣнія?“ —

Иванъ только изумился услышавъ новое рѣшеніе судьбы, — и едва могъ проболтати что, молъ, ему никакого недостатка, да и нежелаетъ его оставити. — Но если такъ угодно хозяину, я — сказалъ — попробую; но все таки не охотно, — додалъ.

— Не повредитъ спробовати, сынъ! — отвѣтилъ Андрей хозяинъ, — и если небудетъ тебѣ понутру, то возвращайся, — коли захотѣлъ. Но однакожь говори теперь, какое жалованье требуешь отъ новаго хозяина?

— Говорите и опредѣльте вы, а я на все соглашусь.

Хорошо, братецъ! благодарю за довѣріе.... А вы честной Федоръ! дадите ему двѣсти валутальныхъ золотыхъ, т. е. по-швабски 80 гульденовъ, двѣ пары сапогъ и шесть паръ бѣлизны; — обратился Андрей къ Федору.

— Думаю, что это много будетъ; — но однакожь не хочу казатися пошлымъ евреемъ, — пусть будетъ и такъ, — и ударились по-рукамъ.

Федоръ далъ Ивану задатку 5 гульд. тотчасъ.

Да и предусмотрительно сдѣлалъ нашъ старикъ; ибо если къ утру отложитъ дѣло, едвали будетъ что изъ соглашенія.

Пошли всѣ спати, а тутъ начала свои прелекціи достойная хозяйка Ева, больно браня Андрея за его опрометчивость. — Боже мой! чѣмъ она ему нелузала . . , — Такого человѣка, какъ нашъ Иванъ, пожертвовати этой старой — скрягѣ, — этой лисицѣ! . . Говорю вамъ батюшка, вы — просто стали дурнемъ. У васъ нѣтъ ума-разума. А можно что былъ „шрегомъ" (пьянъ), когда все эту гешторію затѣялъ.

Андрей хозяинъ хотя все это „псованье" равнодушно слушалъ, но однакожь не могъ довольно раскаиватися надъ своею оплошностью. Авось это будетъ въ пользу Ивана? — Больше присбираетъ и такимъ образомъ будетъ въ состояніи кое-что начати на свою, какъ говорится — руку. —

Иванъ въ свою очередь тоже не могъ долго уснути, лежа на своей хлѣвной лежанкѣ; жалко ему приходилось разлучатися съ добродушнымъ хозяиномъ; а старенькій Федоръ храпѣлъ отъ всей души, — и то такъ сильно, что человѣкъ подумалъ бы, будто собаки заѣдаются.

Другаго дня отходя нашъ старикъ Ф. Софронкіевичъ всунулъ Ивану въ горсть „задатокъ", а это слово то знаменуетъ, что обязалъ его къ себѣ услуженіе. — Долго еще двѣ недѣли раздумывали сряду наши хозяева надъ тѣмъ, несовѣтнѣе- ли обратно послати этотъ „задатокъ" (обязательную цѣну) старику; но Андрей хозяинъ наконецъ рѣшился что у „русскаго человѣка слово — священное писаніе!"

Приспѣлъ великій праздникъ Рождества Христоваго. По селѣ звучно раздались колядныя пѣсни „Божій Сынъ днесь народился" (епископа Поповича) и „Се схожду ангелъ къ вамъ съ небесъ, пастыри;" (каноника Ладижинскаго); всѣ домашніе разбрелись по хатамъ на гостину, а только Андрей хозяинъ остался съ своимъ слугой Иваномъ.

— Сынъ мой! — сказалъ онъ ему тогда, — иди къ нашему Панъ-Отцу и выпроси себѣ кре-

стнаго свидѣтельства (родный листъ); кто знаетъ, можетъ онъ понадобитъ тебѣ.

— Батюшка мой, Богъ далъ вамъ бы здоровья! пожалуйста, идите сами къ священнику; боюсь чтобъ онъ считая меня прежднимъ проказникомъ — пьяницей, невыбранилъ.

— Ни чуть небывало, сынъ мой! онъ нестанетъ упоминати про твои древнія выступки; это ужь миновалось. — Но допустимъ, что онъ тебя немножко и побранитъ, то знай братецъ, что однако духовнаго отца наставленія никогда неизлишны; такъ иди же.

Иванъ пошелъ, и прійдя на подворье приходскаго дома, сердце такъ билось у него, чуть не трѣснуло, — застучалъ и двери отворились.

— Ну любезный мой Иванку! по какимъ орудкамъ притрудился ты къ мнѣ? — запросилъ его сѣдоголовый священникъ, державшій точно въ рукахъ Галичское преславное „Слово."

— Любилъ бы получити „роднаго листа."

— Слышу, что намѣряешся оставити насъ; жалко мнѣ, что разлучаешься съ нами, но съ другой стороны и радуюся, ибо правду сказавъ, ты лучшей платежи достоинъ.

Ну, ну, сынокъ! я никогда бы былъ неповѣрилъ, что изъ тебя такій трудолюбивый молодецъ станется. Что у людей не по-силамъ, то у Бога возможно! — Однако не забуди и на новомъ мѣстѣ, что око Господне всюда видитъ, и лишь дотолѣ будешь счастливъ, покуда несвернешься съ праваго пути. Сынъ мой, „очи Господни призираютъ на нищаго." — Богъ видитъ и слышитъ и то, что хозяинъ невидитъ и неслышитъ. Оттеперь будетъ твоему присмотру поручено больше, но и взыскиватися отъ тебя будетъ больше, для того памятай на слово Спасителя: „бдите и молитеся, да не внійдете въ напасть" (Марк. 14. 38.) Теперь иди сынъ мой, ты бывалъ хорошаго поведенія, по той причинѣ я и нетребую отъ тебя ничего за крестное свидѣтельство; одно лишь мое желаніе: слышати о тебѣ добрую славу . . .

Иванъ съ заплаканными глазами оставилъ священника и едва вынесъ нетерпѣливость, высказатися въ всемъ хозяину, ужъ разумѣется на счетъ принятія его священникомъ.

— Видишь братецъ! это та добрая слава человѣка, о которой я нѣкогда говоривалъ тебѣ. Честная репутація человѣка далеко промчится, но плохая еще дальше.

— Повѣрте хозяинъ! что слышалъ отъ священника, никогда незабуду.

Наступилъ новый годъ, и по принятому обычаю большее празднество и пиръ устроивались въ домѣ честнаго Андрея хозяина. Но когдашняя веселость превратилась теперь въ какое то унынie и тоску, ибо слова Ивана: „Боже мой! вѣдь я послѣднiй разъ съ вами гощуся!“ — всѣхъ разжалостила.

Утромъ другаго дня, когда церковь наша празднуетъ память „Иже въ святыхъ Отца нашего Силвестра“ (и когда по-русскому нашему обычаю, а не тамъ по какому-то загорскому, бѣжущему тринадцати днями напередъ своимъ календаремъ и много разы съ жидами ѣдущему пасху Христову), — сани стояли ужъ у крыльца, заложены въ двухъ лошадей. Андрей хозяинъ бо самъ лично хотѣлъ отвести своего Ивана на новое его мѣсто, чтобъ переселенiе бѣдаку обшлось безъ всякихъ издержекъ.

— Богъ съ вами! пращайте матушка моя! — сталъ Иванъ съ слезами пращатися съ хозяйкой, выходя изъ избы. — Прошу васъ извините, если чѣмъ нибудь провинился, и не гнѣвайтеся! — Больше ужъ немогъ высказати, ибо залился слезами.

— Эй Богу! негнѣваюсь; да и зачѣмъ бы гнѣвалася? отвѣчала достойная Ева, протирая слезы припаскою; — желаю чтобъ чѣмъ скорѣе возвратился. —

Дѣти, служанки да всѣ домашніе рыдали, такъ что у Ивана едва сердце нетреснуло отъ жалью, но Андрей хозяинъ своею важною персоной прервалъ всѣ эти чувствительныя проявленія, мудро замѣтя, что дескатъ Иванъ невыбирается на край свѣта! и пр. — Съ тѣмъ усѣлись оба въ сани и помчались.

Пора была Январская, а саница какъ ıоворятъ наши Карпато-русы „якъ ухо!“ Стужа такъ только разжигала тварь у человѣка; саница блестѣла неначе прозрачный лёдъ. Наши вояжери мало говорили, а лишь Иванъ нѣкогда постукивалъ, будучи совсѣмъ разстроенъ чувствительною сценою разлуки . . .

Полно затемнѣло, когда достигли своей цѣли. Новый хозяинъ Ивана С. ужъ ожидалъ ихъ на дворѣ.

— Богъ въ помощь солодкіе друзья! Я ужъ думалъ что неприедете; что неподержите слова . . . сказалъ старикъ, подходя къ санямъ.

— Батьку! честный человѣкъ слово всегда

подержитъ, — отвѣтилъ Андрей хозяинъ, пожавъ руку у старика.

— Эй! слышите; куда подѣлися? приходите-ка сюда . . . . кричалъ старикъ, но напрасно, ибо никто неявлялся. Увѣдя это Иванъ, самъ выпрягъ лошади изъ саней и повелъ въ хлѣвъ.

Прійдя въ стайню сей часъ замѣтилъ, какіе тутъ порядки обзавелися. Все стояло въ гору ногами. . . .

Скончивъ свою работу, жалостно подошелъ къ хатѣ, какъ вдругъ ословила его молодая дѣвушка, вопрошалась, онъ-ли это новой слуга? — Дѣвушка была ядренная, молодая, прекрасная, черноволосая, она называлась Гафа (Агапія); сирота кругомъ, на которой лежалъ весь тягаръ домостройства. Но изъ-за этого она никогда нежаловалася, — а глазки ея всегда смѣялися. Когда Иванъ это чудо-красоту по первыйразъ встрѣтилъ, сердце у него затрепеталось и едва успѣлъ на вопросъ дѣвушки отвѣтити свое: „да.“

— Пойдите Иванъ внутрь и похлебайте немножко супу; знаю что вы утомились и устали изъ пути; — сказала дѣвица столь прелестнымъ голоскомъ, что Иванъ весь разочаровался отъ прелестныхъ словъ.

Войдя въ комнату, обрѣлъ нашъ Иванъ Андрея хозяина и старика за столомъ, на которомъ дымились свѣжія колбасы и свѣтилась бутылька вина вмѣсто фонаря.

— Такъ новый слуга это ты, сынокъ? — озвалась старуха, привѣтливо поглядывая на Ивана. — Если ты такъ будешь вѣренъ, какъ благообразенъ, красивъ и молодъ, то нехудо тебѣ братецъ у насъ будетъ. Сядись да ѣжь; недай понукати себя, — для того поставлено чтобъ ѣлъ.

Въ все время ужина, старикъ Софронкіевичъ жаловался на неблагодарность челяди; а старуха его усильно посилковала Ивана да Андрея кушати и пити.

— Какъ мнѣ пригодилось подмѣтити, — заговорилъ старикъ по отходѣ Ивана изъ избы къ отпочинку, моя челядь не очень рада прибытію этого парня; но ничего, мнѣ пріятнѣе когда между челядью несогласіе, ибо тогда по крайней мѣрѣ необкрадываютъ хозяина.

— Всего лучше, — замѣтилъ Андрей хозяинъ, — когда между челядью и хозяиномъ полное согласіе, ибо вѣчна это правда, что „миръ строитъ — а сварня разрушаетъ!“ Скажу вамъ батюшка откровенно, что мнѣ ненравится ваше до

моустройство, ибо какъ искушаю, тутъ каждый то дѣлаетъ, что самъ хочетъ, и такъ требуемый порядокъ даже и не мыслимъ. — Стало Иванъ мой станетъ вводити чинъ и порядокъ, а у хозяина нехватитъ энергіи, тогда лишь ему придется горевати. —

— Нестрахайся братецъ; жалованье его у меня непропадетъ.

— Недовольно того, батюшка! но надо чтобъ обходились съ нимъ по-человѣчески; ибо у меня онъ былъ неначе сыномъ, а моя жена такъ оплаала его, какъ покойника, отнесеннаго на кладбище.

Другаго дня Андрей хозяинъ возвратился въ свояси, а Иванъ попросилъ дозволенія выпровадити его изъ села. Едва оставили домъ, тутъ Иванъ сталъ жаловатися, что такого безпорядка въ всю свою жизнь еще невидѣлъ. — Вся челядь глядитъ на него косо, неначе бы онъ человѣчьимъ мясомъ животился. — Батюшка мой! невыбуду я здѣсь ни полгода! ....

— Только терпѣніе, братъ мой! Богъ поможетъ. Усилуйся пріобрѣсти довѣріе старика и любовъ сотоварищей, и все пойдетъ впрокъ. Отличіе никогда непріймай и буди первый въ работѣ; —

тогда увидишь что примѣръ твой всѣхъ обезоружитъ. —

XII.

КАКЪ ПОВОДИТСЯ ИВАНУ НА НОВОМЪ МѢСТѢ.

Еще того дня отправился Иванъ послѣ полудня на пелевню къ работѣ. Одинъ изъ челядниковъ рѣзалъ сѣчку; — другій стрясалъ кормъ для скота. Иванъ хватилъ вилы и хотѣлъ было помагати.

— Ненуждаемся въ вашей помощи; сами успѣемъ скончити свое; — сказалъ надменно одинъ изъ нихъ.

Иванъ несконфузился, а ялся выметывати навозъ изъ хлѣвовъ. Когда свечерѣло старенькій хозяинъ увидя трудъ Ивана похвалилъ его, и внушилъ прочей челяди послѣдовати его примѣру. Этимъ только подлилъ масла къ горючему матеріялу.

За ужиномъ Иванъ спросилъ хозяина на счетъ распредѣленія дальнѣйшей зимной работы, ибо по его убѣжденію такъ должно раздѣлити занятіе, чтобъ когда приспѣетъ весна все было на поготовѣ, чтобъ сей часъ ятися паханья.

— Право говоришь, — подтвердилъ ста-

рикъ, — но все сразу нельзя же сдѣлати. Рѣзаніе сѣчки и вывозъ навоза подержитъ 2—3 недѣли. Затѣмъ будутъ возитя дрова, а когда и это скончили, вотъ и весна наступила.

— Если необидитеся хозяинъ! имѣю замѣчаніе . . . прервалъ его Иванъ, — думаю совѣтнѣе бы прежде, когда еще замерзнуто, возити дрова; ибо въ февралѣ смякнетъ погода, пусть тогда рѣжется сѣчка.

— Ужъ это у меня и доселѣ посему бывало, — нехочу новые порядки вводити въ свой домъ.

Иванъ несказалъ на это ничего, но печально вышелъ изъ комнаты и легъ спати.

— Чудный ты человѣкъ старый! разразилась на старика его жена, вѣдь правъ же парень.

— Ну, ну, стара! не вмѣшивайся не въ свое дѣло. Развѣ я у слуги стану цріимати совѣты? чтобъ увѣрился, будто онъ распоряжаетъ въ домѣ. Вѣдь хозяинъ я, а не онъ еще.

Утромъ Иванъ принялся кормити скотину.

„Этому теленку дай Стефанъ соли и почеси его.“ сказалъ одному парнышкѣ.

— Это ужъ моя, а не ваша — забота, не вмѣшивайтеся, куда неслѣдуетъ, вишь его? — отвѣтилъ досадно парень.

— Ну изъ подъ этой коровы вычисти же получше навозъ. Петръ!

— Собакѣ повелѣвай, а не мнѣ, поразумѣлъ?

— Дѣвки! умыйте же дойные сосуды.

— Умывайте сами . . . намъ небудете предписывати.

Такъ шло это поочередно день — за день, и Ивану много пришлось промкнути; но терпѣлъ, ожидая инаго поворота непорядковъ.

Страшенный непорядокъ господствовалъ въ домѣ старика, Иванъ горѣлъ желаніемъ исправити эти безпорядки, но тѣмъ еще больше наразилъ противъ себя прочую челядь, а хозаина ничуть неубѣдилъ

XIII.

ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ У НОВАГО ХОЗЯИНА.

Когда Иванъ наступившаго воскресенья утромъ на зоряхъ всталъ, весь домъ погруженъ былъ еще въ глубокомъ сну. Иванъ далъ скотинѣ обыкновеннаго корму, выпустилъ дробный скотъ и — ялся доити коровы, ибо пастухъ коровъ ужъ трубилъ и выгонялъ ихъ въ поле.

— Ну, непропадаетъ же свѣтъ, чтобъ въ

мои дѣла вмѣшивался какой — нибудь пройди — свѣтъ, ибо такъ ушибу его дойникомъ по головѣ, что попамятаетъ на всю жизнь! . . . разразилась на него служанка.

— Вставай солодка тогда, когда другіе честные люди, — иначе я не перестану вмѣшиватися.

Милая Гафа немогла довольно надивитися, что такъ рано внесли молоко; а когда довѣдалася, что это Иванъ днесь доилъ, немогла довольно нахвалитися его.

— Такъ теперь Агафія! только готови завтракъ, ибо любилъ бы на другое отправитися къ заутрени и св. литургіи.

— До церкви? что ли? вопросилась съ удивленіемъ Гафа. — Это только впервыйразъ слышу изъ устъ челядника про церковь. — Дядушка едва разъ въ годъ идетъ, а тетушка по большимъ только праздникамъ. Дочь — баловница ихъ идетъ въ церковь когда новое платье получитъ, чтобъ указати его; прочіе, ужъ разумѣется челядь, никогда неидутъ, а и я лишь изрѣдка, ибо по воскресеньямъ найбольше заботъ у меня. — Ну и небойтесь вы Иванъ, что всѣ высмѣютъ васъ? . .

— Ужъ пусть и смѣются, въ церковь хо-

дити не стыдъ, и еслибъ мнѣ это у васъ воспрещали, сейчасъ бы лишилъ такой домъ, ибо нѣтъ такой высокой платежи, на которой бы присталъ продати чорту душу.

— Вы правы, такъ идите же; о, еслибъ и я могла идти вмѣстѣ съ вами.

— Стало быти, хозяинъ не заставляетъ ихъ ходити въ церковь?

— Это ему на умѣ. — Пусть бы ему только работали, а съ душею ихъ онъ не много гадаетъ.

Послѣ завтрака Иванъ взялъ подъ мышку „полуставецъ" и пустился въ церковь, прочіе стали смѣятися:

„Стань въ дячки!" — „Нечудуйтеся, хочетъ показатися."

„Думаетъ, что попъ о немъ будетъ говорити проповѣдь!"

— Попъ говоритъ скорѣе на сердце волокитамъ, корчемникамъ и разнымъ плутамъ, можно изъ-за этого вы и неидете въ церковь; — заступалась за Ивана Гафка.

— Ну, хороша же изъ тебя дѣвушка! стало быти, — этотъ мошённикъ понравился тебѣ. — Готова бы съ нимъ вмѣстѣ идти въ церковь? не такъ ли?

— Подъ вѣнецъ; — додалъ другій хохочайсь.

— Хотьбы и подъ вѣнецъ, — а скорше съ нимъ чѣмъ съ вами, празднолюбцы! — отвѣчала имъ Гафа.

Возвратившись изъ церкви Иванъ сѣлъ съ прочими къ обѣду; но и тутъ не было шуткамъ ни мѣры, ни конца.

— Мы думали, что молъ задержитъ тя попъ на обѣдъ.

— А къ вечерни не пойдешь, слушати катехизъ?

— Будетъ же намъ ужъ теперь не плохо, — коли между нами есть и мудрецъ — книжникъ.

— Разумѣется, что онъ, божья дѣтина, отмолился и за наши грѣшки.

Доселѣ Иванъ даже и понятія неимѣлъ о подобной развратности и безрелигійности; даже и въ умъ вмѣститися ему немогло, можетъ ли простой человѣкъ такъ издѣватися надъ св. вѣрою? и едва отбылся обѣдъ, сейчасъ бѣгъ въ хлѣвъ, и взялъ свой „хлѣбъ души“ Духповича, утѣшити душевную печаль.

И закѣмъ онъ молился, вокуда разбиралъ въ молитвеникѣ, — вдругъ отворились хлѣвные ворота и вошелъ ними одинъ изъ развратныхъ слугъ. — „Какъ вижу опять усѣлся въ книги; — вездѣ искали мы тебя, ибо не думали что дескать въ хлѣвѣ молишся Богу!

Ну и какое вамъ дѣло съ мной?

— Поди къ моему батюшкѣ, тамъ собрались — ужъ разумѣешь — и прочіе; придетъ и наша служанка Аксеня, а еще и другая, будемъ веселиться, побавимся и въ карты, пошутимъ; о, наша Аксеня прелестная дѣвка . . . .

Иванъ, чтобъ еще болѣе ненаразити пхъ противъ себя волей — неволей пожкындибалъ къ отцу развратнаго слуги. Едва перешагнулъ порогъ, какъ всѣ устремились ему въ объятія. — Хорошо, что пришелъ, — ревали, — ибо какъ новому слугѣ, вино и водку тебѣ должно будетъ заплатити. Ибо это у насъ ужъ въ обычаѣ.

— Совѣтно мнѣ, братья, за этакую бездѣлицу выбрасивати кроваво заработанныя денежки.

Ну, ну, ну! какъ дорожитъеломаннымъ шелюгомъ . . . .

Иванъ упознавъ ловушку согласился на все.

Теперь стали всѣ задобрѣватися ему; одинъ хвалилъ, что на всемъ всѣтѣ неумѣетъ другой такъ обходитися съ скотиной, какъ моль Иванъ. Другой додалъ, что коней никто таке неумѣетъ погоняти какъ, разумѣется, Иванъ.

— Для того говорятъ тебѣ братъ, что никогда невѣруй Гаѳѣ.

Когда такъ между собою разговоривали, одна кварта водки за другою исчезала. Отъ любезничанья перешло къ хулѣ и клеветѣ; на конецъ озвался одинъ изъ нихъ:

— Будешь, братецъ, полнымъ дуракомъ, когда будешь этой старой св . . . ѣ оказывати такую вѣрность, а братьевъ своихъ въ ложномъ свѣтѣ представляти.

— Ужъ конечно незаслуживаетъ этотъ скряга Софроньевичь, ѳена бы его съѣла, того, чтобъ мы ему были вѣрны; ибо онъ чрезъ-чуръ много вымогаетъ, а къ намъ все больше становится недовѣрчивымъ и грубоватымъ.

— Собственный сынъ обманываетъ его, а потому смѣется въ кулакъ.

Эй, братья! еслибъ только мы солидно придерживалися, можно бы намъ кое-что и въ карманъ отложити. . . .

У Ивана стали дыбомъ волоса на этакую беседу; онъ неговорилъ на таковыя рѣчи ни „да,“ ни „нѣтъ,“ и заплативъ насильственный наголъ за водку, убиратися въ свояси.

Выйдя на вонъ убѣдился, что темная ночь; но старой развратный сослуживецъ едо подступилъ къ нему и сказалъ: — Братецъ! подведу тебя подъ оболокъ одной дѣвушки, — неплохо былобъ подобратися къ ней . . . .

Ужъ я знаю каждую въ селѣ дѣвушку. . . .

— Я незнакомъ еще въ селѣ, а потому и трудно приходится мерзнути подъ чьими-либо оболоками, —

Ну, если нехочешь, такъ небуду тя принуждати. — Но зайдемъ прежде въ эту побочну улицу, тутъ живетъ моя любовница, любилъ бы узнати, не есть ли кто другой у нея.

Иванъ согласился, и едва повергнули въ боковую улицу, какъ вдругъ кто-то ударилъ его по ловѣ, а другій кто-то по плечамъ. — Въ свою очередь и нашъ парень небылъ лѣнивъ, а хватилъ за колъ изъ городины, такъ боронился нимъ что ужъ больше неприкоснулся къ нему. — Съ тѣмъ поспѣшилъ домой.

Только позднѣе узналъ Иванъ, что шельмы хотѣли его опоити, чтобъ какъ пьянаго побили.

X.

КАКЪ ПОВОДИТСЯ ДАЛЬШЕ ИВАНУ.

Слѣдующаго воскресенья старикъ хозяинъ отправился на другое село посѣтити своего сына; взялъ сь собою и свою дочь Уляну, которую въ домѣ вообще называли Юліей. — Остались дома только старушка хозяйка и Гафа.

— Сынъ мой Иванъ! поди-ка внутрь, — сказала старушка послѣ обѣда къ Ивану.

Иванъ вошелъ; а старушка угостила его шонкой да виномъ.

— Матушка, — озвался по хвилѣ; — непозволили ли бы вы мнѣ въ праздничныя дни по полуднямъ войдти въ теплую избу для чтенія? — Я, видите незахаживаю въ кабакъ, а въ хлѣвѣ студено и темно; спатиже не приходится днемъ, ибо: „изыйдетъ человѣкъ на дѣло и на дѣланіе свое до вечера.“

— Ужъ почему бы не можно внити? — отвѣтила старушка. Мужъ небудетъ прекословити, да

Юлія небудетъ ворчати. Знаю что хозяинъ тебя любитъ, и если нѣкогда и суровымъ оказывается, то ты нетворися на его капризы, а читай свои библіи. —

Слѣдующаго воскресенья, когда Иванъ усѣлся въ комнатѣ за свои библіи, старикъ хозяинъ только глаза вытрещилъ. Неговорилъ ничего, хотя любезная его Юлія непреставала косо поглядывати на дерзкаго слугу.

Сирота воспитаница Гафія никогда небыла въ любовномъ отношеніи къ баловицѣ Юліи, потому что эта её держала только простою служанкой, хотя весь трудъ по домостроенію лежалъ на плечахъ Гафіи. — Можетъ быти впрочемъ, что Юлія завидѣла красивости Гафійной, ибо часто говоривала, что дескать въ воспитательномъ заведеніи города К. . . была одна служанка поразительно на неё похожа, и которую когда увидѣвъ настоятельница всегда восклицала: „ухъ! какъ несносна мнѣ эта деревеньская морда.“ . . .

А Гафія вмѣсто того чтобъ сердитися на подобныя остроты и колькости, скорѣе сострадательно поглянула на свою вьялую, блѣдную сродницу.

Юлія, какъ мы выше уже замѣтили, косо позирала на Ивана, когда тотъ же усѣлся въ ко-

мнатѣ книгу читати. Замѣтивъ что „барышни" онъ бервеномъ въ глазу, хотѣлъ было ужъ разразитися досадою, — но помня что ругательства да грубіянства ни къ чему недоведутъ, хотя правда по его сторонѣ была, ибо чрезъ всю недѣлю онъ трясся отъ стужи на дворѣ, работая на барышню Юлію, — пусть бы только по воскресеньямъ по крайней мѣрѣ дозволено ему было напитатися душевною пищей.

Случается многажды что самые мельчайшіе дѣла вліяютъ на всю нашу жизнь, и случайность большекратъ играетъ самую большую роль въ судьбѣ нашей. Такъ сталося и съ нашимъ героемъ. — Когда Юлія стала вынимати изъ шифона свои ленточкѣ и кружева, а одна изъ такихъ ленточекъ упала на землю, то нашъ Иванъ, увидя это, сейчасъ спохватился, снялъ ленточку и отдалъ барышни. — Между тѣмъ объявилъ свое удивленье надъ красотою ленточки.

— Ахъ, у меня есть ленточки еще получше, — сказала тощая барышня съ радостнымъ видомъ, и тутъ не стала нашему слугѣ Ивану указывати всѣ свои приборы, одежды и все что у нея было, — на что все нашъ герой съ большею похвалою отзывался. „Недивно, барышня, что требуете отъ

своего батюшки изъ ящныхътого ленточекъ, но вы достойны, ибо у васъ прекрасны волосы, Боже мой! какъ хороши.

Съ тѣхъ поръ стался нашъ Иванъ милымъ гостьемъ въ домѣ, и предъ Юліей стерпимымъ. — Да и правду сказати, красивъ былъ собою и нашъ парень.

Старый Софронкіевичь сталъ ужъ теперь серіозно мерзитися на Ивана, ибо побоялся чтобъ „барышня" невлюбилася въ поденьщика.

Весна приспѣла; всѣ дрова были уже на дворѣ; все это нашъ прилѣжный слуга порубалъ и склалъ на громаду. Однажды Иванъ просилъ у хозяина позволеніе, чтобъ могъ дерева въ огородѣ очистити отъ гусеницъ и сухія вѣтви отрѣзати, старикъ непрекословилъ, ибо прекословити нельзя было, но по отходѣ его сказалъ:

— Этому человѣку все новизны хочется. — Еще наконецъ вырубитъ деревя....

— Это ужъ истинная злость: когда бы могли нѣсколько отдохнути, этотъ новаторъ хоть съ подъ земли, а все таки найдетъ намъ работу! — негодовала прочая челядь.

Былъ прекрасный день м. Марта, солнышко тепло пригрѣвало, а Иванъ попросилъ хозяина, чѣмъ

начнутъ весенныя работы, — ибо у прежняго хозаина мы прежде чѣмъ принялися за эти работы всегда предварительно рѣшили: гдѣ что посѣемъ и сколько? — Для того подите хозяинъ! погода хороша, пройдемся немножко по ораницамъ.

— Эй но, есть еще довольно времени, но ты недаешь человѣку покоя ни въ воскресенье, ни въ будни, иначе турокъ бы стоялъ за спиной. Наконецъ изъ-за тебя вся челядь оставитъ насъ; — додалъ съ сердцемъ.

— Ну, ну старый! вѣдъ же Иванъ правъ, почему будемъ даромъ питати столько челяди?... сли ты нейдешь съ Иваномъ, то иду я.

— Хорошо, иду, иду — ворчалъ старикъ окутываясь въ свою шубу и принимаясь за свою логовую палку.

Старикъ никогда необращалъ должнаго вниманія на свое громадное хозяйство. Сѣялъ лишь настолько, насколько навоза хватило, но навоза у него небыло вдоволь, потому что на умноженіе его необращалъ особой старательности. Равнымъ образомъ немного вниманія обращалъ и на челядь, не держалъ ей много, но и той неумѣлъ работу дати: оттуду слѣдовало то, что въ полевой работѣ всегда заноздывался.

— Хозяинъ! — озвалса Иванъ, — думаю не надо бы всѣ ораницы подъ озимину оставляти, весенное зерно тоже надобное въ хозяйствѣ. Про навозъ неопасайтеся, нагромадилъ я его довольно; для того будемъ и картофель садити и овесъ, ячмень, пеньку сѣяти. — Стыдно что и дятлины (трилистникъ — lóhere) нѣтъ у насъ. . . .

Старикъ молчалъ.

— Хозяинъ! сказалъ бы нѣчто, еслибъ не посердилися.

— Эй, остави, голова и такъ ужъ шумитъ отъ многихъ совѣтовъ, — отвѣтилъ старецъ. — Ну ужъ говори, коли слушати то слушати.

— И съ скотиной плохо имѣется дѣло. Лошади устарѣли, незаслуживаютъ и корму. Съ коровами еще хуже . . . весьма скудно молока даютъ; я думаю, три изъ нихъ продати бы, ибо слишкомъ стары.

— Гмъ! легко продати коли есть, но купити, то ужъ другое дѣло, солодкій мой! Легко обманутъ нынѣшнею порой человѣка. Самъ лѣнуюсь идти продавати, а поручити это дѣло не кому.

— У Андрея хозяина я и лошади и волы продавалъ, да куповалъ, и никогда его необманулъ — отвѣтилъ Иванъ.

*

XV.

ХОЗЯЙСТВО ИДЕТЪ ЛУЧШЕ.

Однажды неожиданно ословилъ старикъ Ивана: „Размышлялъ я, сынъ мой, надъ тѣмъ, о чемъ недавно говорили; будетъ ярмарка въ Бѣлкахъ, хорошо былобъ если бы ты повелъ коровы: Рѣшку и Сивулю, ужъ чрезъ чуръ стары, и тамъ продалъ ихъ; по поелику сборъ уже завтра будетъ, то отправлятись бы тебѣ еще днесь.

Прекрасный Маевый день былъ тишина, спокойствіе кругомъ. Иванъ погонялъ старыя коровы на сборъ и раздумывалъ на пути какъ бы ихъ цѣнити, ибо хозяинъ ничего по сему дѣлу непоручалъ, а только прибавилъ 40 зол. на случай, еслибы удалося купити коровы помоложе.

Съ приближеніемъ ночи остановился на ночлегъ въ одной пустынной харчевни. Неспалъ всю ночь, ибо боялся чтобъ неукрали у него коровы и деньги. Съ развѣтомъ пустился дальше къ Бѣлкамъ. На пути поровнялся съ нимъ какой-то худощавый человѣкъ, купецъ не купецъ рогатой скотины и пустился съ нимъ въ разговоръ. Пока доспѣли къ Бѣлкамъ купецъ и купилъ коровы по цѣнѣ выше ожиданія и расчета Ивановаго. Такъ теперь ужъ небылъ принужденъ хлопотати насчетъ сбыта

ихъ; — но сейчасъ принялся за покупку другихъ, да и купилъ такъ счастливо и выгодно, что изъ продажной цѣны за старыя коровы осталось ему еще 20 зол., а къ полудню онъ ужъ могъ возвращатися съ двумя хотя тощими и худыми на видъ, но молодыми и доброй породы коровами. — „Ну, что скажетъ на эту покупку хозаинъ? вопрошалъ самъ себя, возвращаясь домой. Правда что будетъ охуждати эту тощую Чайлу, но пусть онъ говоритъ, знаю я что купилъ, корова подъ пару недѣлями подпасется и потолстѣетъ, а тогда увидятъ я неплохо расчетывалъ“... Говоря это такъ къ себѣ на пути, 20 гульдениковъ все стискалъ въ рукѣ, какъ бы эта прибыль правно его касалась, а не другаго; „вѣдь это моя заслуга что дорого продалъ а дешево купилъ, и кромѣ того ужъ сколько пользы пріобрѣлъ старому скрягѣ, а онъ мнѣ никогда и копѣйки неподарилъ на табакъ. Если теперь задержу себѣ эти 20 гульд. хозаинъ нето чтобы сѣтовалъ, а еще радоватися будетъ, что принесъ ему нетронутыхъ его 40 гульд... Ну если скажу, что дешево продалъ а дорого купилъ, и долженъ былъ 40 гульд. доплатити на эти молодыя коровы, тогда въ моемъ карманѣ было о 60 гулд. больше........“ Ужъ хотѣлъ было, подстрекаемъ злою мыслію, 60

гульденовъ спрятати въ свой кошелекъ, какъ вдругъ сердце забилось у него, а въ головѣ напомнулись слова священника: „бдите и молитеся, да невнидете въ искушеніе!“ — — — „Ну, вѣдь же незнаетъ никто, невидѣлъ никто, когда продавалъ и куповалъ.“ убаючкивала его непріязненная мысль. „Но Богъ все видитъ и знаетъ!“ говорилъ ему голосъ совѣсти его, который буди Богу благодареніе — на сейразъ побѣдилъ сребролюбіе.

— „Эхъ прочь отъ меня, вы безчестныя помыслы и желанія.... Если случайно кто дознался бы о моемъ скрытомъ мошенничествѣ, неуже ли непроигралъ бы на вѣкѣ свою честь и добрую?.. О, доселѣ я еще всегда честный оставался; — такъ развѣ изъ-за этихъ бѣдныхъ 60 бумажекъ погребсти свою репутацію на вѣкѣ?... Нѣтъ!

Приспѣлъ домой скорше, чѣмъ расчитивалъ. Всѣ вышли изъ избы ему въ встрѣчу, приглянутися на новыя коровы. А коровы эти дѣйствительно никто несталъ хвалити; но Ивана это неконфузило.

Вошли съ старикомъ въ комнату и Иванъ съ сверкающими глазами сдалъ счеты. Старикъ немало удивился честнотѣ Ивана, но всетаки немогъ снести чтобъ незамѣтилъ, что нельзя ли было дороже продати а дешевле купити?

— „Ужъ конечно чудный ты человѣкъ, старый! — сказала хозяйка по отходѣ изъ комнаты Ивана; — чудакъ, эй богу, чудакъ!... и вы неудостоили этого вѣрнаго парня пару копѣйками въ подарокъ, такъ н. пр. на бокалъ вина... чудакъ, чудакъ вы человѣкъ!... Онъ въ мѣсто васъ ходилъ, трудился, хлопоталъ, хорошо продалъ и купилъ, а вы."

— Довольно стара, довольно; — развѣ ты думаешь, что то его заслуга, что такъ выгодно сдѣлалъ куплю? — — Ни чуть небыло; — я самъ послалъ ему торговца, Вишьмясника изъ сосѣдняго села Ивана Станкова, чтобъ узналъ необворуетъ ли онъ меня? разумѣй: и прочая. —

— Ужъ это братецъ, пошлость съ твоей стороны; — такъ теперь и недивуюсь что всѣ бывшіе твои слуги просто — повѣсы. Вмѣсто чтобъ благодарилъ Богу, что одарилъ тя столь изряднымъ челядникомъ, еще испортишь его своею недовѣрчивостью... Пфу! стыдъ и соромъ! —

Приспѣла пора уборки сѣна. Иванъ привыкъ былъ работати съ порядочными работными орудіями, а теперь когда отъискалъ старыя косы, вилы да грабли, — все нашелъ въ найбольшемъ безпорядкѣ.

— Хозяйнъ мой! эдакими орудіями нельзя же честно и потѣшно дѣло кончити, — замѣтилъ скромно.

— Эй но, тебѣ братецъ все непонутру! — загремѣлъ на него сердито. Только прошлаго года купилъ, я тебѣ не въ выгоду, развѣ каждаго года буду куповати.

— Какъ хотите, но языкомъ косити нестану, а когтями грабати небуду, — отвѣтилъ Иванъ тоже гнѣвно. — Но стало на томъ что хозяинъ некуповалъ, а такъ слуга чтобъ непостыдался въ работѣ, за свои денежки принужденъ былъ купити себѣ косу.

А коса его рубала такъ, какъ бы лишь голилъ свой подбородокъ самый изъ злѣйшихъ „Верховинцевъ.“ — Прочіе слуги завидовали ему и говоривали: „легко тебѣ шутити, когда така хороша коса у тебя.“

Вся работа около уборки сѣна прочей челяди Ивану небыла понутру, ибо то сей, то оный косецъ сѣдалъ подъ дерево клепати свою косу: другіе опять ежеминутно острили свои косы, а тутъ хорошая погода стала ужъ переходити въ пасмурную.

Слѣдующаго воскресенья полонъ горести написалъ письмо къ давному своему хозяину Ивану. „Настолько переполненъ желчью, что едва это могу вамъ высказати незабвенный мой покровитель! Даже и ѣдло непадаетъ на здоровье. Еще пару дней буду терпѣти, а непоправлятся дѣла, съ недѣли бу-

ду ужъ у васъ... Несносна здѣшняя жизнь, вся челядь противъ меня изъ-за вѣрности къ хозаину, но и тотъ по сторонѣ моихъ противниковъ. — Хозяйка, правду сказавъ, хороша, заботлива старущка, и полезнѣе былобъ, еслибы хозяинъ она была, а не старый скряга, который на нее даже и не внимаетъ.....“

Въ понедѣльникъ утромъ прекрасно взошло свѣтлое солнишко. Иванъ съ прочею челядью занимался уборкою сѣна. Отразу стали на горизонтѣ появлятися черныя тучи. — „Ну, люди! спѣшимъ, чѣмъ скорѣе собрати сѣно; — а ты возница клади на возъ что сухое и вези домой. —

Возница (кучеръ) простерся на сѣнѣ и сталъ храпѣти.

— Эй, братецъ, такъ ударю тя этими вилами — разразился Иванъ, — что попамятаешь! —

Въ свою очередь кучеръ вмѣсто отвѣта ударилъ Ивана по головѣ кнутомъ.

— Такъ ты братъ? — сказалъ Иванъ хладнокровно и безъ дальшихъ словопрѣній пустился домой.

— „Гдѣ есть хозяинъ? вопросилъ стоявшей на порогѣ хозяйкѣ.

— Что тя постигло, сынъ мой? вѣдъ ты весь поблѣднулъ! . . .

— Ничего ничего! а гдѣ хозяинъ?

— Говори ужъ ради Бога! что съ тобой?

— Тетушка я сейчасъ оставлю васъ! Дурнымъ былъ бы еслибы и надальше рѣшился столько терпѣти. Я усилуюся, а прочіе всѣ смѣются изъ меня.

— Ну и ктоже высмѣваетъ тя?

— Самъ хозяинъ смѣется надомною: онъ самъ держитъ меня дуракомъ, а я вѣрно служу ему. — Если бы онъ порядочный былъ хозяинъ, созналъ бы въ чемъ его польза и какая его должность предъ челядью . . .

— А ну въ чемъ именно эта польза и должность, озвался старшій Софронкіевичъ, точно тогда вступившій въ избу.

— Ваша должность, хозяинъ! меня сейчасъ за мои служебные дни выплатити, и я иду себѣ съ Богомъ. Вы меня наяли за старшаго слугу, я хотѣлъ честно отвѣтити своей должности, но когда вы этимъ повѣсамъ непреставаете поблажничивати, тогда если приключаются безпорядки, не моя, а ваша вина. —

— Правду, правду говоритъ Иванъ, похватила старуха. — Но однакожъ Иванъ, ты изъ-за того не оставляй насъ.

— Ну говори же ужъ разъ на-серіо, какія у тебя нричины негодованія этого? просилъ заботливо скряга.

И Иванъ разсказалъ все, а вконецъ додалъ, что „если кучеръ и пастухъ коровъ останутся еще дальше на своихъ мѣстахъ, то дѣла непойдутъ хорошо; но и я неостануся, ибо ужъ вчера отписалъ Андрею хозяину что возвращуся къ нему.“

— Эй Иванъ! обдумай лучше дѣло, размысли до завтра. Человѣкъ въ гнѣвѣ и такое скажетъ, надъ чемъ впослѣдствіи разкаивается.

— Обдумывати получше свое предпринятіе я нестану, насытился горестей довольно; выплатите чтобъ ушелъ и непринужденъ былъ оставитися подъ одною кровлей съ упомянутыми мерзавцами.

— Видишь солодкій! все же таки я, хозяинъ немогу то снести, чтобъ слуга мнѣ законы установлялъ, мнѣ хозяину повелѣвалъ, — отвѣтилъ старикъ съ вспышкой.

— Я неповелѣваю, а только говорю́, что либо они, либо я уберутся, или, либо они, либо я останемся . .! выбирайте.

— Не горячись Иванъ, види́шь, человѣкъ въ такую горячую пору сѣнокосовъ челядь другую и нелегко отыскаетъ; — похватила старуха.

— Если тѣ два небудутъ на завадѣ, то работа еще лучше пойдетъ, — я постарчу и за двухъ робити. Впрочемъ я вчера отписалъ и какъ уповаю, будеть тамъ для меня мѣста; — замѣтилъ настойчиво требуя выплаченія.

Увидѣвъ эго Софронкіевичь, что Иванъ „nie-pozwolia!“ никакимъ образомъ, возвалъ кучера и корозопаса, выплатилъ и — прогналъ.

По отбытіи этихъ двухъ негодьяевъ вся работа иначе пошла; вся челядь конфиденціонально призналася восколько эти два шельмы подстрекивали её чтобъ не работали и противо Ивана коварства строили.

XVI.

САТАНА ОПЯТЬ ПЛЕВЕЛЫ СѢЕТЪ.

Отселѣ въ хозяйствѣ старика шла работа какъ на любой прядильнѣ, а къ тому водворялась въ дому тишина и миръ. Старуха непреставала прославляти Ивана. „Никогда нечувствовалась я столь хорошо въ своемъ домѣ, какъ теперь; словно, я любила бы сызнова начати жизнь.“

Старому скрягѣ вслѣдствіе несноснаго его характера ничь неправялося. Вѣчно шатался по дворѣ, по хлѣвахъ, полѣ, огородѣ, чтобъ открыти

какую нибудь найменьшую неисправность, — чтобъ былъ поводъ изліяти свою всю желчь, ужъ если не предъ Иваномъ, то главнымъ образомъ, предъ своею супругою, его покровительницей. Откровенно противъ Ивана не могъ выступити, ибо никогда не было причины.

Жнивы стояли ужъ предъ дверьми. Старикъ вышелъ въ поле обозрѣти свои нивы, чтобъ нашелъ поводъ къ охужденіямъ предъ слугою, какъ вдругъ представился ему мѣстный мельникъ, и выхваливая Божію благодать низпосланную на хозяйство его и прекрасныя сѣянія додалъ: „нарочно вышелъ къ вамъ въ поле увѣдати, не готовы ли бы вы продати мнѣ изъ этого зерна, какъ скоро станутъ молоти, по крайней мѣрѣ 20. кобловъ. Мельница стоитъ, а я любилъ бы нѣсколько мѣрокъ муки вымолоти на рынокъ.“

— Почему нѣтъ, если порядочно заплатите, — отвѣтилъ старикъ, и согласилися въ 6 гульденахъ отъ кобла. — Но прошу васъ — сказалъ старикъ — сдѣлайте еще одно одолженіе . . . .“

— „Рука руку моетъ! — отвѣтилъ мельникъ.

— Обѣщайте моему слугѣ Ивану пару гульденовъ „на стаканъ вина,“ на случай если онъ вамъ выхлопочетъ у меня, чтобъ вамъ продалъ рожь ни-

же условленной цѣны 6 гульденовъ. Любилъ бы я узнати какъ онъ поступитъ, ибо невѣрю ни своей сорочкѣ.

Мельникъ обѣщалъ это старому Софронкіевичу и одного вечера посѣтилъ нашего Ивана, точно тогда, когда сей читалъ отвѣтъ Андрея хозаина. Отвѣтъ былъ слѣдующій: „тольло неунывай! останься вѣренъ своему хозаину и впредь; все что у тебя на сердцѣ, представи ему съ подобающимъ приличіемъ, ибо это самое лучшее средство, чѣмъ продолжительно угризатися, а наконецъ выступити погрубіянски. Буди мужъ, всѣмъ намъ надо съ житейскими недогодностями сражатися, и чѣмъ скорѣе привыкнемъ къ нимъ, тѣмъ легче перенесемъ эти недогодности; неначинай сразу много, а лишъ только, сколько силы позволятъ, — а скончи честно. Неслушайся тѣхъ, которые готовы обольстить тебя и съ пути честной жизни, ни на тѣхъ, которые между тобой и хозяиномъ сѣютъ сѣмя раздора и пр.“

Точно тогда читалъ нашъ Иванъ свое письмо, когда подступилъ къ нему коварный мельникъ и послѣ длинныхъ привѣтствій и поздравленій, повернулъ бесѣду на рожь.

— Вѣдъ могъ же бы я и отъ самаго хозаина купити, но знаешь какій онъ чудакъ. Слово твое у него имѣетъ свой вѣсъ, если выхлопочешь де-

шевую покупку его ржи, то получишь отъ меня нѣсколько гульдениковъ, — сказалъ мельникъ и тутже въ самомъ дѣлѣ сунулъ ему въ горсть бумажки.

Иванъ какъ умопомѣшанный схватился съ мѣста, добралъ откуда-то большую голузь и ну бити злаго наушника. — „Еслибъ вы — ревѣлъ ему въ уши — были честной человѣкъ, то ненаущали бы другаго статися безчестнымъ; если у васъ нѣтъ совѣсти, — то она есть у меня. Если всю муку что накрали за своей жизни положите мнѣ къ ногамъ, то и тогда непродамъ своей души! —

Мельникъ увидя что тутъ нельзя шутити, да еще могутъ человѣка и наколотити, сознался что это не его починъ.

— Ну и чей? можно это по совѣту хозяина? — при томъ глубоко задумался, сердце начало стѣснятися, дыханіе прерыватися, и наконецъ брызнули — слезы! „пусть будетъ чему быти!“ сказавъ это, повалился на землю и горько заплакалъ.

Между тѣмъ мельникъ побѣгъ къ старикамъ въ домъ и тамъ высказалъ старушкѣ въ кухни все случившееся.

— „Иди Агафіе! бѣги къ нему, ты умѣешь ему на сердце говорити узнаешь, что намѣряетъ сдѣлати, ?„ сказала старушка и вошла къ стари-

ку въ избу. — „О, ты закаленный старый безбожникъ, — стала бранити его, — ты всегда замѣшательства затѣиваешь въ своемъ же домѣ! неуспокоишься покуда этого честнаго юношу невыгрызешь изъ дому!

— Я ни своему воротнику на рубашкѣ невѣрю, — оттялъ скряга угрюмо. Если повѣриваемъ лошадь прежде нежели покупили ее, то чему бы и челядника нѣтъ?

— Авось думаешь что честная челядина въ такомъ домѣ ос танется, гдѣ такого мнѣнія суть о ней?

— Ну, ну, небуди ребенкомъ стара! Въ нынѣшнія времена не на мнѣнія, а на цѣнность обращается вниманіе.

Между тѣмъ возвратилася Гафія и сказала, что Иванъ всѣ свои вещи укладываетъ и готовится къ отшествію. „Да онъ — додала, — противо обычая своего лаетъ днесь и утверждаетъ что еще днесь оставитъ такій безчестный домъ, гдѣ судятъ о немъ какъ о мошенникѣ.

— „Видишь старый! что надѣлала твоя дурна голова! — и сказавъ это побѣгла въ хлѣвъ къ Ивану.

— „Сынъ мой, Иванъ! стало быти ты небудешь столь необдуманъ, думаю непокинешь насъ

— Сынъ мой! сатана какъ левъ рыкающій обходитъ, ищя кого поглотити, — говорити обыкла и старуха моя.

— Правда, но однакожъ это больно приходится, что этотъ левъ самъ же вы хозяинъ, и ужъ ради одной той причины не могу остатися.

— „Всѣ мы смертные грѣшны... такъ непрепирайтеся, а подайте себѣ руку и помиритеся,“ — сказала подшедшая къ нимъ старушка, разплакався до слезъ.

Иванъ увидя что хозяинъ подаетъ руку примиренія, пріялъ ее и помирилися.

XVII.

ПРАЗДНИКЪ ЖНЕЦОВЪ.

Въ пору жатвы обыкновенно наскопливается много разнородныхъ работъ; тутъ созрѣваетъ овощь; коноплю и ленъ надо брати. Но надъ всѣми этими заботами выше всего стоитъ жатва, котору ни на минуту нельзя откладывати. — — Въ инные года страшные непорядки господьствовали въ время жатвы въ хозайствѣ стараго Софронкіевича. — Теперь все иначе шло. Забота Ивана на все распространялася, — и на все хватило у него досуга. — — Каждый моментъ обратилъ въ пользу, всякій работникъ

зналъ кругъ своего дѣйствія; а работа шла такъ скоро, что паче чаянія скоро отбылися жнивы, хотя у старика были пространныя нивы.

— Мнѣ это, стара, ненравится, что такъ скоро отбылися жнивы, — сказалъ старикъ ко своей супругѣ, — ибо люди могутъ еще подумати что замало было у меня посѣяно.

— Неторопись тѣмъ, что другимъ захочется думати, довольно того, что хлѣбъ пристойно убранъ съ поля.

— Престань стара! вишь, короткіе скорше дадутся зачесати волоса; поразумѣла?

Слѣдовала суббота, — послѣдній день жатвы. Сдалека слышанъ былъ веселый спѣвъ народныхъ пѣсней жницъ-дѣвицъ, который сопровождаемъ былъ музыкою сельскихъ смычковъ. Тронулось разряженное шествіе съ вѣнцемъ къ дому старика. Въ главѣ шествующихъ жнецовъ несли двѣ дѣвушки на головахъ пшеничные вѣнцы, пріукрашенные ленточками, вокругъ нихъ парни весело подтягивая пѣсенку. Затѣмъ слѣдовала „королева“ жатвы, имѣя на головѣ вѣнокъ изъ колося, вокругъ нея увѣнчаные дѣвушки и парни, выплясывая по всей дорогѣ. Весь этотъ походъ заключали бабы и мужики, съ косами и серпами разукрашенными полёвыми цвѣтами.

Старый Софронкіевичъ, ожидая подходящихъ, остановился на дворѣ; съ нимъ стояла вмѣстѣ вся семья.

— Прими отъ насъ этотъ вѣнецъ, сплетенъ съ послѣднихъ колосьевъ твоихъ нивъ!—сказала одна изъ дѣвушекъ вручая старику вѣнецъ пшеничный.

— Повѣси его на стѣну своей комнаты, чтобъ каждаго раза когда поглянешь на него, славословилъ Творца, благословившаго успѣхомъ дѣло рукъ твоихъ! что дозволилъ въ пору убрати! — сказала другая дѣвушка.

— Прими отъ меня этотъ вѣнецъ, увитый изъ лучшихъ колосьевъ твоихъ нивъ; онъ достойно тебѣ прислушаетъ почтенная хозайка! ибо ты была нашею заботливою, кормилицей — матушкой, чрезъ все время знойныхъ жнивъ; сказала „королева" жнивъ, тоже дѣвушка, вручивъ старушкѣ пшеничный вѣнецъ.

Послѣ этой церемоніи подступили всѣ жнецы и жницы поочередно, всякій умѣлъ что-то хорошаго сказати хозяевамъ.

Наконецъ приступилъ шестьнадцатилѣтній молодый юноша и вручилъ избалованной Юліи вѣнокъ изъ колосьевъ, съ слѣдующими словами: „пусть будетъ блаженство твое полно въ цвѣтахъ житей-

скаго удовольствія и въ Божьемъ благословеніи! — Чтобъ неискусила никогда недостатокъ въ хлѣбѣ и радости и пр.

Тогда загремѣла музыка и начались народныя пляски, въ которыхъ Иванъ съ Гафою бралъ самое большее участіе. — Юлію никто не просилъ на танецъ.

XVIII.

НОВЫЯ НЕПРІЯТНОСТИ И НЕДОВѢРІЯ СЪ СТОРОНЫ ХОЗАИНА.

И желати неможно было лучшей погоды, какая служила въ пору молотьбы. Между этимъ Иванъ всегда обращалъ вниманіе и на другія отрасли хозяства. Одного вечера Иванъ прохаживался по саду разсуждая которое дерево поскорѣе обобрати бы, какъ вдругъ предсталъ ему хозяинъ и сказалъ:

— Иванъ! жнивы хорошо удалися, молотьба идетъ несгорше; но упоминаю тя что изъ-за бабьей милости ты неудручай себя, прежде всего молотьба, она пусть занимаетъ всю твою заботу, о прочемъ, братъ и недумай... А чтобъ наглядно доказалъ тебѣ, что тобою доволенъ, вотъ здѣ имѣешь пару гульденовъ „на вино,“ — скорѣе братецъ, усядись за стаканъ вина, чѣмъ разсуждай съ бабами.

Нашъ герой поблагодарилъ за подарокъ, но разомъ и объяснилъ хозаину, что, молъ, онъ не изъ

угодничанья женщинамъ (разумѣй: хозяйкѣ и Агафіи) обратилъ вниманіе и на овощь, ибо знаетъ что молотьба перва, но желаетъ и тѣмъ больше пользы снискати хозяину.

У старика Софронкіевича ужъ какъ бы второю природою было: вездѣ произвести замѣшательство, ссору и людей поссорити. Да и теперь не для того далъ Ивану подарокъ, какъ говорится „на вино,“ въ знакъ будто своего удовольсгвія, но единственно по лукавому расчету, чтобъ отвлекъ его отъ собиранія овощей, а потому предъ супругою обвинилъ въ лѣнивствѣ и нерадѣніи, что будто ему всего милѣй — кабакъ.

Иванъ какъ кажется — сейчасъ познался на лисяхъ, даже и вниманія больше необращалъ на происки скряги.

Наступила осень со своими громадными заботами. Богъ благословилъ изобиліемъ настолько овощныя сады, что хозяева приходила въ тупикъ куда подѣвати свои яблока и груши. Изъ согласія старика Иванъ завязалъ контрактъ заблаговременно съ городскими площадными перекупками и продали весь овощь на выгодной цѣнѣ. — Назадѣ была еще большая куча навоза посреди двора, и Иванъ принялся къ удобренію большаго залишеннаго участка

земли, чтобъ тѣмъ больше могъ сѣяти. Самъ старикъ удивлялся заботѣ своего слуги. Прежде слуги старика только поверхность земли вспахивали, корень буряна осталъ невредимъ, почва хотя и удобрена небыла пригодна подъ сѣмя. Какій трудъ — такая и польза отъ него! Иванъ это хорошо зналъ и впускалъ рало сохи глубоко въ землю, хотя изъ за того приходилось ему ссоритися съ прочими, отстаивающими всегда плохой давный обычай.

Да и самъ старикъ нахмуривалъ глаза, увидя что Иванъ иногда и шесть воловъ впрягиваетъ къ сохѣ, чтобъ тѣмъ глубже могъ вывертивати борозды.

— Ужъ это крайнее дурачество, — ворчалъ подъ носомъ, — тучную почву подвертивати худой! Такимъ образомъ и самую лучшую почву можно испортити, когда навозъ такъ глубоко подорется.... Но нестану дѣлати ему замѣчанія, ибо панъ Иванъ изволитъ снова погнѣватися. — Кинулъ старикъ рукою и отправился домой.

Спустя нѣсколько недѣль нашъ старикъ вывлекся въ поле оглянути, ненашлось ли бы чтонибудь порицати? онъ расчетывалъ что посѣвъ Ивана ужъ едва ли удался; такъ будетъ надъ кѣмъ издѣватися. Но какое было его изумленіе когда обрѣлъ свои сѣянія — неначе зеленый бархатъ, такъ что

радость была пригдядиватися сѣяніямъ. — Вмѣсто оказанія надлежащаго удовольствія онъ постарому лишь ворчалъ: „ну, ну, окажетъ весна все; знаю и половина согніетъ.“

Между тѣмъ съ сѣйбой упоралися; кукурузу и картофель тоже убрали, а когда упалъ снѣгъ то лишь такая работа осталася, которую и подъ стрѣхою можно скончити.

— Да, да, старый! я знаю осень и подлиннѣе, а однако мы съ работою никогда столь рано неубрались, хотя и непосѣяли столько, — подмѣтила старуха.

— Какъ вижу и ты по сторонѣ этого премудраго Ивана; а развѣ ты это приписываешь его мудрости?

— И почему бы нѣтъ? Вѣдь, братецъ, я знаю много людей, которые и тогда неупоралибыся съ полевою работою, когда бы осень держала до Рождества Христова.

— Ужъ сказати солодкая! кто это тотъ человѣкъ?

— Ты; — если хочешь знати.

Старый скряга замолкъ, ибо ужъ самъ неумѣлъ что противоречи отколи всѣ благоразумнѣйшіе вооружилися противо него.

XIX.

УЛОВКИ И ДѢВИЧЬИ ЗАПАДНИ.

Мы выше упомянули уже что Юлія сразу никакъ нетерпѣла Ивана: а теперь додаемъ, что онъ настолько сталъ ей попутру, что даже ужъ и снести не могъ.

Какъ скоро вступилъ Иванъ въ избу, то ужъ она ни съ сего — ни съ того, стала выкладывати ему разныя свои женскія суеты, приборы и все, и неперестававала выхваливати. Иванъ приглядывался, а въ душѣ смѣялся. Бывало иногда подошла къ колодезу начеряти воды, и немогла упоратися — призывала слугу на помощь. Однажды даже позвала его помочи ей выбрати изъ сундука богатый ей туалетъ и вывѣшати на солнцѣ, другій разъ поліяти ей цвѣты и пр. Все это небыло безъ намѣреннаго расчета.

На разстояніи, кажется, четырехъ миль отъ усадьбы хозаина Софронкіевича, лежалъ небольшій городокъ, ужъ пусть назоветоя онъ Свалява. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами и лѣсами. Столбовая дорога, окаймленная по обѣимъ сторонамъ дикими каштановыми деревами, додаетъ окрестности романтическій видъ, чѣмъ немало гордятся жители

городка Свалявы, тѣмъ болѣе что тутъ и минеральныя воды. — Жители этого селенія понемножку усвоены въ читаньи, а этимъ они тѣмъ болѣе гордятся что естъ у нихъ въ довольномъ количествѣ „листъ съ неба спадшій“ и подобные литературны уроды.

Въ этомъ городку жилъ былъ нашего старика братъ, по профессіи кожевникъ, но залишившій промыслъ свой, передавшійся болѣе выгодному, но всегда вѣрному кабакническому званію въ одной изъ мѣстныхъ корчемницъ.

Этотъ братъ нашего старика назывался Егоремъ, а супруга у него была большая кокотка — легкомысленница, съ тремя ребятышками. Старый Софронкіевичь нелюбилъ своего брата — пьяницу, для того и рѣдко посѣщалъ его: но въ свою очередь Егоръ частѣе дѣлалъ свое „почтеніе,“ а за всякимъ такимъ разомъ еще и иглу надо было скрывати предъ нимъ и его дѣтьми, ибо всѣ любили горячо чужую собственность.

Однажды позахотѣлося барышни Юліи посѣтити этого своего дядушку Егоря (Юрія). — Старикъ сопротивлялся этому посѣщенію, но барышня прибѣгла къ своимъ уловкамъ — слезамъ, плачамъ и пр., даже наконецъ старикъ согласился и велѣно возницѣ Степану заклалывати коляску.

— Я съ кучеромъ нестану отправлятися въ дорогу, ибо онъ неуклюжъ, пусть придетъ Иванъ — рѣшила баловница, на что родители должны были согласитися.

Барышня стала наряжатися въ недалекую дорогу, неначе подъ вѣнецъ. — Непонутру было Ивану эта его роль, но и нехотѣлъ неновиноватися, хотя и съ лица Гафіи вычиталъ что и ей ненравится эта поѣздка.

Иванъ запрягъ лошади и подкатилъ подъ крыльцо. Послѣ долгаго ожиданія появилась разряженная барышня и усѣлась съ подобающею церемоніей въ бричку.

Выйдя изъ села; барышня, предъ тѣмъ столь напыщенная, стала лѣлати Ивану разные вопросы, но Иванъ будто озабоченъ рѣзвыми лошадями лишь, вполъ голоса отвѣчалъ. Эта невнимательность крайне раздражала избалованную барышню . . . .

Стало покрапивати дождёмъ . . . у барышни былъ зонтикъ (esernyü), и она, о чудо! призвала его подсѣсти ближе подъ защиту зонтика. Разумѣется что Иванъ сразу оттягивался, но когда увидѣлъ что ліетъ какъ изъ цѣповъ, и боясь чтобъ баловница неразплакалася, — подсѣлъ подъ зонтикъ . . .

Барышня внѣ себя была отъ удовольствія, ей того и хотѣлося. — „Ну неоттягивайтеся, ибо иначе смокнете; вѣдь же мы помѣстимся и одно при другомъ, тощѣе бо обое чѣмъ мои папаша и мамаша. Да матушка часто говоритъ, что и она, молъ невсегда была востолько объемистой, какъ нынче; — что будучи дѣвушкой она еще тощѣе меня была,“ — продолжала болтливая баловница. — Говорятъ мнѣ, чтобъ шла за мужъ; — ну и чемужъ бы немогла посягнути, вѣдь батюшка первый хозяинъ на всю окрестность! да я впрочемъ недурна собой, хотя нынче нѣсколько и недужна. — Эй, Иванъ! еслибъ вы, видѣли меня когда была я еще ребенкомъ, напримѣръ въ воспитательномъ домѣ въ К., — весь свѣтъ говорилъ, что нѣтъ дѣвушки краснѣе меня . . . Сама воспитательница перемѣнила имя мое изъ Уляны — на Юлію, ибо говорила что „Уляна“ это простацкое имя. — О! Кто тогда меня увидѣлъ ужъ просто высказался; чья это ангелская душа, которой краще невидати даже на иконахъ? —

Но увы, тогда лицо мое было, какъ бы его раскрасили живописью, а кожа на немъ была такъ гладка, неначе на зеркалѣ. — А бывало стану пѣти, всѣ франты такъ лишь подпригываютъ подъ

какъ соловей на веснѣ !но однако она сама краще, чѣмъ прелестный голосокъ ея.“ — Послѣ того я захворѣла, повезли домой и увы! стали поступивати — ахъ какъ поступивати! принуждали къ работѣ, конопли брати, кукурузу обкапивати, солнечная спека спалила всю мою красоту, на ладоняхъ появились мозоли, и отъ простацкой жизни снова слегла въ постель . . . Много разныхъ подробностей изъ собственной біографіи намолола еще болтливая баловница, которыя мы здѣсь не станемъ обстоятельно излагати.

Между тѣмъ на горизонтѣ показался вершокъ церковной вежи села С. — Юлія вопросила Ивана чтобъ усѣлся опять на свое мѣсто. на козлы, ибо „сейчасъ будемъ въ селѣ, — додала.

Такій оборотъ дѣла слишкомъ непонравился нашему Ивану, а то не изъ-за того будто ему понравилася барышня, а единственно по тому, что дала ему почувствовати что онъ слуга, а она госпожа.

— Но несердитесь Иванъ! видите, намъ интеллигентнымъ надо приспособлятися общимъ правиламъ и обычаямъ. Мадамъ Р. часто говоривала чтобъ непускались совсѣмъ къ черни, ибо это противно утонченному вкусу. — Ахъ боже мой! сколь

окнами института; — „вишь — говоривали — поетъ лучше водится простому человѣку на свѣтѣ, за которымъ никто не наблюдаетъ; дѣлаетъ — что захочется. — Видите я готова бы сидѣти съ вами даже до скончанія міра, но знаете . . . . . Не сердите-ли ся?

Иванъ отповѣлъ что несердится.

Наконецъ подкатили подъ вонючій кабакъ дядушки Егоря, и вотъ въ встрѣчу ихъ вышелъ только корчемный поденьщикъ, да и этотъ былъ пьянъ. — Юлія стояла возлѣ брички, неначе римскій болванъ. Ребятышка дяди Егоря обскакивали повозку, дико смѣясь на разряженную барышню, которая все стояла на дворѣ ожидая встрѣчи. — На конецъ въ дверяхъ показался толстый кабачникъ.

— Alá szolgája, kedves hugom! сталъ ей привѣтствовати. (Намъ надо здѣсь замѣтити что и Егоръ любилъ бавитися въ мадярона, т. е. нелюбилъ свою народную, русскую рѣчь, а ломалъ раднѣе „джмадяромъ.“) — Богъ тя принесъ сродница! ужъ развѣ чертъ могъ надѣятися таковаго одолженія .. ..

Баловница посадилась на запыленное деревяное кресло, Егоръ подгонялъ дѣтей къ ей ручкѣ megcsókolni, какъ выражался, но дѣти высмѣяли батюшку. — Наконецъ заговорила барышня:

— Больно наскучило мнѣ дома, такъ задумала погостити у васъ пару недѣль . . . (Егоръ и его супруга показали квасный видъ). — Родители казали васъ поздравити и лобзати, да еще послали вамъ нѣсколько фунтовъ свѣжаго масла и пару колбасъ . . .! (тутъ хозяева прибрали видъ удовольствія.)

Приближился вечеръ, а за нимъ ночь . . . . въ все время пьяницы ревѣли въ кабакѣ на все горло, что до смерти раздражало нервную Юлію. Она неутерпѣла и уже на другій день утромъ собралась отъѣхати.

Ушла а то еще безъ завтрака.

— Ну Иванъ! — слава тебѣ Господи, что кое какъ свободились изъ этой безпріютной, вонючей норы дяди Егора, — подняла разговоръ барышня выѣзжая изъ села С. — Ану подсидите-ка теперь опять къ мнѣ.

Иванъ послушался и присѣлъ.

— Повѣрте Иванъ! никогда невидѣла восколько грубоватыхъ людей, какъ мои сродники. А видите какъ объходились съ мной . . . . съ мной, повторяю, у кого въ наслѣдствѣ 10—12 тысящь ґульдениковъ . . . слышали до двадцатьтысящь . . . . нетрудно, нетакъ-ли мнѣ хорошаго мужа полу-

чити? впрочемъ я не много даю на богатство, выдержу мужа и такъ пографски, лишь бы онъ былъ смирный, тихій, красивъ на лицо, — вотъ напримѣръ какъ — вы.

Много разныхъ вещей наговорила ему еще на пути его сопутница, тѣсно прижимаясь къ нему изъ которыхъ такъ и торчало: бери за жену."

Чтобольше въ поблизкой припутной корчмѣ купила еще для него штофъ вина, — намекала ему даже и о цалованьи, — но Иванъ почитая въ ней дочь своего хозяина, остался равнодушнымъ, хладнокровнымъ; ибо поистиннѣ сказавъ, небыло чему лакомитися.

Такъ и возвратились счастливо домой.

XX.

МЕЧТЫ И РАСЧЕТЫ.

Возвратясь изъ поѣздки, и искусивъ на пути горячую приклонность къ себѣ барышни Юліи, на которую упадетъ большее наслѣдство по смерти ея родителей, въ головѣ Ивана загнѣздилась мысль, что дескать онъ богато можетъ оженитися и такимъ образомъ статься счастливымъ. — Извѣстно, что мечтою его было нажитися и хорошую жену получити. Припоминая себѣ уловки Юліи на пути, сталъ

раздумывати надъ тѣмъ, несовѣтно либы святатисъ на ней? — „Правда, додалъ, родители сразу будутъ сопротивлятися но если баловница упрямится, станетъ плакати, то и у нихъ нехватитъ духа сопротивлятися. Размышляя долго надъ этою картиною, показывающеюся въ перспективѣ будущности, Ивану грезилося въ умѣ хорошая усадьба Софронкіевича, пространныя его поля, множество скота и проч.

„Подъ двадцать годами, мечталъ въ себѣ слуга стану набобомъ — милліонеромъ, и покажу всей окресности какъ надо вести хозяйство чтобъ были барыши.“ — — Такъ укладывались въ его головѣ разные несбыточные (разумѣется) планы и ужъ бренчали въ ушахъ слова, которыя скажетъ ему священникъ его собственнаго селенія. — Ану, что скажутъ мои сверстники и соотчичи когда посѣщу ихъ съ богатою супругою, а то еще на своихъ лошадяхъ и повозкѣ? — Ну, что скажутъ они, когда услышатъ, что дома естъ еще восемь воловъ и четыре коровы? . . . .“

Между этими миражами подумалъ на блѣдую, худощавую Юлію. Размыслилъ, что на всякій случай небудетъ изъ нея бережливая хозяйка, — а скорѣе будетъ обходитися ему довольно дорого; но снова подумалъ что ставшись супругой, она

поумничаетъ, придетъ къ себѣ. — Правда ея красота отвратительна, но всетаки она богата.

Такъ раздумывалъ ежедневно въ себѣ Иванъ а отбывшаяся поѣздка въ село С. сдѣла ла его нѣсколько дружественнѣе съ Юліей, которая прилѣплялась къ нему со дня-на день искреннѣе. Все это видѣла Гафія, ставшая отселѣ развиватися въ красотѣ иначе весенная роза.

Юлія въ свою очередь всѣ средства употребила чтобъ Ивана на свою сторону употребила, чтобъ его отъ Агафіи оттягла. Но Иванъ былъ мужчина довольно разсудный и искусный, онъ нехотѣлъ злоупотребити привлекательностію барышни на счетъ своего утвержденія въ наслѣдствѣ; — зато удвоилъ все свое рвеніе по дѣлу улучшенія хозяйства, чтобъ снискать расположеніе хозяевъ, предполагая что они его приверженность на больше цѣнятъ, чѣмъ какую нибудь мамону. Сарака забылъ, что онъ лишь — „слуга.

А между тѣмъ словоохотливый міръ, а преимущественно его вѣстуньи, кумушки — болтовницы, стали разсказывати разнообразныя исторіи про женитьбу нашего Ивина съ парадницей Юліей.

Наконецъ вся эта исторія дошла до ушей старика и старухи. —„Ну, позирай, сталъ ворчати

скряга, въ чемъ ломаетъ онъ голову, но перегорожу я ему дорогу.

Но не перегороживалъ.

Старуха взяла къ сердцу поведеніе барышни и бранила её, чтобъ не кокетничала настолько съ Иваномъ, ибо непристойно это богатой хозяйской дочери къ бѣдному слугѣ спускатися. Я неимѣю, додала, противо него ничего, но все же таки онъ лише слуга, а моя дочь неможетъ быти женой слуги.

На это Юлія расплакалася, стала роптати что всякій-ле только ей додѣваетъ, что никому не въ силѣ по волѣ сдѣлати: разъ бросаютъ ей въ глаза что надменна, вдругійразъ что снисходительна. — Если съ Иваномъ заговорю полюдски, вдругъ ужъ затѣиваютъ такую исторію, хоть святыхъ выноси изъ хаты. Мнѣ ужъ и невольно съ никѣмъ и поговорити, ибо всякій на мнѣ станетъ острити языкъ... ахъ, Боже! лучше былобы еслибъ сейчасъ умерла...

Ну какъ же теперь ужъ наставляти бѣдной матери, когда барышня за одно непріятное замѣчаніе готова со свѣта сойдти? Для того бѣдна старуха неговорила больше ужъ и слова, а лишь предъ Гафою изліяла всю свою горечь, что молъ она незнаетъ это будетъ изъ ея Юліи.

— Тетушка нѣтъ иннаго способа, какъ либо одно, либо другое отъ дому отдалити, ибо вконецъ вашъ домъ попадается въ безчесть, — совѣтовала Агафія.

— Вишь, если Ивана отдалю, то большій уронъ произойдетъ въ хозяйствѣ, мой старый къ ничему, а даже еще станетъ мнѣ доѣдати, что отпужала хорошаго челядника; если Юлію пошлю куда-нибудь, то она на смерть затоскуетъ, а потому весь міръ будетъ осуждати меня, что я, родная убила её . . . . .

А между тѣмъ у Гафы сердце болѣло, что Иванъ, этотъ образецъ мущинъ, прилѣпляется къ такимъ порворамъ какъ Юлія, (Гафа была довольно недурна собою), и такъ придется ей пожертвовати Иваномъ. Бывало иногда барышня станетъ предъ ней выхваливати благообразность, доброту и прилѣжность Ивана, что будто она и на перекоръ родительской воли посягнетъ за него, — у Гафы такъ и сжимается сердце, она поворочивается въ бокъ и молчитъ, — а Юлія все это приписываетъ ревнивости. Въ свою очередь Агафія смагалася „баловницу“ увѣрити что дескатъ Иванъ её нелюбитъ, и чтобъ она, если разумна, своимъ сомнительнымъ обращеніемъ съ Иваномъ непричиняла родителямъ непокойствъ и стараній.

*

На все это Юлія смѣялась ей въ глаза.

— Вишь, говорила ей барышня, — у Ивана есть разумъ на своемъ мѣстѣ, тебѣ снится будто бы онъ готовъ на тебѣ сватати́ся, развѣ несдурѣлъ? чтожъ и получилъ бы съ тобою въ приданое? то что на тебѣ? Не думай таже любезная, что навяжешься на него, — ибо и не Иванъ, но и послѣдній поденьщикъ прежде испытаетъ; кого беретъ въ жену.... а затѣмъ спроситъ: нравственнаго-ли поведенія?

Гафію больно кололи эдакія замѣчанія Уляны или по-барскому Юліи; но что было дѣлати? барышня своя, а Гафа только „годованица," но за то она неоставалась ей должной.

— Какая же ты премудра, а по-русски и читати неумѣешь, хотя и русскаго отца дочь. — Стыдись сама себя, если ужъ недругаго; весь день свое: Hazádnak rendületlenül верещишь, а по-русски нето чтобъ умѣла воспѣти ужъ н. пр. „Русска земля есть наша мати!" или хоть „кобъ я была бѣду знала;" но еще и „Помилуй мя Боже" и „Вѣрую" незнаешь.

Между тѣмъ нашъ Иванъ глубоко задумался. — У Юліи богатство, но Гафія прекрасна. Перва заискиваетъ его благорасположенія, а втора изъ-за

этого убѣгательства холодно относится къ нему При всей этой холодности Гафія немогла воздержатися, чтобъ иногда незаговорити съ нимъ пріязно; — что увидя барышня ударила въ тревогу; настала буря. Сперву барышня грозила „служанкѣ“ что ей побьетъ, — а потому напала на Ивана, высчитывая ему неблагодарность, что онъ молъ только слуга, а желаетъ ее, богатаго отца дочь обольстити. — Теперь вижу я, — разразилася барышня — все послѣдствіе могущее произоидти изъ того, что я къ такому смѣтю спустилась; но слава Богу заранѣе отворились глаза мои, небуду столь безсмысленной чтобъ подѣлилась на богатствѣ съ леда — волокитою.“ Затѣмъ почала она плакати на взрыдъ, угрожати что скочитъ въ колодезь, что повѣсится, возметъ яду, перрѣжетъ гортанъ, или что всего лучше перейдетъ на „кальвинство;“ но ей угрозъ никто небоялся, и она на счастье — либо несчастье осталась въ живыхъ на бѣду Ивана и родителей.

У Ивана было настолько ума-разума чтобъ понялъ, что изъ такой дѣвушки, котора ужъ теперь бросаетъ ему въ глаза что онъ только слуга, котора ужъ теперь въ такой мѣрѣ ревнива, — хорошая супруга не будетъ: для того порѣшилъ, что прерветъ всѣ илюзіи баловницы и эту невыгодную

связь съ неё; но плаксивость и оныя обѣщанія Юліи что выйдя замужъ настанетъ ревнивою, за каждымъ разомъ поколебали его рѣшеніе. — „Право, нелюбишь ты меня твердо и искренно, — додала она, — ибо еслибъ любилъ иначе бы поступилъ“...

Да вѣрь, я люблю тебя, но если желаешь чтобъ сватался на тебѣ, то заговори съ родителями, требуй свадьбы чѣмскорѣе, тогда увидишь что я постояненъ.

— О, свадьба на настолько ускоряема, можемъ подержать ее ужъ тогда когда откладати нельзя будетъ... головное дѣло въ томъ, чтобъ любили себя взаимно какъ мужъ и жена . . . . на Гафу, братецъ нельзя будетъ ужъ и посмотрѣти, ибо обоимъ вамъ выдовбаю глаза.

— Такой взаимной любви я какъ честный мущина нехочу — отвѣтилъ Иванъ и обернулся въ сторону.

Вѣсти, а особенныя ложныя на орлиныхъ крылахъ парятъ; — такъ сталось и съ мнимой женитьбою Ивана половина уѣзда говорила только объ ней; одинъ завѣдилъ Ивана скрягѣ, — а другій богатую невѣсту Ивану слугѣ, и наконецъ дѣло дошло до того, что и прочіе челядники старика стали вѣрити что Иванъ станется будущимъ ихъ хозяиномъ.

Люди стали ужъ поговоривати: „ну когда ужъ эта помолвка собудется? когда Иванъ станетъ женитись на Ульнѣ — виноваты: на Юліи?“

Между тѣмъ настала Тячовская ярмарка, и Ивану надо было выправитись съ одною заколѣвшею клячею, продати ее. — Выпалъ уливный дождь, Иванъ на пути зашелъ въ питейный домъ, увязавъ лошадь прежде въ стоянкѣ. Нечаянно-неожиданно сошелся тутъ онъ съ прежнимъ своимъ хозяиномъ Андрѣемъ. Радость его была неописанна, но Андрей вопреки своего обычая оказывался для него слишкомъ холоднымъ и непривѣтливымъ, что нашего Ивана сильно тревожило.

Послѣ долгаго молчанія Андрей хозяинъ прервалъ молчаніе:

— Какъ вижу, Богъ улучшилъ дѣло твое! слышу что незадолго станешься полнымъ хозяиномъ? что молъ поимешь дочь Софронкіевича? покрайней мѣрѣ подобная вѣсть....

— Вѣсть какъ вѣсть, но нѣтъ въ ней правды..

— Гдѣ нѣтъ огня недымится, — говорятъ люди.

— Правда есть кое-что въ дѣлѣ, что можетъ и минутися, ибо старики свое еще невысказали.

— Но я еще и инное слышалъ, если правда...

— Ну и что? — вопросилъ Иванъ любопытно.

— Что дѣвушка въ надеждномъ де положенію.

— Это самая черная клевета, — злодѣй кто выдумалъ подобную исторію. Готовъ бы скрытьcя подъ черную матушку-землю, если бы подобными путями задумалъ пріобрѣсти себѣ жену. Эй Богу моему, что правду сказалъ.

— Ну если такъ? то прости братъ! вишь я всегда почиталъ тебя честнымъ... Слышалъ да невѣрилъ; ну слава Тебѣ Царю предвѣчный, что это все неправда; радуюсь тому отъ всей души, ибо иначе и менѣ досталась бы извѣстная доля безславія. Ну говори же теперь откровенно какъ стоитъ это дѣло у васъ?

Иванъ необинуясь разсказалъ все положеніе домовыхъ отношеній, что намъ ужъ и такъ извѣстно, а наконецъ съ удареніемъ подмѣтилъ, что это де небылъ бы послѣдній барышь для бѣднаго слуги.

— Что ты задумалъ Иванъ!

— Правда она нынче недужна, но врачь говорилъ, что исцѣлѣетъ когда выдетъ замужъ... впрочемъ богатое имѣніе непослѣдняя вещь.

— Понимаетъ-ли что изъ домостроенія?

— Ужъ это правда что она мало заботится домовыми дѣлами, въ кухню даже и незаглянетъ, но умѣетъ шити, чулки вязати и пр. — но если ужъ

разъ переймемъ хозяйство, то можно намъ держати кухарку, нодолжна же дѣлати только хозяйка.

— Непротиворѣчу, но требуется чтобъ хозяйка надзирала за кухаркой, чтобъ къ всему разумѣлася, ибо ужъ это послѣдняя бѣда, когда хозяйка непонимая свое званіе, не есть бережливою и огляднoю.

— Но имѣніе богатое...

— Нато отвѣчай, Иванъ, большему ли имѣнію радъ, а плохой женѣ? или доброй женѣ, а не великому имѣнію? — Я съ своей стороны избралъ бы послѣднее условіе, — ибо хотя богатство и непослѣдня вещь, но богатство все же еще несоставляетъ блаженство жизни. Горе, братъ, семейственной жизни, если мужъ внѣ дома искаетъ радость и развлеченіе.

— Вѣдь же вы сами, Андрей хозяинъ, внушали мнѣ что лишь тогда будетъ изъ меня человѣкъ когда станусь бережливъ; — возразилъ Иванъ съ нѣкимъ-то негодованіемъ.

— Внушалъ да и теперь непрестаю внушати. — Бережливый счастливѣе чѣмъ расточитель, и не человѣкъ тотъ, кто непамятаетъ про черный день. Кто не начинаетъ съ-измлада, тотъ на старость терпитъ недостатокъ, и бережливый молодой человѣкъ

всегда получитъ добрую супругу, хотя впрочемъ богатая же на не всегда еще головное блаженство жизни; да вѣрь мнѣ братъ, что суть дѣвушки, которыхъ скорѣе можно бы пояти въ одной юбкѣ, какъ нѣкоторыя съ ихъ ящиками сокровищъ. — Впрочемъ дѣлай какъ угодно, а я лишь далъ совѣтъ.

— Но Юлія совершенно перемѣнится выйдя замужъ....

— Дѣлай что хочешь, но прежде старательно разбери. — Я другому бы столько неговорилъ, но судьба твоя на сердцѣ мнѣ лежитъ. Впрочемъ мнѣ надобно спѣшити дальше, если хватитъ у тебя времени, то посѣти меня, тогда больше побалакаемъ объ эiомъ дѣлѣ, все то разумѣю, если ужъ небудетъ поздно. Бди и молись Иванъ! да не впадешь въ искушеніе, прощай! Съ тѣмъ Андрей хозяинъ пошелъ своею дорогой.

— Ужъ это бы былъ никогда невѣровалъ, что этотъ человѣкъ небудетъ радъ моему счастью; — пробормоталъ Иванъ послѣ долгаго раздумія. — Но правда, онъ и самъ хозяинъ, а такъ стало быть завидуетъ моему счастью, что будучи слугой хочу жениться на хозяйской дочкѣ, и можно стану побогаче чѣмъ онъ самъ... Ну и что ему до того, хороша ли Юлія, иль дурна собою? вѣдь же и онъ

женясь невзиралъ на красоту. — Впрочемъ небуду ужъ такъ долго въ нерѣшимости висѣти, ословлю Юлію чтобъ побесѣдовала съ стариками, ибо если предстоящей осени не сбудется свадьба, съ новымъ годомъ оставлю этотъ домъ. Такъ мудрствовалъ Иванъ и отправился домой.

XXI.

ЮЛІЯ ОТХОДИТЪ НА ВОДЫ.

Прійдя домой, Ивану казалось будто онъ остановился на собственномъ своемъ подворьи, и увязавъ лошади въ конюшню сейчасъ сталъ обходити „обыстье“ (какъ говорилось на этой околицѣ), счисляя восколько могло бы обойтися все имѣніе, и сколько готовыхъ денегъ былобъ у старика, и настолько понурился въ свои расчеты, что даже и несмекнулъ когда подступила къ нему Юлія, добраго вечера желая ему.

— Эй-гей! какій же вы горделивъ, и неотвѣчаете на поздравленіе мое! — сказала Юлія ударивъ слегка Ивана по спинѣ.

Иванъ несказалъ ничего, а только вынулъ изъ котомки принесенныя для суженой изъ города подарки, и началъ рѣчь по прежнему: „ну какже стоятъ акціи? любилъ бы узнати: солома-ли, или сѣ-

но? ибо куданибудь повернусь, всюда докучаютъ вопросами, а даже и посмѣиваются что такъ долго допускаю себя морочити. Либо свадьбуйме, либо я убираюсь прочь!“

— „Свадьба-то завѣситъ отъ меня, отвѣтила Юлія, и я, если родители разгнѣвлятъ меня, вдругъ даю себя выголосити, хоть и треснутъ съ гнѣва; но нынче свадьбовати еще нельзя. Матушка обѣщала повести меня на четырьнадцать дней въ купѣль въ Вишково, пока невозвращуся, съ свадьбы неможетъ быти ничего, но и свадебные приборы подъ минутой немогутъ изготовитися.“

Иванъ сталъ противорѣчити, гнѣватися, но Юліи снилося только съ Вишковскою купелю. Минули три дня пока она собралася въ путь, нагрузила три чемодана и цѣлые дни лишь о томъ говорила, какъ будутъ въ купѣли ей гардеробу подивляти; каждаго спрашивала: сколько облаченій надо ей брати, восколько разовъ въ день переодѣваются въ купели, гдѣ покупается самая лучшая розовая вода? Наконецъ матушка ей неутерпѣла и разгнѣвалась, больно разгнѣвалась, такъ что поѣздка ихъ стала сомнительной; но съ „щеголихой“ нельзя было шутити, — ибо или идти, или она умираетъ.

Наконецъ собралися въ путь на возѣ сторчали двѣ огромныя скрыни съ приборами Юліи; бѣдная мати все свое платье связала въ скатерть и возложила собственноручно на повозку. Нагруженный возъ наконецъ тронулся и Юлія отъ великой радости даже и непопращалася съ Иваномъ.

Въ домѣ по отбытіи двухъ женщинъ настало пріятное затишье, на сердцѣ домашнимъ волегшало неначе бы камень свялъ съ груди. — Иванъ ужъ безъ всякаго задержанія, боязни предъ Юліей могъ съ Гафіей разговоривати, и небылъ принужденъ то вправо, то влѣво оглядыватися, неприкрадывается ли ревнивая барышня. Помалу и Агафія смириласи и стала забывати, что въ присутствіи „щеголихи" она была пренебрегаема, упослѣждена. Относительно домостроенія, радость была приглядыватися на порядокъ въ дѣлахъ трудолюбивой дѣвушки. Иванъ располагалъ въ полѣ, а Гафія въ поварни, работа шла какъ по леду, нигдѣ небыло застоя: зато однако поворчивалъ довольно старый скряга, небудучи ничѣмъ доволенъ, хотя и самый лучшій порядокъ господьствовалъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ; онъ, бѣдакъ, едва ожидалъ прибытія своей супруги съ баловницей.

Но лишимъ нашего-скрягу, а перенесемся мыслію въ В-скую купѣль, гдѣ наша мужицкая

барышня въ сопроводѣ своей мужички - матушки появилась такъ „en nobel·“ — Бывшіе на водахъ В. купели барыни едва могли воздержатися отъ смѣха при появленіи нашей Юліи, или Уляны. Все на ней было столь пестрое что возбуждало всѣхъ къ смѣху. Мущины смѣялись изъ Юліи въ голосъ, а бѣлная мать принуждена была слушати такія замѣчанія, какія неводятся въ печати.

Несчастливая матъ, такъ тебѣ треба!

Зато наша „щеголиха“ выступала въ купѣли чѣмъ болѣе вычурно. Были тамъ франты, которые заскакивая около ней, тѣмъ болѣе насмѣвались надъ ней. Но барышня тонкія насмѣшки купельныхъ бродягъ непонимала. Ей всего болѣе огорчало то, что впервыхъ приходилось ей ѣсти при общественномъ столѣ средняго сословія, такъ какъ матушка ей нерѣшалась замѣшиватися между господъ; вовторыхъ, что приходилось вставати заранѣе и пити минеральную воду на тощакъ по предписанію лѣкаря.

Мущины, купельные франты, сначала высмѣвавшіе нашу щеголиху, теперь разохотилися вступити съ нею въ конверсацію, особенно въ время танцовальныхъ вечеровъ, ибо хотя барышня въ всемъ что было дѣльное оказывалася неловкою ,но

это ужъ признати потребно, что въ пляскахъ была мастерицей; такъ лишь порхала по боку франта.

Сначала эти герои думали что Юлія не иное существо, какъ взросшая на романсахъ обожательница полно-лунныхъ ночей, стали спрашивати ее, которые писатели всего лучше нравятся ей? читала ли вотъ сей, или тотъ новѣйшій романъ? — Но Юлія едва брала разъ въ годъ книгу въ руки, она перелистивала кое когда только календарь, отыскивая день своихъ имянинъ, когда гдѣ отбудется какій праздникъ, и мы сомнѣваемся, умѣла ли два три строки безошибочно прочитати. Юліи на умѣ были только ей приборы, собственныя выгоды, мысль какъ бы получше выдти замужъ, хорошенько покушати и т. п. для того на подобныя вопросы лишь то отвѣчала, но неимѣетъ удовольствія этихъ господъ познавати. — А такъ франты, которымъ непосчастилось на поприщѣ литературномъ, перешагнули въ обрубъ восхваленій и подскакиваній, и стали вестись столь безстыднымъ кавалерствомъ вокругъ щеголихи, что бѣдная, болѣе умная мати принуждалась свою дочь часто напоминати: „Уляна! какъ можешь ты это снести? развѣ несмекнула еще что эти господа только глумлятся надъ тобою, держатъ глупымъ сельскимъ гусяткомъ? Если бы былъ мнѣ

ктонибудь, когда еще была дѣвушкой, подобныя рѣчи говорилъ, то выдерла бы ему глаза, или выплескала по щекамъ." — Но Юлія неслушалась умныхъ внушеній матушкиныхъ, вѣрила и дальше наслѣпо лестнымъ словамъ, плавала въ упоительныхъ роскошахъ и сама по собственному влеченію отискивала такія кружки, гдѣ служила предметомъ посмѣиванiй и грубыхъ шутокъ.

Вскорѣ затѣмъ недолго дѣла взяли иной оборотъ, стрѣлы насмѣшекъ притупилися, какъ скоро франты довѣдалися что за барышнею въ спадщинѣ около 50,000 гульдениковъ выглядываетъ, и сейчасъ бесѣда ихъ взяла нетотъ тонъ. Пятьдесять тысящь! это самое большее бервено въ глазу того, кто токмо изъ-за денегъ женится! Предъ дѣвушкою съ 50 тысячами всякій мужчина можетъ сняти шляпу. — — Наши франты поодиночнѣ готовились на атаку противо 50-ти тысячамъ, но закѣмъ франты выработывали планы и стратагемы, одинъ смѣлый предприниматель едва неосуетилъ всѣ ихъ пляны.

Это былъ сынъ мелкогородскаго мясника, ни баринъ, ни хлопъ, ни ремесленникъ, а просто торговецъ съ свинями, франтъ на всю околицю, игравшій великую ролю въ В-ской купѣли; называли его вообще Мясникомъ. Персты у этого волокиты

всѣ были пріукрашены золотыми кольцами, на золотой цпнѣ въ карманѣ висѣли драгоцѣнныя часы; былъ онъ ловкій неначе любой акробатъ, а болталъ неустанно какъ сорока. Онъ-то столько наговорилъ въ уши старухи и ей баловницы, что они лишь его держали самымъ лучшимъ человѣкомъ между всѣми гостьми въ купѣли.

У Мясника было столько ума-разума чтобъ эту слабость нашихъ женщипъ вскорѣ замѣтити для того онъ немного раздумывался надъ тѣмъ чтобъ неподнялъ упавшее ему съ дерева яблоко.

Прекрасный, ведренный день былъ; мясникъ прокаталъ нашихъ женщинъ на своей бричкѣ въ сосѣдній городокъ. Вороные его рысю мчались по гладкой дорогѣ; чрезъ полчаса пролетѣли они полтора мили, подъ которымъ короткимъ временемъ у старухи больно кружилась голова, а щеголиха впадала въ обморокъ. Мясникъ надѣлалъ въ мѣстечку великаго шуму, платилъ и полною горстью размѣтывалъ деньги, чтобъ старухѣ пустити пыль въ глаза. Онъ лишь самыя дорогія вина пилъ, а женщинъ едва неутопилъ въ разныхъ сладостяхъ. А такъ какъ и наша старуха нечуждалась добраго „вника,“ то случилось что она за столомъ задремала.

То и ожидалъ нашъ вертополохъ.

Онъ-то присунулся ближе къ Юлія и пожалъ ей такъ сильно руку, неначе бы какого дикаго вола схватилъ за рогъ. Барышня незавизжала, дабы неразбудила мать, но вспять нѣжно пожала руку у Мясника. Охъ, еслибъ никогда неразлучался съ вами, — сказалъ франтъ, — или для чего увидѣлъ впервый разъ небесное существо!

— Ахъ вы осёлъ, ги-ги ги! — отвѣтила Юлія и боднула въ бокъ кулакомъ умилившагося кавалера, хохотая до залушенія.

— Боже мой, отче мой! что сдѣлаю когда придется съ вами разлучати? ужъ, пожалуй, пущу пулю въ лобъ.

— Ну такую глупость недѣлайте.

— Клянусь честью, гоноромъ: что сдѣлаю.

— Станете стрѣляти — я вскрикну, ибо непотерплю чтобъ меня винили.

— Ахъ, еслибъ можно надѣятися! — и опять пожалъ ей руку. — Ахъ еслибъ вольно было уповати! вздохнулъ и вновь пожалъ хулощавую долонь у Юліи.

Юлія встремила на него пристально свои потухлые глазыки и наивво прорвала: „оселъ вы, вѣдь я и олова непонимаю изъ вашей бесѣды."

— О, еслибъ вмѣсто васъ говорило при мнѣ сердце ваше, тогда поняли бы.

— Глупая бесѣда, вѣдь только уста а не сердце говорятъ; ну было бы что послушати, когда бы и сердце стало говорити.

— Ахъ, Юлія! вы разтерзаете у меня сердце.

— Врете, и неприкоснулась къ нему.

— Пусть ужъ случится что имѣетъ случитися, а дальше неснесу, хоть и помру; ну вонъ съ нимъ! — сказалъ Мясникъ. — Юлія! я люблю васъ, безъ васъ я пойду къ чорту, убьюся; хочете-ли моею быти? усчасливите ли мя рукою и сердцемъ?

Это значитъ посягнути за васъ? — Да, да!

— Такъ говорите откровенно, но думаю, въ только шутку дѣлаете изъ меня.

— Ни чуть нѣтъ; я готовъ кровью запечатлѣти что безъ васъ непроживу и до Спаса.

— Какій же вы шельма! напугали человѣка вдоволь своимъ длиннымъ введеніемъ, было сказати отразу на разумъ.... Франтъ было протянулъ ужъ руки къ ней, желая запечатлѣти любовное свое исповѣдь, — но старуха захранѣвъ, пробудилася.

Нашъ Иванъ совершенно изникъ изъ памяти Юліи, мѣсто его занялъ Мясникъ, который снова

противляется, буде лише скряга дома согласится; — но ради Бога, поднимитеся, додала, — ибо заcталъ высушивати бокалы и выхваливати себя на весь свѣтъ.

Послѣ долгихъ просьбъ женщинъ наконецъ велѣлъ заложити лошади въ бричку, но гости его лишь такъ согласилися сѣсти съ нимъ, если недопуститъ столь безумно погоняти кони, что онъ пріобѣщалъ и кровью запечатлѣти обѣщанное готовымъ казался. И слово свое держалъ.

— Вы, сударь, много днесь израсходовали на насъ, — промовила старуха когда ужъ дома очутилися.

— Извините сударыня, за васъ обѣихъ готовъ и жизню пожертвовати, — отвѣтилъ франтъ. — Хотя бо я богатъ, но чувствую что къ моему счастью чего-то недостаетъ. Мнѣ надо жены! Я непозираю ни на имѣніе, ни на красоту, а токмо на доброе сердце; тако сердце позналъ я у барышни Юліи, — я ее съ перваго взгляда полюбилъ, обожаю ее какъ никто другой. Я безъ ней жити немогу; ахъ, неубейте меня! незатворяйте передо мною небо счастья, размилосердуйтеся надомною, — и нашъ Мясникъ тутъ же повалился старухикъ ногамъ.

Старуха отъ такой рѣчи расплакалася и лишь столько могла проговорити, что, моглъ, она несо-

пачкаете дорогія ваши штаны, — и схвативъ его за воротникъ подняла съ землѣ.

— Нѣтъ, невстану — отвѣтилъ франтъ припавъ снова на колѣна, — невстану, пока непріобѣщаете! А такъ когда ужъ старуха пріобѣщала, то франтъ всталъ, выпрямылся и — отдохнувъ глубоко.

Двухнедѣльный сезонъ (saison, idény) нашихъ женщинъ въ купѣли вскорѣ минулся, пролетѣлъ какъ сонъ, и за нашими женщинами приспѣла съ дому повозка. Женщины собралися, попращалися съ Мясникомъ, обѣщавшимъ незадолго засвидѣтельствовати лично свое глубочайшее почитаніе, наконецъ тронулись въ обратный путь.

Прекрасный лѣтній вечерокъ былъ, когда стали на дворѣ наши купельницы. Старикъ и Иванъ вышли предъ нихъ съ привѣтстіемъ. Старуха немогла довольно нахвалитися увидя порядокъ такій въ домѣ; а Юлія въ свою очередь нестарчила высказати все что видѣла и слышала на водахъ, но на нашего Ивана больше ужъ и непоглянула.

XXII.

МЕЖДУСОБІЕ, ЕДВА НЕЗАКОНЧИВШЕЕСЯ БРАКОМЪ.

По возвращеніи Юліи изъ купѣли дивымъ стало Ивану, что она его и вниманія неудостоива-

етъ. Но прежде чѣмъ будемъ занниматися нашимъ героемъ, обратимся и вникнемъ что дѣется внутрь, въ кругу семейства.

Старуха все уже высказала что лишь попалось ей на умъ, но про одно имя умалчивала, ей казалось, что всегда, когда это имя она хотѣла высказати, что то задерживало ея. Наконецъ когда старики остались на единѣ, и старуха готовилась лечи спати, развязала уста. Старикъ уже улегъ.

— Спишь старый? еще кое-что должна тебѣ открыти, ибо иначе само провалится бокомъ.

— Ну и что это будетъ? можно прокутила всѣ деньги, либо надѣлала долговъ?

— Ни се, ни то; а о много важнѣйшее: тольне смѣю высказати.

— Э, говорижe, чтобъ непровалилось наружу чрезъ бокъ. Старуха скрѣпя сердце исповѣла, что, вишь, Юлія уловила жениха, который прибудетъ на дняхъ, ибо молодые молъ все ужъ скончили между собою.

— Побери же васъ дѣдко! но тутъ и я имѣю свое слово; сталъ горячитися старикъ.

— Ну, ну, недѣлай шуму ночью, чтобъ несбѣглися всѣ какъ на пожаръ.

— Что скажетъ на этой мой сынокъ Иванъ? Онъ навѣрно сейчасъ оставитъ насъ, а потому кто будетъ вести порядокъ въ домѣ? такого челядника не всюда сыщешь. Вѣдь изъ-за Уляны то онъ столь прилѣженъ, да еще и платы нетребуетъ.

— Неужели ты желаешь имѣти его своимъ зятемъ?

— И за свѣтъ нѣтъ; но знай что пока Уляна въ дѣвкахъ, онъ непрестанетъ надѣятися и нелишится насъ; подъ тѣмъ временемъ можетъ что иное случитися, могу и я померти, а ужъ тогда дѣлайте что хотите. А потому чему это бѣдное гусятко замужъ выдавати?

— Потому что можетъ какую то шалость сдѣлати, вѣдь и Ивану ненадобно во всемъ повѣрити.

— Изъ этого, стара, небудетъ ничего.

— Но потеря великая будетъ для насъ, буде невоспользуемся удобнымъ случаемъ, ибо такій знатный баринъ небудетъ больше на ней сватaтися.

— Что за дѣдко?... еще ктому баринъ,— сталъ подсмѣиватися старикъ. — А, баринъ, навѣрно голотарь, волокита.... Еслибы на дѣлѣ самомъ былъ баринъ, то и непоглянулъ бы на это худощавое созданіе; онъ ужъ навѣрно промотавшійся франтъ, у котораго нѣтъ чѣмъ наѣстися.

— Ага, нѣтъ, столько у него денегъ, что некуда ихъ подѣти.

— Это все вздоръ. Если богатъ — то дуракъ, на самомъ дѣлѣ глупакъ онъ если за такою пропадаетъ, котора ни не красива, ни не богата, котора ктому столько разумѣетъ къ домоведенію, какъ курица къ чтенію. Говорю ти на серіо, чтобъ сюда непріѣзжалъ, ибо велю его выбросити съ слугами на улицю; я для баронвъ не воспиталъ дочь, Еслибъ былъ мужицкій сынъ, Богъ съ нимъ — отдалъ бы, такій по крайней мѣрѣ схочетъ работати но кто разъ промотался, а лишь готовое умѣетъ разточити, такому за дверями у меня мѣсто. Еще бы! про барышню пойду на стары дни съ котомкою!...

Говорю ти что зажиточный, богатый, не нуждается въ нашемъ.

— Знаю я такихъ баровъ — богачей, имъ только денежки въ головѣ.

— Нѣтъ у тебя ума — разума, старый! разсердилася добрая старушка. — развѣ я тому виновата что между собою уладили дѣло, думаю нестанешь вѣрити что навязываю на кого нибудь дѣтя свое? Ну сопротивляйся, увидишь что почнешь съ Юліей.

— Небудетъ изъ этого ничего. Покойной ночи! спи хорошо! Съ тѣмъ скряга обратился къ

стѣнѣ, накрывъ покрываломъ даже и голову и — захрапѣлъ. Но старуха немогла уснути.

Но ни въ побочной избѣ, гдѣ Юлія и Гафія спали; не могли уснути. Едва улеглись, какъ вдругъ щеголиха начала: „Эй Агафіе! когда бы ты вѣдала, но тебѣ это нельзя знати.

Гафія сразу мыслила что дѣло относится до какого то новаго прибору, не совсѣмъ ломала себѣ голову, чтобъ отгадати загадку, самой лише Юліи извѣстную; — поворотилась къ стѣнѣ и пожелала барышни „покойной ночи,“ и умолкла.

— Что скажешь на это Гафіе, когда придетъ за мной богатый баринъ въ вызолоченной каретѣ?

— Объ этомъ ты получше спроси Ивана.

— Никакіе спросы, мнѣ до Ивана ничего, и такъ ужъ знаю что вы двое сплелися съиздавна, и продолжали связь въ моемъ неприсутствіи.

— Это ты мнѣ неговори. Развѣ когда поддобривалась я молодцямъ? Это полно, стыдъ, что ты будучи хозяйскою дочерью бѣгаешь за деньщиками въ конюшни. Развѣ дѣлала я это когда нибудь? Мнѣ ненадо твоего Ивана.

— Моего Ивана? У меня нѣтъ Ивана, мой называется, Артуръ, который и заручился съ мною, незадолго придетъ, знаю будешь дивитися, какъ

теленокъ на новые ворота. Еще бы, Иванъ? ктоже онъ? только бѣдный слуга. Баринъ возьметъ, слышала?

— Но что скажетъ на это Иванъ?

— Развѣ я тѣмъ непокоюся что скажетъ? Несошла еще съ ума чтобъ посягнула за слугу, когда имѣется въ виду богатый баринъ.

— Вѣдь же ты обѣщала ему женой быти, для чего обманываешь его?

— А развѣ юноши необманываютъ довольно дѣвушекъ? пусть обманетъ разъ и дѣвица.

— Это ужъ несчастное дѣло, такъ я и говорити стобою нестану; и замолкла Гафія.

На другій день настало затишье, боевые стороны неговорили между собою объ этой вещи того дня. Старуха раздѣлила свои подарки, а Юлія между тѣмъ открыла служанкамъ, что дескать её возметъ богатый баринъ, а Иванъ молъ „поутирается.“

Иванъ между тѣмъ безъ всякихъ подозрѣній кончилъ свою работу на дворѣ и немало удивлялся увидѣвъ къ вечеру съ твари прочей челяди злорадную насмѣшку надъ собою, когда принуждался поглощати разныя колькости и остроты, а причины незналъ. Въ хлѣвѣ съ нимъ спалъ мальчикъ, пастухъ воловъ, крѣпко привязывавшійся къ нему. И

вотъ Иванъ заговорилъ къ нему когда улеглись:

— Незнаю причину, братецъ, у насъ что-то дивно произошло?

— И я незнаю, но говорятъ что на барышнѣ будетъ женитися какой-то богатый господинъ.

— Отъ кого слышалъ эту вѣсть?

— Сама Юлія говорила служанкамъ: но въ дѣлѣ все таки есть какая-то доля правды, ибо хозяинъ дуется и незаговориваетъ къ хозяйкѣ.

Нашего Ивана какбы молнія поразила; онъ невѣрилъ что Уляна столь безхарактерна. Неужели это есть возмездіемъ моихъ заботъ? — меня держатъ дурнемъ, обманываютъ, а напослѣдокъ выставлятъ на посмѣяніе. — Нѣтъ, это я непринужденъ терпѣти изъ-за того одного, что я только слуга! — Боже мой, какое проклятіе лежитъ на этомъ словѣ слуга! — разсуждалъ въ себѣ Иванъ и хотѣлъ было ужъ уснути, но благодѣтельный сонъ обходилъ его.

Другаго дня пробудившись со сна вознамѣрилъ удатися къ хозяйкѣ и вывѣдатися, правда ли что люди говорятъ, ибо иначе сейчасъ покинетъ домъ. Онъ тоже нужнымъ счелъ повѣдатися съ Юліей, заговорити съ неё, но она обходила его и только спустя три дня могъ захватити её въ огородѣ, гдѣ

она, разряжена по щегольски собирала осенные цвѣты.

— Скажи мнѣ Уляна! чему обходишь мя отъ пару дней? вопросилъ барышню Иванъ.

— А, я въ самомъ дѣлѣ необхожу васъ.

— Васъ? вопросилъ Иванъ съ удивленіемъ; — но почему неоказываешь мнѣ прежнюю приклонность?

— Ну, а кто повелитъ мнѣ чтобъ сякъ, либо такъ обходилася съ вами?

— Такъ? вотъ какъ вижу люди правду говорятъ.

А хоть и правду говорятъ, что кому до меня? я неизслѣдую что вы въ моемъ отсутствіи съ Гафіей „выварили."

— Я ничего плохаго несдѣлалъ, но ты нечестная дѣвушка, ибо разбираешь въ женихахъ какъ въ одеждѣ.

— Боже ты мой! еще смѣетъ говорити что я нечестная. — А ты подлецъ! дармоѣдъ, сейчасъ позову батюшку.

— Ну, бою же я ся твоего батюшки; пус͡ть позовешь и самого дьявола, а я все таки повторяю что нечестна ты дѣвушка.

— Замолкните же, иначе сейчасъ впаду въ обморокъ.

— Ну это мнѣ въ головѣ, — пусть и поразитъ тя. Едва высказалъ это Иванъ такъ сразу остановилась у крыльца дома щегольская бричка, изъ которой выскочилъ богато убранный городскій баринъ.

Юліи этого только надо было, и вмѣсто чтобъ впасти въ обморокъ воскликнула: „вотъ, онъ!“ и побѣжала пріѣзжему въ встрѣчу. Старуха стояла на приспѣ дома и утирала руки въ передникъ, но старикъ невыходилъ изъ своей коморки. Нашъ Иванъ стоялъ въ огородѣ неначе жена Лотова.

Долго раздумывалъ надъ тѣмъ что дѣлати, наконецъ стисъ руку въ кулакъ, погрозился на домъ и разразился съ всѣмъ гнѣвомъ: „Разкажу ему всю истину, разповѣмъ съ какою подлою душею связываетъ судьбу свою, а послѣ покину этотъ грѣховный вертепъ.

Съ такимъ намѣреніемъ направилъ онъ шаги своя къ избѣ, но одна нѣжна рука задержала его. Это была рука Агафіи.

— Пускай меня, пусть иду! заревѣлъ на неё разлюченный Иванъ.

— Нѣтъ, непущу! Иванъ, успокойся, спокойность твоя всего болѣе будетъ Юлію гнѣвати. —

Если бо замѣшаешься между нихъ, то и дѣло высмѣютъ тя. Благодари Бога что такъ сталося. Больше ужъ неговорю, только то додаю, что еслибъ такъ зналъ барышню какъ я знаю её, и за весь міръ неженился бы я на ней.

— Если такъ, то сейчасъ оставляю этотъ домъ.

— И того недѣлай, ибо опять высмѣются надъ тобою. Единъ скажетъ, что прогнали тя; другій, что сдѣлали изъ тебя осла а послѣ обманули. Иванъ! такъ бери все, какъ бы оно тебя ничѣмъ неинтересовало, — тогда весь міръ станетъ по твою сторону, а ихъ осудитъ.

— Ты настоящая ворожея Гафіе! но пусть меня... если на дальше останусь у нихъ.

— Только до новаго года останися, тогда и я хочу убратися оттуда. Теперь продолжай свое занятіе, тѣмъ ты всего скорѣе заткнешь ротъ говорунамъ.

— Ты права, добрая дѣвушка! такъ сдѣлаю по твоему совѣту, — отвѣтилъ Иванъ и пріялся за свою работу, а Гафія побѣжала въ кухню варити для дорогаго гостя.

Между тѣмъ когда въ огородѣ происходилъ этакій разговоръ, гость въ избѣ разложился неначе давный знакомый. Женщины поставили предъ него

вина, сыра и бѣлаго хлѣба, а нашъ гость принялся за предложенное съ отличнымъ аппетитомъ, ибо — какъ замѣчалъ — это все бѣленькія ручки Юліи пріуготовали... Старуха побѣгла къ скрягѣ и стала досаждати, почему ненадѣваетъ праздничнаго платья и неспѣшитъ привѣтствовати великаго гостья

— Я поистиннѣ нестану ухаживати заволоки тою, — отвѣтилъ. Я съ нимъ неимѣю ничего, пусть раднѣе убирается изъ моего дому ибо иначе прожену его, — додалъ.

— Ужъ отважилъ бы ты ся посрамити власную дочь, свой домъ, семью и все? хоть и нетерпишь его то однако появися ужъ ради самаго приличія.

Старикъ поворчалъ еще нѣсколько минутъ, наконецъ вошелъ въ пріемную комнату, но только въ будучномъ платьи.

— Очень радъ что имѣю честь засвидѣтельствовати свое почтеніе. Впервыхъ испрашиваю прощенія что посмѣлъ отягощати васъ, но меня сильно подстрекивало узнати про здоровье досточтимой госпожи и ненаглядной ея барышни, какъ имѣются онѣ послѣ купѣли? — гдѣ я къ неоцѣненному своему удовольствію имѣлъ честь коротко сблизатися съ ними.

— Такъ слѣдуетъ, что и вы сударь были недужнымъ, что должны были посѣтити купели? вопросилъ старикъ.

— Хворати я нехворалъ, но нуждался въ развлеченіи, ибо почти весь прошлой годъ странствовалъ по своимъ дѣламъ изъ Лондона въ Парижъ, изъ Парижа въ Петербъ, а оттуда чрезъ Берлинъ и Вѣну въ Пештъ, — отвитилъ съ такою хвастливостью, что у старика голова кружилася.

— „Говорити вѣдь мастеръ, хотьбы изъ письма читалъ, — и лишь бы только вполовину правды въ его бесѣдѣ, то небылъ бы послѣдній человѣкъ," — подумалъ Софронкіевичь.

Затѣмъ началъ мясникъ разсказывати про свои торговыя сношенія, о хозайствѣ и промыслѣ, изъ чего можно бы найбольше барышней получити, изъ чего вышло то, что старикъ нетолько что полюбилъ франта, но едва самъ ненавязывалъ на него тщедущную барышню.

Выйдя въ кухню хозяйка спросила скрягу: ну какъ нравится „женихъ?"

— Какъ баринъ- то довольно уменъ, ибо и то еще знаетъ, что у коровы суть роги а у лошади ихъ нѣтъ, — отвѣтилъ съ ироніей.

Съ хозайственныхъ предметовъ перешагнул нашъ франтъ къ своему обыденному занятію, т. е сталъ выхваливати столовый приборъ, вино старика умѣлъ говорити о разныхъ родахъ вина, въ чемъ оказался непослѣдимъ знатокомъ. Барышня стала подозрѣвати „волокиту“ въ приклонности больше къ вину чѣмъ къ ней, и выйдя въ кухню горько жаловалась матушкѣ, что необразованный женихъ непроговорилъ къ ней еще ни слова.

— Видишь моя любезная! — отвѣтила мать — что онъ прежде всего заискиваетъ благорасположенія батюшки.

Но барышни такой отвѣтъ вовсе небылъ понутру, она возразила что ему бы выступити какъ говорится „просто съ моста,“ н. пр. вотъ я, Мясникъ, беру барышню Юлію, и конецъ всѣмъ церемоніямъ.

Между тѣмъ старикъ возвратился въ избу и начались между имъ и женихомъ переговоры; франтъ всталъ и предложилъ цѣль своего прибытія, о приданомъ несмекнулъ и слова, вмѣсто того вынулъ и бумажника кучу штатскихъ паперовъ, облигацій и купоновъ, чванясь своими богатствами. — Старикъ думалъ что предъ нимъ стоитъ воскресшій поганскій царь Дарій, съ всѣми своими богатствами.

— Милостивый государь мой! если вы настолько богатъ, то почему убѣгаетеся о руку одной бѣдной, ктому нездоровой дѣвушки? вопросилъ его старикъ.

— У всякаго человѣка, сударь, свой вкусъ. Одинъ любитъ толстое а другій худое, одному брюнетка а другому блондинка: а мнѣ по вкусу токмо барышня Юлія, навѣрно её Богъ мнѣ судилъ.

Старикъ успокоился этимъ отвѣтомъ и наконецъ послѣ длиннаго введенія обратилъ рѣчь на приданное.

— Милостивый государь! неговорьте объ этомъ и слова, мнѣ ненужно приданное, ибо нежелаю чтобъ жилъ на счетъ жены. — Если послѣ кое-что дасте, поблагодарю, или если н. пр. дасте взаимъ на 20—40 перцента чтобъ вложилъ деньги въ коммерческія свои занятія.

— Такъ, сударь мой ожидайте отвѣта о двѣ недѣли.

— Ужъ почему эдакій далекій срокъ? — возразила вступившая въ комнату Юлія.

— Ахъ, ангелъ мой! успокоимся на рѣшеніи великодушныхъ родителей, — отвѣтилъ франтъ и тутже подарилъ старику драгоцѣнные часы, а невѣстѣ своей золотыя серьги; тѣмъ онъ привязалъ

къ себѣ все семейство и старика на столко, что старикъ если бы не постыдался отмѣнити данное слово, сейчасъ бы сдѣлалъ изъ двухъ недѣль два часы.

Такъ скончился день. На отходѣ франтъ, желая показатися кавалеромъ, подсунулъ Гаѳіи въ подарокъ сребрянную монету, но сія отказалася пріяти. Онъ сулилъ деньги и Ивану, но и сей невѣжливо отвѣтилъ: „сберегите деньги для себя, они вамъ скорѣе понадоблятся.“

— Ухъ, сколь грубый народъ! — подумалъ въ себѣ франтъ, — но проучу я ихъ какъ скоро станусь ихъ хозяиномъ, — съ тѣмъ скочилъ въ бричку и понесъ ся вѣтрами.

XXIII.

БРАКЪ ВМѢСТО МИРА ПРИНЕСЪ ВРАЖДУ.

Только послѣ отшествія жениха задумался старецъ надъ тѣмъ, что скажетъ на все ето Иванъ? Къ величайшему удивленію всѣхъ, Иванъ невысказалъ и слова, велъ себя холодно. Теперь когда въ судьбѣ его насталъ поворотъ и онъ хорошенько раздумалъ все, чувствовалъ себя такъ, какъ бы съ сердца ето жерновый камень снялъ. Богатство, доходы все — счезло съ глазъ, а остался только безжизненный, неуклюжій ликъ Юліи, и чѣмъ долѣе

*

разсматривалъ онъ это чучело, тѣмъ болѣе убѣдился что долженъ благодарити Бога, освободившаго его отъ пащеки погибели. Только теперь понялъ онъ совѣтъ прежняго своего хозяина и едва ожидалъ случая, чтобъ испросити у него прощеніе за недовѣріе къ нему его кліента. Но что оставитъ этотъ домъ — это было непоколебимымъ его рѣшеніемъ, ибо подъ такимъ негодяемъ, какъ мясникъ, нежелалъ дальше служити.

Но не такъ равнодушно пріялъ къ сердцу вѣсть о бракѣ жившій въ городѣ чиновникомъ, сынъ старика, Павелъ; онъ какъ скоро получилъ письмо отца, въ всю прыть бѣгъ къ родителямъ, ссорилъ, проклиналъ, трескалъ дверьми, такъ что въ домѣ старика происходилъ другій страшный судъ. Небыло такого гадкаго, позорнаго имени, которымъ непочтилъ бы былъ жениха; небыло такого проклятія, которымъ неудостоилъ бы франта. Юлія хотѣла было заступитися за своего суженаго, но братъ схватилъ палку и если незаступится за неё старуха то едва ли не побьетъ её.

— Вотъ, что наварила теперь съѣжь, какъ какъ постелила такъ поживай!... оказалъ старецъ хозяйкѣ.

Павелъ клялся на чемъ свѣтъ стоитъ, что никогда не перешагнетъ порогъ родительского дому

если отдадутъ сестру за этого волокиту, негодяя. Если ужъ это чучело (сестра) насилу хочетъ замужъ идти, то пусть отдадутъ её Ивану, который хотя слуга но человѣкъ честный, и который не-чуждается барышни, — додалъ и вновь сталъ чествовати личность Мясника разными титулами. Словно, въ домѣ все стало вгору ногами.

Вся эта сцена сильно озадечила Софронкіевича и сталъ подробно вывѣдыватися про будущаго своего зятя. Результатъ былъ въ великой мѣрѣ окорыстный. Мясникъ былъ дѣйствительный волокита говорунъ, живетъ изъ карточной игры и обманства. У старика на такія вѣсти сжалось сердце, но всего болѣе терпѣла хозяйка, ибо всю вину мужъ на нее сваливалъ.

Наконецъ приспѣлъ срочный день. Осенная погода ужасно была скверна, снѣгъ шелъ вмѣстѣ съ дождемъ, вѣтеръ бушевалъ въ всю силу, и собаку жаль было на дворъ выгнати, — а франтъ все таки прибылъ.

Холодно и уныло его привѣтствовали, никто невыходилъ на встрѣчу ему; — на конецъ прибравъ веселую личину вступилъ въ комнату, но тутъ встрѣтили его суровые взоры... Послѣ длинныхъ болтней направилъ рѣчь на цѣль своего появленія, что де-

скатъ принесъ обручительное кольцо на палецъ обожаемой своей невѣсты, на которое заявленіе старики переглянулись между собою, а хозяинъ высказалъ, что они много плохаго слышали объ немъ, да сынъ ихъ Павелъ сопротивляется етому браку и потой причинѣ они неосмѣливаются выдати за него дочь свою.

— Что сыну вашему противна женитьба моя съ вашею дочерью, — началъ франтъ, — это для меня неудивительно, ибо онъ на больше мѣстахъ ужъ объявилъ, что все сдѣтаетъ чтобъ воспрепятствовати своей сестрѣ дабы невышла замужъ, этого ужъ требуютъ его разчеты; — что и другіе о мнѣ плохо говорятъ — и это понимаю, ибо въ такую пору найбольше враждуетъ діяволъ, ктому же у меня множество завистниковъ, которые особенно теперь немогутъ простиги мнѣ предполагаемаго счастья съ вашею дочерью. — Затѣмъ разсказалъ длинную исторію, какъ именно нѣкоторыя матушки силятся отстрашити его отъ Юліи, потому что и у нихъ есть довольно дорослыхъ дѣвушекъ, но онъ знаетъ хорошо путь изъ Лондона въ Вѣну, и имѣлъ случайность въ своихъ путешествіяхъ искусити что люди вездѣ одни и тѣже, — потому онъ обращаетъ вниманіе на свое сердце а не на людскіе языки. . . .

— Можно что это дѣйствительно такъ, — отвѣтилъ старикъ, — но думаю, неповредилобы нѣсколько подождати, такъ н. пр. два либо четыре года, и такъ вы еще обое молоды. . . .

Едва это высказалъ старикъ, какъ тутже барышня не нашутку расплакалася, стала впадати въ обморокъ; бѣдные родители струсили, испугалися, тѣмъ больше что барышня еще замѣтила: — „Вы, какъ кажется меня въ жертву обрекли чтобъ всю спадшину вашему сыну — пьяницѣ оставити, но и я буду знати что сдѣлати.

Мясникъ спѣша воспользоваться этою помѣхой, сразу только Юлію началъ успокоивати, а потому ужъ направилъ рѣчь къ сердцу родителей. — Я неготовъ вѣрити чтобъ у васъ было столь жестокое сердце, могущее впервыхъ ваше дѣтя, а послѣ и меня — несчастливыми сдѣлати. Ибо какая же вамъ польза изъ нашего несчастья? Развѣ вы ужъ наслѣпо повѣрили злымъ языкамъ, клеветѣ, никогда неотстающей ни отъ какого малженства? Изъ-за сына? который чтобъ все поглотилъ, готовъ къ смерти свою ненаглядную сестрицу? . . . Нѣтъ, вы неможете быти столь жестокими, немилосердными родителями! — Я полагаю, что вы вѣрите въ Бога, вѣчную жизнь и въ страшный судъ, какъ же

оявитеся предъ судилище Его, когда власное дня убили? . . . .

На такую назидательную рѣчь у старухи р ызгнули слезы, самъ даже старикъ смягчилъ се рдве и дрожащимъ голосомъ произнесъ: „Богъ съ вами, если ужъ такъ настаиваете, то пусть будетъ по вашему, но я руки мою, какъ Понтейскій.“

— Пусть станется Божья воля, если Онъ такъ желаетъ, да благословитъ ихъ союзъ, — додала хозяйка, — но и вы того глядите чтобъ счастливы были.

— О, что касается блаженства, оно нестанетъ, когда Юлія моя. Зналъ я что у нашихъ родителей христіянское сердце. Поди Юлія, поблагодаримъ доброту родителей, — будемъ имъ благодарны за то, что скорѣе увѣрили намъ чѣмъ коварнымъ языкамъ, — сказалъ восхищенный женихъ и съ тѣмъ схватилъ за руку Юлію, потащилъ ее къ старухѣ и осыпалъ ее поцѣлуями; затѣмъ напалъ на старика и столь крѣпко притискалъ его, что сей ажъ разкашлялся. Теперь франтъ поступилъ къ щеголихѣ съ намѣреніемъ поцѣловати её, но такъ какъ она въ ту саму нору ѣла медовникъ, чтобъ непрепятствовати ей въ томъ, она довольно страннымъ образомъ оттолкнула отъ себя жениха. — Погоди-

жи немножко, — додала, — пока съѣмъ, тогда ужъ эоть и цѣлуйте.

Мясникъ былъ внѣ себя отъ радости, бѣгалъ отъ одного къ другому, сжималъ имъ руки, цѣловался, благодарилъ Бога, даровавшаго ему столь великое счастье. — Эго самый счастливѣйшій день въ моей жизни, попразднуемъ же его елико возможно, нетакъ-ли любезная моя Юлія? вопросилъ невѣсту, озабоченную только своимъ калачемъ.

— Какая у васъ прислуга въ домѣ? когда впервый разъ посѣтилъ васъ и желалъ было дати подарокъ служанкѣ, то она грубо отказалась пріяти.

— Это навѣрно была Агафія, не настолько служанка какъ скорѣе отдаленная сродница, — отвѣтила старуха.

— Если такъ дѣло имѣется, то я ее оскорбилъ, впрочемъ поправлю свой промахъ.

— Поправляти непоправляйте, ибо наконецъ будетъ думати, что она вамъ, или лучше тебѣ — нравится. Ужъ я знаю ее, она така, — возразила невѣста.

— А этотъ щегольскій слуга? вопросилъ снова франтъ. — Онъ воплощенный грубіанъ, простакъ.

— Это вѣроятно Иванъ, деньщикъ нашъ, — отвѣтила старуха.

— Ахъ, какъ жалѣю что невыплескалъ его.

— Шкода бы его было, — отвѣтилъ старикъ, — ибо иначе хорошій онъ челядникъ, изрядный юноша, впрочемъ несовѣтно бы было прикоснутися ему.

Свечерѣло. Мясникъ поспѣшилъ въ кухню желая поправити прежнюю свою ошибку относительно Гафіи, но тутъ вскорѣ застала его Юлія, отъ которой достался ему незавидный урокъ. Затѣмъ вооружилась щеголиха противо Гафіи, ругая её, что хочетъ отторгнути отъ нее жениха, — но и Гафія неосталась ей одолженною, высказала прямо въ глаза баловницѣ, что дескать она небѣгаетъ за молодцами, тѣмъ менѣе за этакою обезяною, какій въ самомъ дѣлѣ ей женихъ о котораго не отерла бы и свой башмакъ. — „Убирайся вонъ, вотъ въ избѣ у тебя Мясникъ, а ты купленная имъ на зарѣзъ скотина!

Юлія незнала что дѣлати: впасти ли въ обморокъ, либо лаяти.

Хладнокровное, спокойное поведеніе Ивана немало удивляло стариковъ. Хозяйка выводила изъ того что будто союзъ между Иваномъ и Юліей небылъ серьезный, какъ казалось сразу; а старецъ толковалъ что Иванъ какъ разсудный юноша понялъ наконецъ что не ему убѣгатися за такою дѣвушкою

На другій день послѣ свадьбы занимался работою на дворѣ, какъ вдругъ подошелъ къ нему хозяинъ съ вопросомъ: „Ну сынокъ! пора поразумѣтися, останешь ли и надальше, либо нѣтъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ лаконически и холодно.

— Можно, недоволенъ платою?

— Хоть все ваше имѣніе дасте мнѣ, и тогда неостануся.

— Ну и почему?

— Ужъ это только я знаю, но если и вы хотите знати, то и вамъ объявлю, что у такого подлеца, какій зять вашъ, нехочу служити.

Съ старикомъ вскружился весь свѣтъ. едва новлекся въ избу. — Вотъ тебѣ, стара! Иванъ убирается; сходи къ нему и отговори его.

И старуха потрудилась отговорити его, — но напрасно . . . . . — „Подумай лише Гафіе! Иванъ хочетъ покинути насъ,“

— Это я знаю, но говорю вамъ что и я неостануся, додала.

— Что? и ты идешь?

— Довольно я ужъ натерпѣлась Іюліи, пусть не колетъ мнѣ неустанно глаза что будто питаюсь ласковымъ хлѣбомъ.

— Ради Бога, Агафіе! по крайней мѣрѣ ты не отходи что почну сама! — просила, умоляла добрая старушка, но Гафія рѣшительно оставалась при своемъ „нѣтъ,“ ибо какъ ей кажется, отселѣ зять будетъ повелѣвати.

И Гафія была права. Мясникъ вдругъ заглянулъ въ кладовыя, сталъ подговоривати старика столько — и столько зерноваго хлѣба продалъ, ибо по его разсчетамъ большая сумма денегъ залеживается безполезно въ зернѣ, что немалая потеря для хлѣбопашца, раднѣ да провадитъ промисль деньгами, либо ему, Мяснику, дасть взаимъ на 20 — 30 $_0/^0$. — Старикъ на все согласился, а нашъ франтъ, ну вали все на возы и тащи въ городъ на продажу, за что обѣщалъ принеоти пару тысящей гульдениковъ.

Сколько спродалъ — это незнати, но непринесъ и крайцара домой, а старикъ лише почесывался по затылкѣ.

XXIV.

ОДНА ВЫѢЗДКА И ЕЯ РЕЗУЛЬТАТЪ.

Что зять до всего сталъ вмѣшиватися и повелѣвати, это вскорѣ познала добрая старушка, а то тѣмъ болѣе, что Иванъ и Гафія одновременно

хотѣли оставити домъ. Горесть ея еще тѣмъ взмагалася, что ворчаливый старикъ все на ей голову сваливалъ. Такъ протекло нѣсколько недѣль въ плачѣ и воздыханіяхъ, ажъ отразу лицо у хозяйки прояснилося.

— Любезный мужъ! — заговорила одного вечера хозяйка къ хозяину, когда вдвоемъ сидѣли въ комнатѣ, — мнѣ на души какъ-то полегчало, любила бы на нѣсколько дней отѣхати, можно что поѣздка эта и развлеченіе поправлятъ разстроенное мое здоровье.

— Про меня дѣлай что хочешь, отѣзжай къ сыну либо зятю.

— Ни къ одному неѣду, но посѣтити хочу Андрея хозяина и, такъ ужъ давно обѣщала ему.

— Стало на томъ, старуха выбралась въ путь, взяла съ собою и Агафію; а Иванъ погонялъ лошади.

Андрей хозяинъ немало удивился, видя подкатити подъ крыльцо дому ненаглядныхъ своихъ гостей.

Гости размѣстились, разгостились у нашего Андрея хозяина и когда послѣ ужина хозяинъ остался наединѣ съ гостью — старухой, эта послѣдняя вздохнувъ изъ глубины сердца, начала вотъ какій разговоръ:

— Любезный сродникъ, хочу вамъ прямо высказати причину нашего пріѣзда, мы ужъ пользовались больше разовъ вашими совѣтами, надѣюсь что и теперь неоткажете въ доброй радѣ.

— Охотно, хорошее слово непокупается на деньгахъ.

— Сначала шли наши дѣла до — нельзя лучше, но сего лѣта къ большему нашему нещастью отправились было мы съ дочерью въ В-скую купель, тамъ моя Уляна влюбилась въ одного барына, и съ тѣхъ поръ легло какое-то проклятье на нашъ домъ, все пошло долой. — Сынъ лишь разходовати, а зять повелѣвати умѣютъ, а теперь, пожалуй, и Иванъ и Агафія вмѣстѣ оставити насъ хотятъ. Я думаю, что всего лучшее было бы вредоставити наше хозяйство въ арендное пользованье, — а то Ивану; тѣмъ и мы бы выиграли и онъ сталъ бы ся счастливымъ. Какое на счетъ этого ваше мвѣніе?

— Небыло бы это плохо, но для затрудненія стоятъ на дорогѣ: одно, что хозяйство пространное, а другое: что къ этому требуются деньги; а затѣмъ самъ онъ неможетъ вести домохозяйство, требуется еще хорошая хозяйка.

— Хорошею хозяйкою была бы эта дѣвушка, которую я съ собою взяла. Она здорова, крѣпка

трудолюбивая и умная; но жаль и она убогая. Однако небыло бы плохо еслибъ Иванъ её поялъ.

— Ну и что сказали бы на это остальные?

— Мужъ порадовалъ бы ся что такому человѣку далъ въ аренду свое имѣніе, каковъ Иванъ. Сыну все равно лишь бы денегъ хватало. На зятя я и невнимаю. А что касается дѣвицы, то она — навѣрно небудетъ противна.

Послѣ долгаго собесѣдованія наконецъ рѣшили, что утромъ поговоритъ Андрей хозяинъ съ Иваномъ, а женщина съ Агафіей.

Разговоръ сбылся; Иванъ разсудивъ хорошенько дѣло согласился, такъ само и Агафія недолго, оттягивалася. По возвращеніи домой составили записку на арендное пользованіе Ивана, обручили съ Агафіей, отпраздновали славно свадьбу, были всѣ осчастливлены, кромѣ Юліи и Мясника, — — такъ изъ развратнаго слуги стался честный, счастливый: Иванъ хозяинъ.

А. Кралицкій.

Пер... ... *10. 2.*

Hrabar

